

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

1
2014

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

1.2014

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Издается с 2002 г.

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шарафутдинова К.Р.

- Портретная деталь в экспозиции романов
«Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Мадам Бовари» Г. Флобера:
рецептивно-нарратологические стратегии 5

ЛИНГВИСТИКА

Алтаев В.М.

- Падежное варьирование в японском языке 14

Борисова Л.В.

- Концепт «дерево» как лингвокультурный код 34

Коваль П.А.

- Плавающие кванторы и информационная структура
в татарском языке 46

Летучий А.Б.

- Синтаксические свойства сентенциальных актантов
при предикативах 62

Мороз Г.А.

- Структура составных числительных языков Кавказа
в типологической перспективе: сложение 85

Пименова Н.Б.

- Между местоименной клитикой и частицей:
утрата признаков согласования
показателем относительного подчинения
в древнесаксонском языке 101

НАШИ АВТОРЫ	114
CONTENTS	115
ПАМЯТКА АВТОРУ	118

К.Р. Шарафутдинова

Портретная деталь в экспозиции романов «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Мадам Бовари» Г. Флобера: рецептивно-нарратологические стратегии

На основе анализа использования деталей в экспозиции романов «Анна Каренина» Толстого и «Мадам Бовари» Флобера исследуются особенности формирования одной из фаз нарратологического сюжета, горизонта читательских ожиданий, обусловленные сходством и различием решаемых художественных задач.

Ключевые слова: нарратологический сюжет, портретная деталь, экспозиция, рецептивные установки, вектор читательского восприятия, горизонт ожидания.

Нам представляется актуальным подойти к сопоставлению романов Толстого и Флобера с позиций современной нарратологии и принципов рецептивно-эстетического подхода, изучения функции деталей при построении интриги и отображении точки зрения нарративного высказывания, в процессе формирования читательского восприятия, горизонта читательских ожиданий. В рамках статьи мы сосредоточим внимание на экспозиции как структурном элементе, обнаруживающем стратегию каждого из повествователей и романистов.

В экспозиции к первой части романа Толстой акцентирует внимание читателей на том, что определяет статус счастья и счастливой семьи. Анна Каренина – любящая жена, мать. Муж Анны богат, у нее есть друзья. Анне не о чем мечтать, все, чего желают другие, у нее есть. Изображаемое благополучие подспудно готовит читателя к распаду гармонии, выступает как избыточное, а потому мнимое.

Флобер же, напротив, в экспозиции к роману акцентирует внимание читателей на том, что Эмма выросла в монастыре на романтической литературе. Социальный статус персонажей, их положение в обществе, их предыстория существенно различны.

Рассмотрим, как с помощью портретных деталей выстраиваются нарративные стратегии в сюжете романов Флобера «Мадам Бовари» и Толстого «Анна Каренина».

В экспозиции к действию Толстой рисует следующую сцену: – *Да, мы все время с графиней говорили, я о своем, она о своем сыне, – сказала Каренина, и опять улыбка осветила ее лицо...* [3, с. 68]. Толстой описывает речевое поведение Анны, и эта деталь настраивает читателя на то, что будет описана заботливая мать и жена. Деталь задает определенный вектор дальнейшего развития нарративного сюжета.

Этот лейтмотив счастья постепенно усиливается. Рисуя встречу Долли и Стивы, Толстой снова использует не авторское описание, а диалог: *Долли, услышав шум платья, обернулась. Рядом стояла Анна: – А ты сияешь счастьем и здоровьем! – сказала Долли почти с завистью* [Там же, с. 72].

Описывая эмоциональное состояние страдающей Долли, Толстой показывает, что душевное благополучие, которым обладает Анна, проявляется вовне. Используя портретную психологическую деталь, передавая впечатление, а не само выражение зависти на лице Долли, Толстой дает понять читателям, что Анна до знакомства с Вронским была счастлива.

Читательские установки в экспозиционных сценах к роману ориентированы на восприятие гармоничного облика Анны. Использование «сценического» приема объективирует изображение.

Число участников сцены расширяется, входит мотив появления ребенка как одного из критериев в оценке искренности ее участников: – *Боже мой, Таня! Ровесница Сереже моему, – прибавила она (Анна. – К.Ш.), обращаясь ко вбежавшей девочке. Она взяла ее на руки и поцеловала. – Прелестная девочка, прелесть! Покажи же мне всех* [Там же]. Деталь *взяла ее на руки и поцеловала* указывает на то, что Анне небезразличны и дети Долли, и она сама. Анна приехала помочь ей помириться со Стивой, а не позлословить, как другие дамы ее круга.

В экспозиции к роману Толстой стремится создать облик героини, который вызывал бы у всех читателей симпатию. Она готова прийти на помощь, умеет искренне сочувствовать чужому горю, лишена зависти, черствости, злости. Однако совсем не таким рисовался образ Анны в первоначальных набросках: «По первому наброску облик будущей Анны нарисован в непривлекательном виде – ее внешность, манеры не рас-

полагают к ней читателя, и разговоры об Анне в обществе закрепляют отрицательное впечатление. “Она дурно кончит”, “она дурно кончила” – говорят о женщине, в манерах которой проскальзывает вульгарность, а в одежде что-то “вызывающе дерзкое”» [1, с. 814]. «В нескольких вариантах, извлеченных из рукописей, хронологически предшествующих первой попытке печатания романа, подчеркивается еще религиозное ханжество Анны» [4, с. 597]. Именно «таким рисовался сначала обаятельный в будущем образ героини» [1, с. 814].

Эмма Флобера принадлежит к другой среде, другому социальному кругу, у нее другое воспитание, у создавшего ее автора другие художественные цели. В экспозиции романа, сюжетной линии, связывающей ее с Шарлем, писатель рисует сцену, содержащую множество деталей, среди них особенно значима следующая: *Comme il était presque vide, elle se renversait pour boire; et, la tête en arrière, les lèvres avancées, le cou tendu, elle riait de ne rien sentir, tandis que le bout de sa langue, passant entre ses dents fines, léchait à petits coups le fond du verre*¹ [6, с. 47]. Благодаря «описательным» деталям *les lèvres avancées* (вытягивая губы), *le cou tendu* (кончиком языка), *léchait à petits coups le fond du verre* (едва касалась дна), Флобер создает читательскую установку, направленную на то, чтобы персонаж воспринимался в сниженном регистре. Автор акцентирует внимание читателей на том, что, хотя Эмма и получила образование в монастыре, она ведет себя вульгарно. Флобер, используя портретные детали, с самого начала показывает, что в натуре Эммы особую роль играет физиологическое начало.

Флобер описывает разговор Шарля и Эммы, акцентируя внимание на взгляде, звучании голоса, на внешних проявлениях бессознательного: *... sa voix était claire, aiguë, ou se couvrant de langueur tout à coup, traînait des modulations qui finissaient presque en murmures, quand elle se parlait à elle-même, – tantôt joyeuse, ouvrant des yeux naïfs, puis les paupières à demi closes, le regard noyé d’ennui, la pensée vagabondant*² [Там же, с. 48–49]. Здесь детали вводят новую читательскую установку: Эмма, несмотря

¹ Рюмка была почти пустая, и, чтобы выпить, Эмме пришлось откачнуться назад; запрокидывая голову, вытягивая губы и напрягая шею, она смеялась, оттого что ничего не ощущала во рту, и кончиком языка, пропущенным между двумя рядами мелких зубов, едва касалась дна [5, с. 49].

² В зависимости от того, о чем именно она говорила, голос ее делался то высоким и звонким, то внезапно ослабевал, и, когда она рассказывала о себе, постепенно снижался почти до шепота, меж тем как лицо ее то озарялось радостью, и она широко раскрывала свои наивные глаза, а то вдруг мысль ее уносилась далеко, и она смотрела скучающим взглядом из-под полуопущенных век [5, с. 50].

на свою пошлость, мечтательна, наивна, в ней живут некие, не вполне осознаваемые ею импульсы, ожидания, ощущения.

Проследим, как портретная деталь в дальнейшем вписывается в нарративные стратегии, выстраивает их.

Положительный образ Анны в романе Толстого «Анна Каренина» вскоре изменится, а читательские установки, которые описаны в экспозиции к роману, будут по-новому выстраивать развитие интриги. Читатель, тем не менее, не будет забывать свои первые впечатления от встречи с Анной.

В сцены-диалоги, выполняющие роль экспозиции, Толстой вводит важнейший в структуре романа мотив – измены и прощения. Долли стала рассказывать Анне о своем горе. – *О нет, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю, – говорила Анна, пожимая ее руку* [3, с. 72]. И здесь возникает вопрос, который уходит далеко в будущее, которого еще не знают герои: Долли спрашивает Анну о том, смогла бы она простить измену или нет. – *Не знаю, не могу судить.... Нет, могу, – сказала Анна, подумав; и, уловив мыслью положение и взвесив его на внутренних весах, прибавила: – Нет, могу, могу, могу. Да, я простила бы* [Там же, с. 76]. Третье повторенное «могу» говорит о цели, которую преследует Анна – примирить Долли с мужем, в то же время выстраивает очень отдаленную перспективу, связанную уже с судьбой самой Анны.

Деталь *пожимая руку* настраивает на восприятие Анны как человека сочувствующего, готового прийти на помощь, искренне сострадающего чужому горю. Говоря Долли о том, что она смогла бы простить измену, Анна лукавит. Деталь, передающая голос (Анна говорит с остановками, на это указывает многоточие), объясняет вдумчивому читателю, что Анна все-таки способна солгать, но только когда это, по ее мнению, необходимо. В восприятии читателей возникает образ почти идеальной героини. Вектор читательского восприятия ориентирован на создание образа положительного героя, на выработку глубокой читательской симпатии к героине.

Экспозиция переплетает впечатления, вводит в новых контекстах уже встречавшиеся имена, так естественно и как будто произвольно возникает имя Вронского: – *Словом, герой, – сказала Анна, улыбаясь и вспоминая про эти двести рублей, которые он дал на станции*. Примечателен тот факт, что при встрече Анны с Вронским на станции в черновых редакциях «... задавленный поездом был молодой человек в пальто с собачьим воротником и в лиловых штанах. Но затем молодой человек заменен был старым мужиком в сапогах. Какой-то чиновник рассказывал, что тот, кто убит, сам бросился, когда стали отводить поезд. В ответ на чье-то заме-

чание, что смерть была мгновенная, Анна спрашивает: “Мгновенная?”» [4, с. 589].

В окончательном тексте романа останется лишь одна фраза: *Дурное предзнаменование* [3, с. 70]. Благодаря мастерски замененной портретной детали Толстым, исчезает мгновенно возникнувшее чувство тревоги, и читатели, точно так же, как и Анна, находятся в неведении относительно того, что произойдет.

В каждом эпизоде Толстой выделяет значимую портретную деталь: ... *Однако, славу богу, Стива долго остается у Долли в кабинете, – прибавила Анна, переменяя разговор и вставая, как показалось Кити, чем-то недовольная* [Там же, с. 77].

Еще до того, как Каренина встретится с Вронским на балу, Толстой с помощью детали *чем-то недовольная* вводит некий диссонанс, нечто мелькнувшее, еще не осознанное героиней, но уже пробивающееся на поверхность – отношение Анны к Вронскому. Анна симпатизирует ему, но почему-то чем-то недовольная меняет тему разговора.

Вдумчивый читатель, благодаря расставленным акцентам – рецептивным установкам, используемым описательным и психологическим деталям, понимает, что недовольство Анны неслучайно. Она чувствует, что что-то произошло в их взаимоотношениях с Вронским еще при первом знакомстве. Толстой не договаривает, и это создает дополнительную притягательность разворачивающейся интриге.

На балу Анна ближе знакомится с Вронским. Толстой создает в экспозиции романа двойной «треугольник»: это не только Анна – Вронский – Каренин, но и Анна – Вронский – Кити, поскольку и Анна, и Кити влюблены в молодого графа.

Драматизм ситуаций основан на акцентировке косвенных признаков:

– *Кити, ты не танцуешь мазурку?*

– *Нет, нет, – сказала Кити дрожащим от слез голосом* [Там же, с. 88].

Деталь *дрожащим от слез голосом* создает психологический подтекст сцены. Он углубляется на основе пересечения сюжетных линий Анны и Кити с центром притяжения в лице Вронского.

Этот центр притяжения существенно меняет поведение участников интриги. Анна подзывает к себе Кити: *Кити испуганно смотрела на нее, подходя... Но, заметив, что лицо Кити только выражением отчаяния и удивления ответило на ее улыбку, она отвернулась от нее и весело заговорила с другою дамой* [Там же, с. 69].

В черновых набросках при описании этой сцены отмечалось не только равнодушие Анны, но и желание унижить Кити: «Унижение ее (Кити) довершается тем, что Анна, сначала по ходу фигуры подозвавшая к себе

одну даму и Кити, затем, спохватившись, прищурившись, виновато сказала: “ Мне нужно одну, кажется одну и равнодушно отвернулась от вопро- сительного взгляда Кити ”» [4, с. 608].

В окончательном варианте текста сцена эта изменена, но тем не менее Анна ведет себя не так, как ожидает читатель. Толстой описывает пове- дение Анны, используя всего лишь одну портретную деталь *весело заго- ворила с другою дамой*, но эта деталь полностью меняет вектор чита- тельского восприятия. В образе Анны возникают отрицательные черты: она отворачивается от Кити, смеется и разговаривает с другой дамой, в то время как Кити испытывает душевные муки. Каренина не может не догадываться о том, что ее поведение ранит Кити, но она ничего не хочет замечать.

– *А вы решительно едете завтра?* – спросил Вронский на балу.

– *Да, я думаю,* – отвечала Анна, как бы удивляясь смелости его вопро- са; но неудержимый дрожащий блеск глаз и улыбки обжег его, когда она говорила это [3, с. 90].

Скрупулезно подбирая портретные детали (детали-впечатления, дета- ли-реакции, детали-состояния), Толстой использует «световые» эффек- ты – *блеск, обжег* – как первые знаки того огня, который принесет ката- строфу. Каренина начнет совершать поступки, о которых прежде даже не осмелилась бы и подумать.

Толстой выстраивает эпизоды как ряд следующих друг за другом сцен, важных с точки зрения формирования нарративного сюжета.

В сюжет вторгается случай, он значим с точки зрения развертывания интриги. Возвращаясь в Петербург, Анна встречает в поезде Вронского: *Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете?* – сказала она, опустив руку, которою взялась было за столбик. *И неудержимая радость и оживле- ние сияли на ее лице* [Там же, с. 69]. Анна не представляет еще себе, как в дальнейшем будут выстраиваться ее взаимоотношения с Вронским, но его внимание заставляет Каренину испытывать чувство, граничащее со счастьем. Испытываемое героиней счастье как будто оправдывает Анну в глазах читателя.

Поезд, встреча с мужем, с знакомыми – звенья новой интриги. Анна, вернувшись домой, испытывает странные чувства по отношению к мужу: *Все-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере,* – говорила себе Анна, вернувшись к себе, как будто защи- щая его пред кем-то, кто обвинял его и говорил, что его нельзя любить [Там же, с. 119] и к сыну: *И сын, так же, как и муж, произвел в Анне чувство, похожее на разочарование* [Там же, с. 114]. Толстой здесь если не всезнающий, то всевидящий писатель.

Но испытываемые эмоции проходят мгновенно, оказавшись дома, Анна вскоре обо всем забудет¹: *Она рада была, что не поехала никуда и так хорошо провела этот вечер. Ей так легко и спокойно было, так ясно она видела, что все, что ей на железной дороге представлялось столь значительным, был только один из обычных ничтожных случаев светской жизни и что ей ни пред кем, ни пред собой стыдиться нечего* [3, с. 117].

Перед сном Анна, раздевшись, ... вошла в спальню, но на лице ее не только не было того оживления, которое в бытность ее в Москве так и брызгало из ее глаз и улыбки: напротив, теперь огонь казался потушенным в ней или где-то далеко припрятанным [Там же, с. 119]. Повествователь не стремится проникнуть в то, что скрыто от самих героев.

Читательские установки усложняются, меняются от эпизода к эпизоду: безусловно положительные, привлекательные качества героини заменяются незнакомыми чертами, требуют от читателя размышления, переоценки происходящего.

Портретные детали, передающие эмоциональное состояние Анны, создают новый горизонт ожидания, подсказывают вдумчивому читателю, что в дальнейшем произойдет нечто, что разрушит семейное благополучие Анны.

Семейное же благополучие Эммы разрушится совершенно по другой причине. И это просматривается уже в экспозиции романа: *Elle se demandait s'il n'y aurait pas eu moyen, par d'autres combinaisons du hasard, de rencontrer un autre homme; et elle cherchait à imaginer quels eussent été ces événements non survenus, cette vie différenet*² [6, с. 93]. Используя портретные детали (эмоциональные), Флобер подготавливает читателей к тому, что жизнь Эммы изменится. Писатель еще не рисует измены, но подготавливает свою героиню и читателя к ней. Создается читательская установка, направленная на то, что Эмма может и готова изменить своему мужу. Она, дочь фермера, воспитанная в монастырском пансионе, на романтической литературе, сформировала в своем сознании образ идеального возлюбленного.

¹ Обращает на себя внимание изменение отношения Анны не только к родным, но и к знакомым. В черновых редакциях «говорится о том, что Бетси, навестив Анну после ее возвращения из Москвы, рассказала ей “кучу новостей светских, браков, ухаживаний”. И к этому добавлено: “В этих рассказах и разговорах Анна уже совершенно нашла себя. Особенно новость, что N выходит за Б, живо заняла ее”» [4, с. 597]. В окончательном варианте текста Толстой изменит в описываемой сцене отношение Анны к Вронскому.

² *Она пыталась представить себе, как бы происходили эти несовершившиеся события, как бы сложилась эта совсем иная жизнь, каков был бы этот неведомый ее супруг* [5, с. 68].

Бал в замке Вобьессар позволяет увидеть несоответствие между тем, что грезится Эмме, и тем, что ее окружает: *...et sans cesse les yeux d'Emma revenaient d'eux-mêmes sur ce vieil homme à lèvres pendantes, comme sur quelque chose d'extraordinaire et d'auguste. Il avait vécu à la Cour et couché dans le lit des reines!*¹ [6, с. 103].

Портретные детали (описание старика и взгляда Эммы) – контрастно противопоставлены. Они расширяют вектор читательского восприятия. Эмма не только мысленно рисует другую жизнь с другим мужем, но и дорисовывает в своем воображении идеал жизни, к которому не приблизится никогда. Благодаря установкам, формируемым с помощью портретных деталей, Флобер с каждым новым штрихом дополняет образ Эммы, показывая истоки трагедии. Эмма наблюдает в замке другую жизнь, к которой стремится мысленно. И старик с отвисшими губами становится священным символом этой жизни. В этой детали находит проявление позиция повествователя, его оценочное отношение к героине.

После бала Эмма возвращается домой и надеется на то, что их с Шарлем будут приглашать на светские мероприятия, на которых она будет блистать. Но время остановилось. Флобер рисует мир, в котором ничего не происходит, и это ведет к депрессии: *... en effet, si soigneuse autrefois et délicate, elle restait à présent des journées entières sans s'habiller, portait des bas de coton gris, s'éclairait à la chandelle*² [Там же, с. 137]. Внешние портретные детали помогают понять внутреннее состояние Эммы. Ей, мечтающей о приключениях и сильных страстях, жизнь с Шарлем опостылела до такой степени, что она теперь носит серые бумажные чулки.

Флобер меняет «дислокацию» своих героев, чтобы вернуть их к исходной точке. Еще до того, как чета Бовари переедет, Флобер подготавливает читателя к переменам. Эмма пытается изменить свою жизнь не только мысленно, но и физически. Флобер формирует это ожидание у читателя.

Детали у Толстого и Флобера динамичны, они формируют горизонт читательских ожиданий. Динамичность деталей позволяет читателям настраиваться не только на определенный способ рецепции, но и воспринимать новое произведение в двойном ракурсе: в более узком горизонте своих литературных ожиданий и в широком горизонте своего собственного жизненного опыта.

¹ Этот вислугубый старик невольно притягивал к себе взгляд Эммы, как будто перед ней было что-то величественное, необыкновенное. Подумать только: он жил при дворе, он лежал в постели королевы! [5, с. 72].

² ... прежде Эмма тщательно следила за собой, а теперь по целым дням ходила неодетая, носила серые бумажные чулки, сидела при свечке [5, с. 86].

Сопоставление экспозиции романов «Анна Каренина» и «Мадам Бовари» позволяет заметить: стратегии реалиста Толстого более многовекторны, субъективно нюансированы, ориентированы на дальнюю перспективу разработки сложнейшей психологической проблематики, у Флобера не столь многозначны, выверены в пределах единого вектора оценки повествователем изображаемых событий.

Библиографический список

1. История создания романа «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Анна Каренина / Под общ. ред. В.А. Жданова и Э.Е. Зайденшура. Сер. «Литературные памятники». М., 1970. С. 803–833.
2. Мережковский Д. Л.Н. Толстой и Достоевский // Вечные спутники. М., 1995.
3. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Под общ. ред. В.Г. Черткова // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 18. М., 1935.
4. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Черновые редакции и варианты / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М., 1939.
5. Флобер Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983.
6. Flaubert G. Madame Bovary. Paris, 1929.

В.М. Алпатов

Падежное варьирование в японском языке

В японском языке имеется развитая падежная система, падежные показатели являются послелогоми. Есть четыре первичных показателя (*ga, o, no, ni*), обозначающие синтаксические отношения, и несколько вторичных с дополнительными значениями (орудия, направления и т.д.), возможен и нуль показателя. Есть контексты, в которых допустимы разные показатели или показатель и нуль, иногда имеется некоторое семантическое различие, бывают прагматические отличия, но во многих случаях показатели взаимозаменяемы. В статье анализируются некоторые случаи падежного варьирования в японском языке.

Ключевые слова: падеж, послелог, первичный падежный показатель, вторичный падежный показатель, варьирование наличия и отсутствия послелога в японском языке.

Японский язык обладает развитой падежной системой в том смысле, что в нем имеется система приименных грамматических показателей, указывающих на ту или иную синтаксическую позицию соответствующего имени (некоторые из них могут обладать и несинтаксическими компонентами значения).

Впрочем, к термину «падеж» японисты могут относиться по-разному. С одной стороны, в американской японистике наблюдается тенденция избегать такого рода терминов; при этом падежные показатели именуются *clause particles* [11, с. 35; 25, с. 343]. Но это скорее общая тенденция, сложившаяся в эпоху дескриптивизма: избегать любых традиционных терминов, восходящих к латыни. С другой стороны, некоторые отечественные японисты пишут: «Субстантивы не имеют категорий рода, числа и падежа» [3, с. 80], исходя из принятых в русской традиции определений, например, «*категорией падежа* называется словоизменяемая категория имени, обозначающая, что словоформа существительного выступает

в качестве подчиненной при глаголе, другом имени или наречии и несет при этом отвлеченное значение отношения» [4, с. 326]; грамматическая категория в свою очередь определяется «совокупностью словоформ (парадигмой)» [Там же, с. 317]. Т.е. хотя бы некоторые из падежей того или иного языка должны выражаться внутри именной словоформы.

Точка зрения о падежном словоизменении в японском языке действительно существовала, причем, что показательно, только в России. Впервые ее высказал Е.Д. Поливанов, первый в нашей стране лингвист-теоретик, изучавший японский язык [7; 8]. Затем ее поддержали Н.И. Конрад, Н.И. Фельдман и др., с 1950-х гг. она была принята и А.А. Холодовичем. Подход Е.Д. Поливанова и его последователей хорошо совмещался с представлениями носителей русского языка, в котором слово понимается как словоформа, как неразрывное сочетание основы со словоизменительными элементами (тогда как в Японии и на Западе падежные показатели всегда считались отдельными словами). Однако позже и у нас, начиная с 60-х гг., победила точка зрения, соответствующая мировой (ей следовал и И.В. Головнин, в то же время принимавший понимание падежа в русистике). Сейчас лишь очень немногие признают для японского языка именовое словоизменение, к их числу относится И.А. Мельчук, по-видимому, следующий здесь за А.А. Холодовичем [6, с. 182].

Однако вряд ли признание приименных синтаксических показателей отдельными словами (послелогом) должно влечь за собой отказ от выделения в данном языке категории падежа. Отметим, что широкое, не связанное обязательно со словоизменением, понимание этой категории свойственно лингвистам, специально занимающимся языками, по строю отличными от русского [5; 9, с. 481].

Японские падежные послелогом, прежде всего, делятся на первичные и вторичные [15, с. 155; 17, с. 23]. Первичные *ga*, *o*, *ni*, *no* являются показателями синтаксической связи в чистом виде, не выражая специфических несинтаксических значений (что не исключает корреляций их употребления с обозначением тех или иных семантических ролей). Среди них особое место занимает послелог *no*, являющийся в современном языке единственным приименным показателем атрибутивной связи. Другие первичные послелогом – *ga*, *o*, *ni* – служат показателями актантной связи. Термин «актантная связь» понимается здесь как общий для обозначения связи подлежащего и дополнения с предикатной синтагмой. Основная их функция – обозначение того или иного синтаксического актанта: для *ga* – первого актанта (подлежащего), для *o* – второго (прямого дополнения), для *ni* – третьего (косвенного дополнения). Они иногда могут приобретать и вторичные функции, что особенно свойственно послелогам *ni*,

занимающему до некоторой степени промежуточное положение между первичными и вторичными послелогоми.

Вторичными послелогоми являются *de, to, e, kara, yori, made, nite, hodo, gurai*. В отличие от первичных, каждый из них имеет несинтаксический компонент значения, указывая на определенную синтаксическую роль: инструмента (*de, nite*), контрагента (*to*), исходной точки (*kara, yori*), конечной точки (*e, made*), эталона сравнения (*yoru, hodo, gurai*). В большинстве случаев они являются показателями сирконстантной связи, которая не обязательно реализуется в предложении и не зависит от сочетаемости предикатов (ср. традиционные понятия обстоятельства места, времени и др.). При отдельных глаголах, однако, они могут обозначать и актантную связь.

Различия первичных и вторичных послелогов проявляются не только в их семантике, но и в формальных свойствах. Первичные послелого *o, ni* (последний не всегда) вытесняются частицами *wa, mo, koso, sae* и др. (см. ниже), чего не происходит в случае вторичных послелогов. Сочетаемость в пределах одной синтагмы двух первичных или двух вторичных послелогов невозможна; в то же время сочетания типа «вторичный послелог + первичный послелог» принципиально возможны при индивидуальных ограничениях. В позиции перед связкой возможны только вторичные послелого. Приглагольное употребление допустимо лишь для части вторичных послелогов, если отвлечься от цитат из бунго (старописьменного языка) и особых конструкций с субстантивацией без субстантиватора.

Соотношения между падежными послелогоми и выражаемыми ими синтаксическими и/или несинтаксическими значениями в японском языке большей частью не являются взаимно однозначными: возможно варьирование различных типов. Разумеется, мы не претендуем на исчисление значений: этот вопрос пока что не решен ни в общей лингвистике, ни в японистике. Однако в ряде случаев несомненно варьирование, которое может быть обусловлено разными причинами: наличием или отсутствием других грамматических значений и других показателей, частичным пересечением значений, индивидуальными свойствами лексем, стилистическими и этикетными факторами и т.д. В одних случаях возможна замена одного показателя на другой, в других – нет, что не связано, однако, с различиями в значении самих показателей. Исследованию разных типов такого варьирования и посвящена дальнейшая часть статьи.

1. Варьирование наличия и отсутствия послелога.

1. Вытеснение послелога частицами типа *wa*.

Это явление широко известно и неоднократно описывалось [21; 24]. Именно благодаря ему чаще других вытесняемый показатель первого

(для многих глаголов единственного) актанта *ga* по частотности значительно уступает другим первичным послелогам.

Первичные послелогии (кроме *no*) вытесняются группой частиц, иногда называемых коммуникативными частицами [1, с. 440]: это *wa*, *mo*, *sae*, *sura*, *demo*, *shika*, *koso* (подробнее о каждой из них см. в работе В.М. Алпатов, П.М. Аркадьева, В.И. Подлесской [1, с. 440–452]). Из них наибольшей частотностью, по данным Государственного института родного языка (начало 1970-х гг.), обладает частица *wa*: более 60% подлежащих и лишь около 7% прямых дополнений в выборке были оформлены с помощью нее [24, с. 59].

Данная частица является, прежде всего, показателем топика (словатемы, по терминологии Н.И. Фельдман). При этом с ее помощью может оформляться и особый обстоятельственный член предложения, оформляемый только *wa* и ничем другим (см. пример 1), и подлежащее (пример 2) или дополнение (пример 3) с вытесненным послелогом.

- (1) *Ima wa osorosi-katta* (KM¹: 5)
Теперь TOP опасный-PST
'Теперь [делать это] было опасно'
- (2) *Gimpei wa me o tsubut-ta* (KM: 10)
Гимпэй TOP глаза ACC закрыть-PST
'Гимпэй закрыл глаза'
- (3) *Sonna yume wa mi-mas-en* (KM: 27)
Такой сон TOP видеть-ADR-NEG.PRS
'Такие сны [я] не вижу'

Показатель косвенного дополнения *ni* вытесняется факультативно, есть примеры вытеснения (4) и сохранения (5):

- (4) *Chiyodasen, marunouchisen wa o-norikae*
линия.Тиёда линия.Маруноути TOP HON-пересадка
des-u (объявление в метро)
COP.ADR-PRES
'Пересадка на линию Тиёда, на линию Маруноути'
- (5) *Gimpei ni wa, tonikaku hana no kaori dat-ta* (KM: 6)
Гимпэй DAT TOP как.бы.то.ни.было цветы GEN запах COP-PST
'Как бы то ни было, для Гимпэя [это] был запах цветов'

¹ Список источников: Ak – Akahata (газета); Bun – Bungei shinjuu (журнал); GS – Gengo Seikatsu (журнал); IA – Ishikawa Tatsuzoo. Ai no owari no toki. Tokyo, 1973; K – Kokugo. Tokyo, 1955; KM – Kawabata Yasunari. Mizuumi. Tokyo, 1973; Kok – Kokugogaku (журнал); KS – Kawabata Yasunari. Sembazuru. Tokyo, 1973; MK – Matsumoto Seichoo. Kyuukei no arano. Tokyo, 1969; Ms – Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. Tokyo, 1974; N – Nihongo. Tokyo, 1977; SKG – Shoogakkoo kokugo. Tokyo, 1979; SS – Shakai Shimpo (газета); T – Shoogakkoo kokugo tokuhon. Tokyo, 1936.

Все вторичные послелого после *wa* и других коммуникативных частиц сохраняются (всегда вначале стоит послелог, затем частица).

Другие коммуникативные частицы относятся, как правило, к реме. Частица *mo* имеет значение сопоставления: актант или предикат, обозначенный соответствующим членом предложения, включается в один ряд с некоторым другим, ср. стандартные русские переводы *и, тоже, также*. Данная частица вытесняет не только *ga*, но и *o* (пример 6), хотя в книжных стилях вытеснение послелога *o* частицей *mo* не обязательно (пример 7):

(6) *Yuna wa te no tsume mo kit-te kure-ta* (KM: 33)

Банщица TOP рука GEN ноготь и резать-CNV AUX.BEN-PST
'Банщица обстригла и ногти на руках'

(7) *Gendai no sakuhiin o mo atsume...* (K, 3)

современный GEN произведение ACC и собирать.ADV
'Собрали и современные произведения'

Частицы *sae* и *sura* (последняя считается устаревшей) имеют значение *даже*, частица *demo* – *даже, хотя бы*, частица *shika* – *кроме* (с обязательным отрицанием), *koso* – *именно, как раз*. Правила вытеснения падежных показателей для них аналогичны.

(8) *Chippu demo hane-nasai yo* (KM: 48)

Чаевые хотя.бы отделять-IMP PRT
'Отдели хотя бы чаевые!'

В ряде случаев показатель подлежащего не может быть опущен. Это бывает, как правило, в придаточных предложениях (кроме случаев использования *no*, см. ниже), а также в случае, когда необходимо указать на значение «X и только X» (так называемое exhaustive-listing значение *ga*) [21]. Именно в этом случае, в частности, *ga* не заменяется частицей *wa* даже при вхождении в тему. Также только здесь возможно оформление с помощью *ga* подлежащего-местоимения 1-го лица (значение 'я и только я') [31, с. 81].

2. Сцепления и генитивные конструкции.

В японском языке широко распространены именные последовательности, состоящие из компонентов, употребляемых в качестве самостоятельных лексем, но грамматически оформляемые как единая словоформа; внутри них невозможны падежные послелого, хотя последовательность в целом может оформляться тем или иным послелогом. Примеры: *nihon kokumin* 'японский народ' (*Япония* + *народ*), *kokugogaku genron* 'принципы японского языкознания' (*японское языкознание* + *принципы*), *taigai keizai kankai choosei tokubetsu sochi hooan* 'законопроект о специальных мерах по координации внешнеэкономических связей' (*внешний* + *экономика* + *связь* + *координация* + *специальный* + *мера* + *законопроект*). Эта

черта, безусловно, развилась под влиянием китайского языка, а среди компонентов таких последовательностей (так называемых сцеплений) преобладают морфемы китайского происхождения, как в вышеприведенных примерах. Однако в современном языке сцепления могут состоять из компонентов любого происхождения. Среди сцеплений много окказионализмов, но встречаются и устойчивые выражения.

Наряду со сцеплениями распространены и последовательности, компоненты которых соединены генитивным послелогом *no*: мы имеем здесь конкуренцию двух синтаксических конструкций – исконно японской и китайской по происхождению. Вполне возможны и *nihon no kokumin*, *kokugogaku no genron* с тем же переводом, а в третьем примере вставление *no* допустимо, по-видимому, на каждой границе лексем. Допустимо вставление *no* и в том случае, когда член предложения, оформленный этим послелогом, подчинен компоненту без оформления (это не дает возможность рассматривать сцепления как единые слова):

(9) *Rainen no montoriooru gorin daihyoo koohoo*

Будущий.год GEN Монреаль олимпиада участие кандидат

(Ак, 07.1975)

‘Кандидаты для участия в олимпиаде будущего года в Монреале’

Во многих случаях конструкции с *no* и без него взаимозаменяемы. Однако нередко сцепления обладают идиоматичностью, отсутствующей при наличии *no*. Вот примеры с компонентом *nihon* ‘Япония’ в сочетании с *ongaku* ‘музыка’, *inu* ‘собака’, *kairyuu* ‘морское течение’: *nihon no ongaku* – любая музыка, как-то относящаяся к Японии, *nihon ongaku* – музыка в национальном стиле, *nihon no inu* – японская собака в любом смысле, *nihon inu* – собака японской породы, *nihon no kairyuu* – какое-то морское течение в Японии, *nihon kairyuu* – Курисио.

3. Оформление синтагм с временным значением.

Обстоятельства времени (как правило, сирконстанты) стандартно оформляются либо первичным послелогом *ni*, либо нулем, причем правила выбора связаны как со степенью деиктичности обстоятельств, так и со значением конкретных лексем. Послелог тем предпочтительнее, чем в большей степени речь идет об абсолютном времени, не связанном с дейксисом; в противном случае обстоятельство не оформляется послелогом. Выделяют четыре степени деиктичности обстоятельств. В примере 10 *ni* обязательно, в примере 11 – предпочтительнее, в примере 12 – менее приемлемо, в примере 13 – невозможно [18, с. 68].

(10) *Yooka ni ki-mash-ita*

4.число DAT приехать-ADR-PAST

‘Приехал 4-го’

- (11) Getsuyoobi (ni) ki-mash-ita
 понедельник DAT приехать-ADR-PAST
 ‘Приехал в понедельник’
- (12) Asa (?ni) ki-mash-ita
 утро DAT приехать-ADR-PAST
 ‘Приехал утром’
- (13) Kinoo (*ni) ki-mash-ita
 вчера DAT приехать-ADR-PAST
 ‘Приехал вчера’

В частности, временное *ni* свободно присоединяется к обозначениям дней, дней недели, месяцев, годов, других промежутков времени, но не к названиям времен года, частей суток, в большей степени связанных с деиксисом, и тем более не к лексемам типа *ashita* ‘завтра’, *konshuu* ‘на этой неделе’ и др. [27, с. 122]. Такое сирконстантное *ni* легко превращается в топик с вытеснением *ni* частицей *wa*.

Всегда остаются не оформленными послелогом лексемы *ima* ‘сейчас’, *kyoo* ‘сегодня’, *kinoo* ‘вчера’, *ashita* ‘завтра’, *ototoi* ‘позавчера’, *asatte* ‘послезавтра’, *mukashi* ‘давно, некогда’, *aruhi* ‘однажды’:

- (14) *Aruhi, usagi to kame ga, kakekko o*
 однажды заяц и черепаха NOM бег.наперегонки ACC
shi-mash-ita (T1, 48)
 делать-ADR-PAST
 ‘Однажды заяц и черепаха бегали наперегонки’

II. *Вариативность послелогов разных частей речи.*

В японском языке, помимо существительных, характеризующихся сочетаемостью с падежными послелогом, имеется особая часть речи – именные или непредикативные прилагательные (они могут быть названы просто прилагательными, поскольку так называемые предикативные прилагательные скорее примыкают к глаголам). Они бывают определениями с послелогом *na* и обстоятельствами с послелогом *ni*, в роли сказуемого должны, как и существительные, сочетаться со связками, но не могут выступать в качестве актантных членов предложения.

Существительные с послелогом *no* и прилагательные с послелогом *na* имеют одинаковые функции в предложении. Многие лексемы могут сочетаться и с тем, и с другим показателем определения. Такая дистрибуция делает нечеткой грань между именами и прилагательными. Особенно нечетка она между прилагательными и существительными с дефектной парадигмой, употребляемыми исключительно или преимущественно в сочетании с атрибутивным показателем *no*. Свободно употребляются,

например, *tokubetsu no/na* ‘особый’, *seikaku no/na* ‘точный’, *toozen no/na* ‘естественный’ [24, с. 180–181].

Варьирование *no/na* обычно не влияет на значение, но см. пример:

- (15) *Komaasharu “no” songu kara komaasharu “na” songu e*
реклама GEN песня от реклама ATR песня к
(GS, 1984/6, 63)

‘От песен в телерекламе к песням телерекламы’

Речь здесь идет о том, что раньше песня была составной частью рекламных роликов, а теперь они часто целиком состоят из песен, т.е. семантическая связь в случае *na* становится более тесной.

III. *Варьирование первичных послелогов.*

1. Варьирование в связи с иерархией послелогов.

Как уже говорилось, в целом существует строгая иерархия, связывающая послелог *ga* с первым, послелог *o* со вторым, послелог *ni* с третьим актантом [10, с. 107], другие послелогов занимают низшее положение по отношению к ним. Это создает возможность для некоторых предикатов иметь переменную модель управления. Например, для глагола *tsukuru* ‘изготавливать’:

- (16) *Mugi kara biiru o tsuku-ru* (N, 668)
зерно из пиво ACC изготавливать-PRES
‘Изготавливать из зерна пиво’
(17) *Tai o sashimi ni tsuku-ru*
окунь ACC сасими DAT изготавливать-PRES
‘Использовать окуня для приготовления сасими’

В переводах передана функция *o*, в связи с чем нарушается тождество глагола. В примере 16 внимание слушающего обращается, в первую очередь, на результат действия, в примере 17 – на пациенс.

Следующие примеры вариативности управления, взятые из источника *Hanashikotoba no bunkei* [14, с. 74], показывают различия послелогов *o* и *ni*, которые могут быть скорее коммуникативными, чем семантическими:

- (18) *Penki de kabe o niru-u*
краска INS стена ACC красить-PRES
‘Красить стену краской’
(19) *Kabe ni penki o niru-u*
стена DAT краска ACC красить-PRES
‘Наносить краску на стену’
(20) *Tsuuido de ooba o tsuku-ru*
твид INS пальто ACC делать-PRES
‘Делать пальто из твида’

- (21) Tsuiido o ooba ni tsuku-ru
 твид ACC пальто DAT делать-PRES
 ‘Превращать твид в пальто’

И здесь в переводах единство характера управления достигается лишь при отказе от сохранения лексического единства. В каждой паре примеров отображается одна и та же ситуация, но с разными акцентами: более значимый участник ситуации оформлен с помощью *o*, менее значимый – с помощью *ni* или *de*. Указывается также, что в примере 18 подразумевается охват действием всей стены, что в 19 не обязательно [29, с. 110]. Такое различие скорее производно от коммуникативного: акцент на изменении состояния стены естественнее при его более существенном изменении. См. об этом в статье D. Dowty [13].

Вариативность управления *o* и *ni* возможна и при некоторых двухвалентных глаголах, например, *katsu* ‘побеждать’ [16, с. 101].

2. Варьирование как следствие изменения системы.

Иногда варьирование послелогов отражает сосуществование разных этапов изменения системы. Это видно в случае варьирования *ga/no* в функции подлежащего придаточного предложения. Помимо основной, определительной функции, послелог *no* имеет и другую: он может оформлять подлежащее придаточного определительного предложения, хотя здесь возможен и обычный послелог подлежащего *ga*. Нередко *ga* и *no* взаимозаменяемы, см. примеры из работы Tanaka Akio [34, с. 364–365]:

- (22) Ame ga/no fur-u yoru
 дождь NOM/GEN идти-PRES ночь
 ‘Ночь, когда идет дождь’
- (23) Tenki ga/no i-i hi
 погода NOM/GEN хороший-PRES день
 ‘День, когда погода хороша’

Однако в целом сфера употребления *no* в этой позиции уже, чем у *ga*. Послелог *ga* может оформлять подлежащее придаточного предложения почти всегда (хотя в некоторых случаях он необычен, см. ниже), тогда как *no* нередко бывает неприемлемым. Степень приемлемости может быть различной; по мнению С. Макино, здесь скорее следует говорить о неупотребительности, чем о грамматической неправильности [23, с. 158]. В целом *no* тем приемлемее, чем проще придаточное предложение как по структуре, так и по семантике. Случаи затруднений в использовании *no* перечислены в работе Tanaka Akio [34, с. 364–365]. Послелог *no* не употребителен, когда в придаточном предложении между подлежащим и сказуемым находятся другие члены, когда сказуемое имеет в своем составе вспомогательный глагол или незаключительный суффикс, когда

в составе подлежащего перед падежным послелогом имеется частица или другой послелог или когда сказуемое определительного предложения субстантивировано или определяет служебное имя. С точки зрения семантики *no* тем приемлемее, чем естественнее связь между тем, что обозначено подлежащим и сказуемым придаточного предложения. Указывают, что нормальны фразы: *X no hirotta naifu* ‘Нож, который поднял X’, *X no kaita naifu* ‘Нож, который купил X’, но странны: *?X no otoshita naifu* ‘Нож, который уронил X’, *?X no ochiwasureta naifu* ‘Нож, который забыл X’, а *Ashi no nagai hito* ‘Человек с длинными ногами’ естественнее, чем *?Naifu no nagai hito* ‘Человек с длинным ножом’ [35, с. 129–131]. На степень приемлемости предложений с *no* может влиять и состав участников ситуации: при прочих равных условиях они приемлемее, когда речь идет о говорящем и / или слушающем [Там же, с. 131–132].

Таким образом, *no* обычно оформляет лишь подлежащее нераспространенного придаточного предложения, обозначающего обычные, естественные действия или состояния со стандартным набором участников.

Примеры:

- (24) Tsuki no yo-i ban desh-ita (T3, 41)
луна GEN хороший-PRES вечер COP.ADR-PAST
‘Был вечер с хорошей луной’
- (25) Masshiro na naga-i hige no hae-ta ojiisan
белоснежный ATR длинный-PRES борода GEN расти-PAST старик
ga, de-te ki-mash-ita (T3, 80)
NOM появиться-ADV CONV-ADR-PAST
‘Появился старик, у которого росла белоснежная длинная борода’

При максимуме структурной простоты и семантической стандартности употребление *no* может быть предпочтительным, как это происходит в частотных примерах типа:

- (26) Se no taka-i hito
спина GEN высокий-PRES человек
‘Человек с высокой спиной’, т.е. высокий человек
- (27) Me no kuro-i onna
глаз GEN черный-PRES женщина
‘Черноглазая женщина’

При рассмотрении таких примеров надо учитывать, что послелог *ga* в прошлом был атрибутивным (подлежащее обозначалось нулем), как и *no*, а в данной конструкции встречались и тот, и другой. К настоящему времени два послелога по функции разошлись, сохранив пересечение употреблений лишь в данных конструкциях. Поскольку в функции первого актанта

закрепился послелог *ga*, то его экспансия происходит и здесь, достигнув завершения в редких и нестандартных контекстах, а в устойчивых сочетаниях, как в примерах 26 и 27, старое управление пока преобладает.

Другой случай – оформление второго актанта при двухвалентных стативных глаголах и глаголах в формах потенциалиса и желательности. Он может оформляться как с помощью *ga*, так и с помощью *o*. Примеры на *ga*:

- (28) Fumiko wa *mono ga* i-e-na-i rashi-ku,
 Фумико TOP вещь NOM сказать-POT-NEG-PRES EV-ADV
 unazui-ta (KS, 158)
 кивать-PAST
 ‘Фумико, видимо, не будучи в состоянии сказать что-либо, кивнула’
- (29) Iya, kimi no *kimochi ga* shir-ita-i n da (IA, 351)
 нет ты GEN настроение NOM знать-OPT-PRES SUB COP.PRES
 ‘Нет, (я) хочу узнать твоё настроение’

Примеры на *o*:

- (30) Taka-i *keii o* arawash-ita-i (K, 2)
 высокий-PRES уважение ACC выразить-OPT-PRES
 ‘Хочу выразить глубокое уважение’
- (31) Imobo tokaiuu *yatsu o* tabe-te mi-ta-i (MK, 77)
 имобо QUOT вещь ACC есть-ADV CONV-OPT-PRES
 ‘Хочу поесть блюдо, именуемое «имобо»’
- (32) Konomama *hashi o* tsuka-e-na-i kodomo
 так палочки ACC использовать-POT-NEG-PRES ребенок
ga fue-te i-tara, *hashi o*
 NOM расти-ADV CONV-COND палочки ACC
 mot-e-na-i otona *ga* ippai ni nar-u
 держать-POT-NEG-PRES взрослый NOM многих ADV стать-PRES
 (Ak, 19.12.78)
 ‘Если таким образом будет расти (число) детей, не умеющих пользоваться палочками, то станет много и взрослых, которые не смогут их держать’

Еще в первой половине XX в. стандартным способом оформления второго актанта в таких случаях был показатель *ga*, причем предикат управлял сразу двумя членами предложения, оформленными с помощью *ga*. Такое управление встречается и в некоторых других случаях [1, с. 192–193], но в целом оно нарушает установленную в языке иерархию актантов. Поэтому в течение последнего столетия распространилось каноническое оформление второго актанта, часто отмечается, что частотность *o* в современном языке возрастает.

3. Варьирование *o/ni* в каузативных конструкциях.

Еще один случай типового колебания в оформлении дополнений представляет собой обозначение каузируемого лица или предмета при каузативных формах глагола: оно может обозначаться при помощи послелогов *ni* и *o*. Примеры на *o*:

- (33) Suruto, sensei wa watano-kun o suwar-ase-te... (Kok, 5/1, 4)
затем учитель TOP Ватано-кун ACC сидеть-CAUS-ADV
‘Затем учитель заставил Ватано-кун сесть’
- (34) Ittai poru poto seiken o kaku no haya-ku
вообще Пол Пот режим ACC так GEN скорый-ADV
hookai-s-ase-ta no desh-oo ka (Ak, 14.01.79)
разрушение-V-CAUS-PAST SUB COP.ADR-PR Q
‘Что же заставило режим Пол Пота так скоро рухнуть?’

Примеры на *ni*:

- (35) Mitsubachi ni, hana no mitsu o atsume-sase-ta no
пчела DAT цветок GEN мед ACC собирать-CAUS-PAST SUB
des-u ka (Kok, 4/2, 14)
COP.ADR-PRES Q
‘(Вы) давали пчелам собирать мед с цветов?’
- (36) Moo, hantaigumi ni hanas-ase-te kudasai
уже противная.сторона DAT говорить-CAUS-ADV IMP
(SKG, 5/1, 21–22)

‘Дайте уже высказаться противной стороне’

В целом каузативное значение при наличии послелога *o* может быть охарактеризовано как значение ответственности каузатора за каузируемое тем или иным способом действие или состояние [33, с. 142–143; 26, с. 79]. М. Сибатани обобщает это значение как значение прямой каузации [29, с. 111]. Только *o* возможно, если каузируемое не является агентом, в том числе в случаях, когда каузируемое – не лицо или каузируется неконтролируемое действие, а также при каузаторе-событии [26, с. 79; 33, с. 144; 36, с. 9].

Различие обозначения каузируемого может быть и формально обусловлено. Если в пределах простого предложения уже есть прямое дополнение, оформленное *o*, каузируемое может оформляться только *ni*. В связи с этим иногда четкая семантическая разница между *o* и *ni* в данном значении вообще не признается [36]. Данный послелог находится в промежуточном положении между первичными и вторичными послелогом. С его помощью могут оформляться как актантажные, так и сирконстантные члены предложения [19].

VI. Варьирование первичного и вторичного послелого.

В некоторых случаях один и тот же участник ситуации может быть обозначен первичным и вторичным предикатом. При этом иногда возможны некоторые различия в значении, но чаще первичный послелог указывает на большую степень обязательности выражения данного участника данной ситуации.

1. Варьирование *ni/to* в значении контрагента.

К числу периферийных участников ситуации относится контрагент, т.е. лицо, совместно с которым или вопреки которому осуществляется ситуация. Контрагент может обозначаться первичным послелогом *ni* и вторичным послелогом *to*, *ni* в этой функции обычно при двухвалентных глаголах-сказуемых (т.е. при глаголах, у которых второй актант – контрагент):

(37) *Dare ni mo aw-ana-katta* (SKG, 3, 6)

кто DAT и встречаться-NEG-PAST

‘Ни с кем не встречался’

(38) *Oya ni sakara-u* (Ms, 1423)

родители DAT противоречить-PRES

‘Противоречить родителям’

При этом употреблении *ni* необходимо в случае несимметричности отношений между агенсом и контрагентом (пример 38), здесь *ni* нельзя заменить послелогом *to*, что возможно при симметричных отношениях (пример 37) [38, с. 168–169; 12, с. 80–81]. С другой стороны, при несимметричности отношений роль контрагента сближается с ролью пациенса.

Другая группа – глаголы *au* ‘встречаться’, *kuraberu* ‘сравнивать’, *hikiawaseru* ‘сличать’, *hikaku-suru* ‘сравнивать’, *icchi-suru* ‘быть в согласии’; эта группа имеет переменное управление *to/ni*. Примеры:

(39) *Sanjuugo ni nar-u otoko ga, toshi o*

35 DAT стать-PRES мужчина NOM возраст ACC

kakushi-te, juugo no musume to kon'yaku-shi-mash-ita

скрыть-ADV 15 GEN девушка с обручение-V-ADR-PAST

(SS, 11.08.80)

‘Тридцатипятилетний мужчина, скрыв возраст, обручился с пятнадцатилетней девушкой’

(40) *Buchoo to kenka-shi-ta no ga, tanki*

начальник.отделения с ссора-V-PAST SUB NOM вспыльчивость

dat-ta to kookai-shi-ta (MK, 321)

COP-PAST QUOT сожаление-V-PAST

‘С начальником отделения поссорился по вспыльчивости, сожалел (он)’

- (41) *Jibun tachi no tochi no kotoba ga, hyoojungo to*
сам PL GEN место GEN язык NOM стандартный.язык с
donnani chigat-te i-ru ka (Kok, 4/1, 78)
как отличаться-ADV CONV-PRES Q
'Чем отличается наш местный язык от стандартного?'

При ряде глаголов контрагент как периферийный участник ситуации может обозначаться и дополнением с *ni*. В целом чем более сходны семантические роли главного участника ситуации и контрагента, тем более приемлемо *to* и менее приемлемо *ni* [38, с.168–169]. К числу глаголов с переменным управлением относится и *naru* 'становиться': в одной газетной статье (Ak, 20.10.79) встретились примеры разного управления (неясно, есть ли здесь разница в семантике):

- (42) *Ynisefu wa gojuunen ni kokuren no joosetsu kikan*
ЮНИСЕФ TOP 50.лет DAT ООН GEN постоянный орган
to nar-imash-ita
с статья-ADR-PAST
'ЮНИСЕФ стал постоянным органом ООН в 1975 г.'
- (43) *Sono chuushin ni nat-te i-ru yunisefu...*
этот центр DAT статья-ADV CONV-PRES ЮНИСЕФ
'ЮНИСЕФ, ставший центром этого'

2. Варьирование *ni/de, o/de* в локативном значении.

Обычно считается, что в локативном значении *ni* употребляется при глаголах состояния, а *de* – при глаголах действия. Однако есть пары с близким значением и разным управлением; примеры 44–45 взяты из статьи Коо Наикенг [20, с.109], 46–47 – из работы Yasutake Tomoko [37, с. 65]:

- (44) *Ressha ni suroogan o kai-te i-ru*
поезд DAT лозунг ACC писать-ADV CONV-PRES
'Пишет лозунг в поезде'
- (45) *Ressha no naka de suroogan o kai-te*
поезд GEN внутренность ACC лозунг ACC писать-ADV
i-ru
CONV-PRES
'Пишет лозунг внутри поезда'
- (46) *Tookyoo ni sum-u*
Токио DAT жить-PRES
'Проживает в Токио'
- (47) *Tookyoo de kuras-u*
Токио INS жить-PRES
'Проводит жизнь в Токио'

В первой паре примеров единый глагол, но добавляется уточняющее существительное, во второй использованы близкие по значению глаголы. По-видимому, грань здесь проходит не столько по линии «стативный – нестативный глагол», сколько по «актант – сирконстант». Послелог *ni* чаще применяется там, где локализатор входит в модель управления глагола и обозначает необходимого участника ситуации. Это чаще бывает у стативных глаголов в силу их семантики. Сходную точку зрения см. у F. Dhorne [12, с. 74].

Послелог *de* может указывать на место, в котором происходит данная ситуация, при самых разнообразных предикатах. Исключение составляют глаголы бытия и местонахождения, т.е. имеющие обязательную валентность на локативный член предложения, при них употребляется *ni*. Если же локализатор не обязателен, что чаще бывает при нестативных глаголах, то появляется *de*:

(48) *Watashi wa, doko de mitsukat-ta no* (Kok, 3/2, 49)

я TOP где INS найти-PAST PART
'Где меня нашли?'

(49) *Choosaku toiuu kikori ga, yama no ue de*

Тёсаку QUOT дровосек NOM гора GEN верх INS
nigirimeshi o tabe-te i-ru to, soba de
рис ACC есть-ADV CONV-PRES TEMP сторона INS

кое *ga shi-mash-ita* (Kok, 3/1, 97)

голос NOM делать-ADR-PAST

'Когда дровосек по имени Тёсаку ел рис на горе, рядом раздался голос'

Однако локативное *de* возможно и при стативных предикатах:

(50) *Shikashi, kono uobigoe wa toku ni nihon no ima no*

однако этот призыв TOP особый ADV Япония GEN сейчас GEN
joosei no naka de, seikai no joosei no

условие GEN внутренность INS мир GEN условие GEN

naka de, kiwamete toozen de... (Ak, 5.03.81)

внутренность INS крайне своевременный COP.ADV

'Однако этот призыв, особенно в нынешних условиях Японии, в условиях всего мира является крайне своевременным'

При некоторых глаголах равно возможны *ni* и *de* в локативном значении: *neru* 'спать', *tateru* 'ставить'.

При глаголах со значением характеристики способа передвижения типа *oyogu* 'плыть' локативное *de* употребляется наряду с *o* [30, с. 167].

3. Варьирование *ni/e* в значении направления.

Вторичный послелог *e* специализирован в направительном значении. Однако в этом же значении используется и первичный послелог *ni*. Последний шире по значению, он может, в отличие от *e*, употребляться при обозначении направления в более широком смысле (адресат, цель), тогда как в значении конкретного перемещения в пространстве возможны оба послелога, и семантические различия между ними не выявляются. Если в семантику глагола входит компонент направленности (*muku* ‘быть обращенным’, *mukeru* ‘обращать’, *furimukau* ‘быть обращенным’), то соответствующий член предложения, помимо *ni*, *e*, может быть оформлен и послелогом *o* [16, с. 102].

Более широко употребляется *e* в случае, когда соответствующий член предложения выступает как определение и данный послелог выступает перед *no* («двойной падеж»). По-видимому, это связано с тем, что сочетание *ni* с *no* невозможно, а употребление одного *no* связано с неоднозначностью [24, с. 46]:

(51) *Koten geijutsu e no zookei* (Bun 1979/2, 472)

классика искусство в GEN познания
‘Познания в классическом искусстве’

(52) *Mizukara seiken e no kyoku o shimesh-ite*

сам власть к GEN воля ACC выразить-ADV
i-ta

CONV-PAST

(Ms, 17.08.80)

‘Сам выразил волю к власти’

4. Варьирование *o/kara* в значении исходной точки.

В значении исходной точки специализирован вторичный послелог *kara*. В таком значении может употребляться и послелог *o*, иногда *kara* и *o* взаимозаменяемы:

(53) *Fune ga gampeki o/kara hanare-ru* [34, с. 368–369].

судно NOM причал ACC/от отходить-PRES
‘Судно отходит от причала’

Однако употребление послелогов обусловлено моделью употребления глагола. В ряде случаев возможно только *o*, обычно при глаголах, которые уже не являются собственно пространственными: *sotsugyoo-suru* ‘окончить (учебное заведение)’, *taishoku-suru* ‘уйти в отставку’. В других случаях *o* и *kara* приобретают разное значение [20, с. 109]:

(54) *Basu o oti-ru*

автобус ACC выходить-PRES
‘Сойти с автобуса’

- (55) Basu kara ori-ru
 автобус из выходить-PRES
 ‘Выпасть из автобуса’.

5. Варьирование *ni/kara* при пассиве.

Есть случаи, когда оформление агенса при пассиве с помощью *ni* невозможно или мало приемлемо. Это происходит тогда, когда имеется не агентивное значение в чистом виде, а значение исходной точки или причины; здесь предпочтительнее *kara*.

Использование *kara* в значении источника ситуации естественно включает в себя его использование для обозначения агенса в тех случаях, когда последний понижается в ранге. Это происходит при сказуемом в форме пассива и в конструкциях косвенного пассива со вспомогательными глаголами *morau, itadaku*:

- (56) Kaku guruppu kara erab-are-ta henshuugakari ga,
 каждый группа от выбирать-PASS-PAST редколлегия NOM
 kabeshimbun daiichigo o tsukut-te i-mas-u (Kok, 3/2, 4)
 стенгазета первый.номер ACC делать-ADV CONV-ADR-PRES
 ‘Редколлегия, избранная каждой группой, готовит первый номер стенгазеты’

- (57) X wa sensei kara hon o atae-rare-ta [29, с. 295].
 X TOP учитель от книга ACC получить-PAST
 ‘X получил книгу от учителя’

- (58) Boku wa X kara eigo o oshie-te
 я TOP X от английский.язык ACC обучать-ADV
 morat-ta [29, с. 298]
 CONV-PAST
 ‘Я был обучаем X-ом английскому языку’

В последних двух примерах *kara* может заменяться на *ni*. Однако это возможно не всегда. Чем ближе по семантике данный участник ситуации к агенсу в чистом виде, тем менее допустим при нем послелог *kara*; он тем более приемлем, чем ближе значение к причинному, чем менее активен агенс:

- (59) X wa kuma ni/*kara koros-are-ta [29, с. 296]
 X TOP медведь DAT убить-PASS-PAST
 ‘X был убит медведем’

Именно *kara* предпочтительнее при неодушевленных именах [29, с. 296]. Приемлемость *kara* тем выше, чем больше дистанция между агенсом и пациенсом, чем менее непосредствен их контакт [32, с. 77].

V. Стилистическое и этикетное варьирование.

Варьирование может быть связано со стилистическими противопоставлениями (разговорные – книжные элементы) или с противопоставлениями по этикету (в традиционной терминологии, по вежливости).

Послелог *no* может иметь и аппозитивное значение. То же значение может выражаться и связками, однако в атрибутивной позиции используется лишь сложная связка *de aru*, являющаяся книжной. Поэтому в бытовом разговоре используется лишь *no*, несмотря на связанную с ним омонимию [28, с. 10]; его нельзя заменить на *de aru*, например, в примере 60.

(60) *Noriko no baka!* (телепередача)
Норико GEN дура
'Дура Норико!'

Другой случай составляют послелогои, заимствованные из старописменного языка (бунго). Там современному послелогу *de* соответствовал послелог *nite* (из сочетания *ni + te*). Он был заимствован и в книжные стили современного языка, где продолжает употребляться параллельно с *de*. Особенно широко его употребление в рекламе, объявлениях; по-видимому, он рассматривается как более вежливый по сравнению с послелогом *de*. Употребление *nite* ограничено не только стилистически, но и семантически: этот послелог используется лишь в локативном значении, изредка во временном и количественном. Пример из объявления в Токио:

(61) *Nigatsu nijuuninichi yori kono eigakan nite*
февраль 22-е.число с этот кинотеатр LOC
roodoshoo
показ.нового.фильма
'С 22 февраля в этом кинотеатре показывается новый фильм'

Из бунго происходит и послелог *yori* в одном из значений: исходном (есть и значение эталона сравнения, стилистически нейтральное). Он синонимичен послелогу *kara*. В бунго не было *kara*, и его место в системе занимал послелог *yori*. По сравнению с *nite* он употребляется шире, встречаясь не только в книжных стилях; показательно и его использование во временном значении, не свойственном бунго. В настоящее время *kara* и *yori* противопоставлены, прежде всего, по этикету: у *yori* присутствует значение этикета к собеседнику, тогда как *kara* нейтрально в этом отношении [22, с. 54]. По данным Государственного института родного языка, в ситуации, требующей вежливости к собеседнику, *yori* предпочло в четыре раза больше информантов, чем *kara* (см. рукописный доклад

института от 13.06.79, с. 5). В этом смысле данный послелог, как и *nite*, уникален в системе, где остальные послелогои нейтральны с этикетной точки зрения. Примеры:

- (62) *Minami yori* no kaze (стандартная фраза прогнозов погоды)
 юг с GEN ветер
 ‘Ветер – южный’
- (63) *Gosen'en yori* (объявление в магазине)
 5.000.иен от
 ‘Цены] от 5 тысяч иен’
- (64) *Hachikoguchi yori sampun ho* (уличное объявление)
 выход.Хатико от 3.минуты пешком
 ‘Три минуты пешком от выхода Хатико’

Показательна частота *yorі*, как и *nite*, в телепередачах, объявлениях, рекламе при полном отсутствии в авторском тексте художественных произведений.

Таким образом, в японском языке противопоставление именных послеложных конструкций оказывается частично размытым, что иногда связано с влиянием дополнительных факторов, но, по-видимому, в ряде случаев возможна и семантическая нейтрализация.

Библиографический список

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М., 2008.
2. Вардуть И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.
3. Головнин И.В. Грамматика японского языка. М., 1986.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
5. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич В.Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006.
6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово. М., 1997.
7. Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.
8. Поливанов Е.Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917.
9. Яхонтов С.Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
10. Bendix E. Componential Analysis of General Vocabulary: the Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. The Hague, 1966.
11. Bernard Bloch on Japanese. New Haven – London, 1970.
12. Dhome F. Différenciation, identification la particule –ni- en Japonais // Recherches en linguistique Japonais. Paris, 1984.
13. Dowty D. Thematic Proto-roles and Argument Selection // Language. 1991. V. 67.
14. Hanashikotoba no bunkei (2). Tokyo, 1963.

15. Hinds J. Ellipsis in Japanese. Edmonton, 1982.
16. Honda Kyooji. Nihongo no joshi "o" to hennyuu, soshite shiekibun ni tsuite // Kenkyuu hookoku. 1977. V. 17. № 1.
17. Inoue Kazuko. Nihongo no dembun hyoogen to sono danwa kinoo // Gengo. 1983. № 11.
18. Kimura Kyoozo. Joshi "made" no simesu han'i ni tsuite // Kokubun-gakkai-shi, 19. Kyoto, 1984.
19. Koizumi Masatoshi, Sadakane Kumi. On the Nature of the "Dative" Particle ni in Japanese // Linguistics. 1995. V. 33.
20. Koo Haikeng. Chuugokujin gakushuusha ni yoku mirareru goyoohan-kakujoshi, kakarijoshi "mo", setsuzokujoshi "te" nado o chuusshin ni // Nihongo-kyooiku. 1983. № 49.
21. Kuno Susumu. The Structure of the Japanese Language. Cambridge, 1973.
22. Kusakabe Fumio. Joshi no imi taikei // Gengo. 1977. № 6.
23. Makino Seiichi. Some Aspects of Japanese Nominalization. Tokyo, 1969.
24. Martin S.E. A Reference Grammar of Japanese. New Haven – London, 1975.
25. Miller R.A. The Japanese Language. Chicago – London, 1967.
26. Mizuno Michiko S. Causatives in Universal Grammar. 4. Some Remarks on Case Marking // Nanzan-tanki-daigaku-kiyoo. 1984. № 12.
27. Ooki Ryuuji. Kakujoshi "ni" miru bunkei no nagare // Nihongogaku-kooronshuu. 1979. № 6.
28. Seki Masaaki. Jodooshi "da" no rentaikei "na" ni tsuite // Tookai-daigaku-kiyoo. 1982. № 4.
29. Shibatani Masayoshi. Japanese Grammar and Universal Grammar // Language. 1982. V. 53. № 4.
30. Shinkawa Susan H. English "at", "in", "on" and "by" Compared with Japanese de, ni and o // English & Japanese in Contrast. New York, 1979.
31. Shirai Kan-ichiroo. Exhaustive-listing ga constructions // Gengogaku-kenkyuu (Linguistic Research), 1. Kyoto, 1982.
32. Sunakawa Yuriko. "Ni" to "kara" no tsukaiwake to dooshi no imi-koozoo ni tsuite // Nihongo. Nihon-bunka. 12. Oosaka, 1984.
33. Takahashi Kunitoshi. On the Semantics of Causatives in Japanese // Descriptive and Applied Linguistics. 1981. V. XIV.
34. Tanaka Akio. Bumatsu, kumatsu no hyoogen to gohoo // Nihongo-nihon-bunka. 1977. № 6.
35. Tomoda Etsuko. Ga/no kootai henkei ni tsuite // Musashino-joshi-daigaku-kiyoo. 1978. V. 13.
36. Tonoike Shigeo. On The Causative Construction in Japanese // Problems in Japanese Syntax and Semantics. Tokyo, 1978.
37. Yasutake Tomoko. Towards the Identification of Japanese Particles: the Case of ni // Aichi-kyooiku-daigaku-kenkyuu-hookoku. 1984. № 23.
38. Yoshimura Yumiko. "Koi wa yappari kataomoi taishoo jutsugo ni tsuite // Nihongo-kyooiku. 1984. № 53.

Л.В. Борисова

Концепт «дерево» как лингвокультурный код

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концепт «дерево» в русской и чувашской языковых картинах мира. Предпринятый анализ вносит определенный вклад в реконструкцию целостной языковой картины мира, а также позволяет выявить особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, концепт, сопоставительная семантика, полисемия, коннотация, концепт «дерево».

Согласно ставшему хрестоматийным определению В.И. Карасика, концепт состоит из трех компонентов: *понятие, образ, оценка* [9, с. 57]. Концепты реализуются прежде всего с помощью лексем. В итоге возникает языковая картина мира, являющаяся, по определению И.М. Кобозевой, мировидением, отраженным в структуре языка [10, с. 23]. Актуальность исследования национально-культурной специфики языковой картины мира признана в последнее время мировой наукой и практикой. Современная лингвистика активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации [14, с. 79]. Как отмечают исследователи, «код культуры – это нормативно-ценностная система, организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира» [8, с. 108]. По словам В.В. Красных, набор кодов культуры для человечества универсален, однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой [11, с. 232].

Настоящая работа посвящена сопоставительному лингвокультурологическому исследованию вербализованных этнокультурных архетипов и стереотипов традиционного народного сознания русских и чувашей, связанных с восприятием окружающего мира, мира живой природы, в частности, различных видов деревьев. По вполне справедливому замечанию С.Г. Тер-Минасовой, язык в пространстве этнической культуры целесообразно изучать в контексте «своей» и «чужой» культур, поскольку существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются только при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и культур. «В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения

мира как единственно возможного. Только выйдя за рамки своей культуры, т.е. столкнувшись с иным мировоззрением, можно понять специфику своего общественного сознания» [20, с. 40]. Именно поэтому в настоящей работе проводится сопоставительное лингвокультурологическое исследование на материале разноструктурных, генетически неродственных языков – русского, входящего в славянскую группу индоевропейской языковой семьи (язык флективного типа), и чувашского, относящегося к тюркской группе алтайской семьи языков (язык агглютинативного типа). Автор обоими языками владеет свободно, чувашский является родным языком. Сопоставительное лингвокультурологическое исследование фитонимов в русском и чувашском языках еще не проводилось, этот факт обуславливает научную новизну представленной работы.

Дерево в народной культуре и русских, и чувашей – объект поклонения. В древнерусских памятниках сообщается о поклонении язычников «рощениям» и «древесам», о молениях под ними [17, с. 133]. Аналог священных рощ в традиционной чувашской народной культуре носит название *киремет*. Это слово в чувашском языке имеет следующие значения: 1) в традиционных верованиях чувашей дух-посредник между Богами верховного мира и хтоническими духами нижнего мира; 2) священная местность, включающая холм или иное возвышенное место, старое дерево, чаще дуб (или деревья), а также водный источник (родник, река, озеро), при этом холм символизировал Мировую Гору, дерево – Мировое Древо, водный источник – водную стихию как первооснову бытия / место общественного жертвоприношения [21, с. 251].

И русской, и чувашской традиционным народным культурам известен образ дерева, являющий собой центр мироздания (Мировое Древо). Такое дерево соотнесено со всеми тремя мирами – подземным, земным и небесным. В корнях дерева обитают нечистые духи, а вершина связывается с Богом.

Важнейшим аспектом мифологии дерева является его соотнесенность с человеком. И в русских, и в чувашских поговорках распространена параллель дерево/человек: *Смотри дерево по плодам, а человека по делам* [6, т. 1, с. 59]; *Йывăç тымарна хăватлă, этем – тăванна* «Дерево сильно корнями, а человек – родственниками»; *Йывăçăн турачĕ, этемĕн – тус-юлташĕ* «У дерева – ветви, у человека – друзья» (чув. посл.) [24, с. 105]. Известны фольклорные произведения о деревьях, выросших на могилах невинно убиенных или доведенных до самоубийства влюбленных. Популярны сюжеты о дереве как инкарнации человека после смерти. Обычно они связываются с деревьями, растущими одиноко, вне леса. Дерево, выросшее на могиле человека, считалось

неприкосновенным. И у древних славян, и у древних чувашей бытовала традиция сажать дерево при рождении ребенка, при этом считалось, что если дерево будет хорошо расти, то и ребенок будет здоров и благополучен. Чуваши считали, что каждый человек в своей жизни обязан посадить хотя бы одно дерево. Ср.: *Хай ёмёрёнке пёр йываёс та лартман сын пархатарсаёр* «Человек, который в жизни не посадил ни одного дерева, неблагословен» [24, с. 84].

Дуб – самое почитаемое дерево в русской традиционной культуре, символизирующее силу, крепость: *С одного удара дуба не свалишь; Держись за дубок, дубок в землю глубок* [6, т. 2, с. 112]. У славян дуб занимает первое место в ряду деревьев, он соотносится с верхним миром, характеризуется положительной коннотацией. В культовой практике именно дуб выполнял ряд сакральных функций, в фольклоре и практической магии фигурировал в качестве Мирового Древа. В приметах и запретах с дубом ассоциировался хозяин дома. В традиционной народной культуре славян дуб выступает как мужской символ. Воду после купания новорожденного мальчика выливали под дуб. Желаящая рожать сыновей невеста, впервые входя в дом мужа, говорила про себя: *Около двора дубочки, а в дом – сыночки* [17, с. 146]. В современном русском языке лексема «дуб» метафорически используется для обозначения нечуткого, тупого человека. Ср.: *Дуб дубом* (о человеке); *Дубовая голова* (или *башка*) (прост., бран.) «о недалеком, тупом человеке» [18, т. 1, с. 451]. Русская пословица гласит: *Дубовую голову не проймешь словом, надо колом* [6, т. 1, с. 93].

В чувашской лингвокультуре дуб (*юман*) – традиционный символ мужественности, крепости, силы духа, олицетворение отчего дома, Отчизны и чувашского народа. Ср.: *Чăваш чунĕ юман хăвăлĕнче* «Дух чувашского народа обитает в дупле дуба»; *Юман – авалхи чăвашсен йăх палли* «Дуб – родовой знак древних чувашей»; *Юман лартакан чиркÿ лартаканран сăваплăрах* «Сажающий дуб благословеннее ставящего церковь» (чув. посл.) [24, с. 74]. Когда чуваш отправлялся в поход, он, распростившись с домашними, обходил вековой дуб, чтобы всегда помнить родину и возвратиться счастливо [5, с. 305]. Как отмечают исследователи, в религиозной практике чувашей дуб представлялся в качестве мифологического образа Мирового Древа, считался его реальным земным воплощением и служил в качестве родового жертвенного дерева, сакрального центра общеродовой и общеплеменной территории [19, с. 542]. Ср.: *Юман – асамлă таса йывăёс* «Дуб – святое дерево»; *Чăваш юмана пуçсапнăй* «Чуваши поклонялись дубу» (чув. посл.) [24, с. 74]. Сакральная природа дуба поддерживалась запретом культивировать его

и поверьем, что посадивший дуб умрет, когда ствол саженца достигнет толщины шеи этого человека [19, с. 542]. В чувашских народных песнях образ дуба является выразителем родового предка по мужской линии – отца, деда, прадеда. Молодой дуб может символизировать старшего брата: *Ватӑ юман – асатте, пысӑк юман – атте* «Старый дуб – дедушка (по отцовской линии), большой дуб – батюшка (чув. погов.) [24, с. 75].

*Уйра ларан ват юмань,
Атте тесе кайрӑм та:
«Килех, ачам», – темерӗ.
Чун хурланчӗ, макӑртӑм та.
Уйра ларан хунав юмань,
Пичче тесе кайрӑм та:
«Килех, шӑллӑм», – темерӗ...*

«Я подошел к стоящему в поле старому дубу, / Думая, что это мой батюшка, / Но он не сказал мне: «Подойди, дитяtko». / Душа моя опечалилась, я заплакал. / Я подошел к стоящему в поле молодому дубу, / Думая, что это мой старший брат, / Но он не сказал мне: «Подойди, братишка»... (чув. нар. песня) [25, с. 123]. В чувашской лингвокультуре широко представлены следующие этикетные благопожелания: *Юман пек сирӗп пул* «Будь крепок, как дуб»; *Пулас ывӑл юман пултӑр, / Уна айне ан пултӑр. / Ништа намӑс ан куртӑр* «Да будет ваш будущий сын подобен дубу (силой и крепостью), / Да не сможет его одолеть медведь. / Пусть он ни в чем не опозорит своего доброго имени» [22, с. 237].

Береза – одно из наиболее почитаемых славянами деревьев. В русских свадебных и лирических песнях береза – самый популярный символ девушки: *Как в долу-то березонька белехонька стоит, / А наша невеста белее ее...* [16, с. 342]. В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы жениха и невесты: *У вас есть береза, а у нас дуб*. Женская символика березы проявляется в обрядах лечения детских болезней: веря в магическое исцеление, больных девочек носили к березе, а мальчиков – к дубу. Во многих восточнославянских сказках, легендах погибшая девушка превращается в березу. Широко известны у восточных славян троичские обряды с растущей или срубленной березой, совершаемые, как правило, девушками и женщинами. Связь березы с нечистой силой и душами умерших также указывает на женскую символику. Считалось, что березы, ветки которых свисали до земли, являются обиталищем русалок [3, с. 431]. В русальных песнях русалки «сидят на белой березе», «на березах качаются», «с березы спускаются» [13, с. 441].

Образ березы (*хурӑн*) в традиционном чувашском народном сознании соотносится с женщинами старшего поколения свойственников (родственников по браку) или с женщинами чужого рода: *Хурама айӑнче хуньям нур, хурӑн айӑнче хуньям нур* «Под вязом есть у меня теща, под березой – теща» (чув. нар. песня) [25, с. 206].

*Варта ларан шур хурӑнӑ,
Инке тесе кайрӑм та:
«Килех, ывӑлсем», – темерӗ...*

«Я подошел к растущей в овраге березе, / Думая, что это жена моего старшего брата, / Но она не сказала мне: «Подойди, братец (деверь)» (чув. нар. песня) [25, с. 124]. Фразеологизм *хурӑн тӑрринчен хурӑнташ* (букв.: родня через макушку березы) соответствует русскому *седьмая вода на киселе*. В чувашском языке данный фразеологизм используется, когда речь идет об отдаленных родственниках по браку. В чувашском фольклоре образ березы ассоциируется с тоской и горем: *Хурӑн лартакан хур курать тет* «Того, кто посадит березу, будут преследовать несчастья» (чув. посл.) [24, с. 96].

*Хурӑн тӑрри хумханать,
Хумханма мар, хуҫӑлӗ-ха,
Ҫил-кусӑрка килсесӗн.
Пирӗн кинӗм хурланать,
Хурланма мар, макӑрӗ-ха,
Пирӗн пата килсесӗн*

«Колышется макушка березы, / Вполне возможно, что она еще сломается, / Когда налетит вихорь. / Наша невестушка печалится, / Вполне возможно, что она еще наплачется, / Когда окажется у нас» (чув. нар. песня) [26, с. 123].

Липа – дерево, почитаемое во всех славянских традициях как святое. У восточных и западных славян липа считалась деревом Богородицы: говорили, что на ней отдыхает Богородица, спускаясь с небес на землю. Повсеместно считалось, что в липу не бьет молния, поэтому ее сажали у домов и не боялись скрываться под ней во время грозы. Русские вешали крестики из липы на шею человека, мучимого наваждениями [17, с. 283]. Лексема «липа» широко представлена в паремиологическом фонде русского языка как в прямом, так и в переносном значении, правда, ей не сопутствует положительная коннотация: *Бары липовые, а мужики дубовые; Облупили, как липку, обобрали, как малинку* [7, т. 2, с. 253].

Липа (*ҫӑка*) в традиционных представлениях чувашей олицетворяет женское начало, соотносится со старшими женщинами своего рода (матерью, сестрами): *Ҫӑка савӑл илейменне юман савӑл илет* «То, что не под

силу липовому клину (т.е. женщине), осилит клин дубовый (т.е. мужчи-
на)» (чув. посл.).

*Върман хёрринчи ват сӓки.
Хуплӓх тесе ан касӓр –
Хамӓрнах та анне пулмӓ-ши?
Върман варринчи сӓмрӓк сӓки.
Пушӓтлӓх тесе ан касӓр –
Хамӓрнах та анна пулмӓ-ши?*

«Стоящую на опушке леса старую липу / Не рубите, чтобы снять с нее
кору, / А вдруг это наша матушка? / Стоящую посреди леса молодую
липу / Не рубите, чтобы надрать с нее лыка, / А вдруг это наша старшая
сестра?» (чув. нар. песня) [25, с. 124].

Ветла (*йӓмра*) и ива (*хӓва*) в традиционном чувашском народном
сознании являются распространенными символами молодых девушек
вообще и младших сестер (кровных родственниц) – в частности: *Атӓл
хӓви пӓвӓм пурчӓ* – / *Телей курса пулмарӓ* «Был у меня стан, подобный
волжской иве, / Но не суждено мне было счастье» (чув. нар. песня) [26,
с. 289]; *Шурта ларан шур хӓви / Йӓмӓк тесе кайрӓм та:* / «*Килех, пич-
чем*», – *темерӓ* «Я подошел к растущей на болоте ветле, / Думая, что это
моя младшая сестренка, / Но она не сказала мне: “Подойди, братец” (чув.
нар. песня) [25, с. 123]. Ветла – традиционный символ чувашской дерев-
ни: *Ял тени йӓмралӓ пултӓр* «В деревне должны быть ветлы»; *Йӓмра –
ял илемӓ* «Ветла – украшение деревни» [24, с. 93]. В русской лингвокуль-
туре ива и ветла не характеризуются определенной символикой.

Традиционным женским символом (жены, матери), характеризую-
щимся положительной коннотацией, в русской культуре является
яблоня:

*А третьє в саду древо – сладка яблонька.
Что кедрово древо в саду – родной батюшка;
Кипарис-древο в саду – родна матушка;
Сладка яблоня в саду – молода жена;
Отросточки у яблоньки – малы детушки [16, с. 279].*

В чувашском устном народном творчестве была встречена положи-
тельно коннотированная параллель яблоня (*улма йывӓс* (*улмуҫси*)) / род-
ственник (*тӓван*), составляющая оппозицию параллели можжевельник
(*уртӓш*) / чужак (*сичӓ ют*):

*Улма йывӓс пур чухне
Уртӓнас мар уртӓш йывӓсне.
Хамӓр тӓвансем пур чухне
Йӓлӓнас мар сичӓ ютсене.*

«Пока у нас есть яблони, / Не стоит опираться на можжевельник. / Покуда есть у нас родственники, / Не стоит умолять чужаков» (чув. нар. песня) [23, с. 271].

Ель в традиционной русской культуре является деревом, используемым в похоронных и поминальных ритуалах, а также в качестве обрядового дерева. Для символики ели существенны ее природные свойства как вечнозеленого, пахучего, колючего, «женского»: *Красивая, как елка – колючая, как иголка* (рус. погов.) и бесплодного дерева: *Не ищи на елке яблочка* (рус. посл.). Распространены поверья, связанные с запретом сажать и вообще иметь около дома ель, которая якобы «выживает» из дома мужчин. Запрет сажать ель у дома может объясняться принадлежностью ели к неплодовым деревьям, отсюда следуют опасения, что «в доме ничего не будет вестись» [17, с. 174]. Особенно избегали держать ель у домов молодоженов, чтобы те не остались бездетными.

В паремиологическом фонде чувашского языка представлена параллель ель (*чӑрайш*) / жизнь (*пурӑӑс*): *Чӑрайш хӗтти – пурӑӑс хӗтти* «Еловая сень – сень жизни»; *Чӑрайш лӑсси – пурӑӑс лӑсси* «Еловая хвоя – хвоя жизни» (чув. посл.) [24, с. 103].

В русской культуре девушка может сравниваться с сосной: *Пряма (стройна), как сосна* [6, т. 1].

В традиционной чувашской лингвокультуре также представлена параллель сосна (*хыр*) / девушка (*хӗр*):

*Пӑхса ӱстернӗ хыр сене
Касса турта тӑваймарӑм.
Пӑхса ӱстернӗ сар хӗрне
Илсе арӑм тӑваймарӑм.*

«Сосну, которую вырастил, / Не смог я срубить и изготовить оглобли. / Девушку, которая выросла на моих глазах, / Не смог я сделать своей женой» (чув. нар. песня) [25, с. 138].

В традиционной русской лингвокультуре женской символикой характеризуется рябина, но это дерево ассоциируется прежде всего с тоскующей, грустящей, горящей женщиной или девушкой (в чувашской лингвокультуре подобные ассоциации вызывает береза (*хурӑн*)), а горечь ягод ассоциируется с безрадостной жизнью:

*Не от ветра ли рябина
Кисти принавесила?
Не от горя ли подруга
Голову повесила?* [3, с. 40].

В традиционной чувашской культуре рябина (*пилеш*) – благословенное дерево, один из самых сильных оберегов. К жерди из ствола рябины подвешивали колыбель. Листья закалывали в волосы и прикрепляли к головному убору невесты. Рябиновый крест чуваша носили в качестве оберега от злых духов и порчи: *Пилеш хёресё пин усала хярата* «Рябиновый крест прогоняет тысячу бесов»; *Пилешрен арсури те хярать теççё* «Говорят, что рябины боится и леший»; *Пилеше пиллех йываçё теççё* «Рябину называют благословенным деревом» (чув. посл.) [24, с. 108].

Орешник, лещина (*шёшкё*) в традиционном чувашском народном сознании является распространенным символом юношей:

*Ан аван, шёшкё, ан аван
Кайтах силё вёрнипе.
Ан сивён, савни, ан сивён
Кайтах сáмах илтнипе.*

«Не гнишь, орешник, / При малейшем порыве ветра. / Не отворачивайся, любимый, / При малейших пересудах» (чув. нар. песня) [25, с. 431], а также младших братьев: *Шёшкё хулли шáллáмсем* «Младшие братья мои – поросль орешника» (чув. устойчивое сравнение) [24, с. 140]. В русском устном народном творчестве орешник не обладает определенной символикой.

Также в качестве распространенного символа младшего брата в чувашском устном народном творчестве выступает и черемуха (*çёмёрт*): *Вáрман варринчи çамрáк çёмёрт. / Кáйшáллáх тесе ан касáр – / Хамáрнах та шáллáм пулмё-ши?* «Растущую среди леса черемуху / Не рубите для изготовления обручей – / Не окажется ли она нашим младшим братом?» (чув. нар. песня) [25, с. 124]. В паремиологическом фонде русского языка черемуха не упоминается.

В традиционной чувашской лингвокультуре вяз (*хурама*) ассоциируется со старшими родственниками жены или мужа (мужского пола): тестем (*хурама-хуньям* «вяз-тесть»), сватом (*хурама-хáта*) и, редко, свекром: *Хуньям картишё варринче хурама* «Посреди двора тестя вяз»; *Хурама айёнче хуньям пур, хурáн айёнче хуньяма пур* «Под вязом есть у меня тесть, под березой – теща» (чув. погов.) [24, с. 206]. В символике вяза доминирует компонент «чужой»: *Хурамáран хурáнташ пулас сук* «Вяз не сможет стать родственником» (чув. посл.).

В русской культуре вяз ассоциируется с гибкостью: *Исподволь и ольху согнешь, а вкруте и вяз переломишь; Бары кипарисовые, мужики вязовые (и гнутся, и тянутся)* (рус. посл.).

Со свойственниками мужского пола в традиционной чувашской лингвокультуре ассоциируется и клен (*вёрене*):

*Вёрене сұлси вёлкёшет, –
Паллах, кёрү лартни пуль...
Пирёнийён кёрү кускалать, –
Паллах, савса чённе пуль.*

«Колышутся листья клена, – / Конечно, того, который посажен зятем... / Зятек наш суетится вокруг нас, – / Конечно, он пригласил нас в гости, любя (чув. нар. песня) [26, с. 175]. *Улăхра ларан вёрене / Йысна тесе кайрăм та: / «Килех, пултăр», – темерё* «Я подошел к растущему на лугу клену, / Думая, что это муж моей старшей сестры, / Но он не сказал мне: “Подойди, шурина”» (чув. нар. песня) [26, с. 123].

В легендах и преданиях западных и восточных славян клен (явор) – дерево, в которое превращен человек. По этой причине клен не используют на дрова (*явор от человека пошел*), не делают из него гроб (*грешно гноить в земле живого человека*) [17, с. 312]. Сравните также типичное для русских причитаний обращение к умершему сыну: «Ай, мой сыночек, мой же ты яворочек».

В традиционных русских народных представлениях осина – проклятое дерево: *Осина все шепчется, а проклятое дерево*, вместе с тем широко используемое в качестве оберега. У восточных славян распространено поверье о том, что на осине повесился Иуда, отчего у осины дрожат листья. Осину запрещалось сажать около домов (во избежание несчастий и болезней), ее не использовали при строительстве, не топили ею печь, избегали сидеть в тени дерева, не вносили в дом осиновых веток. В местах, где растет осина, по поверьям, вьются черти, ходить там небезопасно. С этими поверьями связан и запрет прятаться под осину во время грозы, потому что «осину гром ищет» (гром «бьет» черта в славянских поверьях) [там же, с. 235]. Связью осины с нечистой силой можно объяснить широкое использование ее в магических целях. Известным магическим приемом было «заламывание осины». В русском фольклоре, поверьях и обрядах осина выступает действенным средством в борьбе с нечистой силой. На огне из осиновых дров сжигали после смерти колдунов, чтобы они не вредили людям (ср. в проклятиях: *Чтоб ты сгорел на осиновом дереве!*). У восточных славян осиновый кол втыкали в могилу «ходячего» покойника. Более эффективным считалось вбивание осинового кола прямо в труп умершего. Это обычно касалось заложных покойников, т.е. тех, кто умер неестественной или преждевременной смертью, чтобы они не превратились в «ходячих» покойников. Ср. соответствующие проклятия (*Кол осиновый тебе на том свете!*) и пожелания-угрозы,

адресуемые хозяевам, если они плохо одаривали колядовщиков (*На Новый год осинового гроб, кол и могилу, ободрану кобылу*) [12, с. 184]. Упрощенная форма этого обычая – установление на могиле осинового креста или помещение в гроб на грудь покойного маленьких осиновых крестиков. Сравните в современном русском языке устойчивое сочетание *вбить осиновый кол* «окончательно обезвредить кого-, что-либо, покончить с чем-либо» [18, т. 2, с. 70]. В народной медицине на осину различными способами «переносили» болезни. «Передавая» болезнь дереву, просили: *Осина, возьми мою тряси́ну, дай мне леготу!* [17, с. 236]. В русском устном народном творчестве лексема «осина» традиционно сочетается с эпитетами *горькая, проклятая*. Концепт *осина* в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией:

*Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою красоту,
Вокруг чего она обвилася:
Вкруг осинушки ли горькой,
Вкруг березоньки ли белой,
Аль вкруг яблоньки кудрявой?
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки, вкруг горькой, –
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное* [16, с. 236].

В чувашской языковой картине мира коннотация концепта осины (*авӑс*) варьируется от нейтральной до положительной:

*Авӑс мӑскӑн ӱсетӗ
Сирӗп тымар сукӑран.
Эп те мӑскӑн ӱсетӗп
Тӑван анне сукӑран*

«Осина росла беднягой, / Оттого что не имела крепких корней. / И я расту беднягой, / Оттого что не имею матушки» (чув. нар. песня) [25, с. 186]. *Авӑс хитре те хупти ӱӱсӗ* «Осина красива, но кора горька»; *Авӑслӑхра ӑс (вӑй) кӑрет* «В осиннике наберешься ума (силы)»; *Авӑс хӱтти – ӗваш хӱтти* «Осинник – защита чувашей»; *Авӑслӑха тарӑн пуҫ юлӑн* «Голова, скрывшаяся в осиннике, осталась цела» (чув. посл.) [24, с. 112].

Исключительно отрицательной коннотацией в традиционной чувашской лингвокультуре характеризуется бересклет (*кӑпчанкӑ*): *Курӑкран усал куришанкӑ, ӱывӑсран усал кӑпчанкӑ* «Худшая из трав – репейник, худшее из деревьев – бересклет» (чув. посл.) [24, с. 236]. В традиционной русской лингвокультуре бересклет не характеризуется определенной символикой.

В завершение хочется отметить, что как мир живой природы в целом, так и отдельные его части, в частности, флора и фауна, могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос выстраивает свой национально специфический образ мира. Лексика тематической группы «растения (деревья)» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира. Это позволяет говорить о важности растительного кода в культуре русского и чувашского народов. Таким образом, предпринятое нами исследование вполне подтверждает мысль А. Вежбицкой о том, что ролью человеческого фактора в языке нельзя пренебрегать даже в самом грубом приближении, поскольку языковое значение – это результат интерпретации мира человеком, поэтому все значения являются антропоцентричными (отражающими общие свойства человеческой природы) и этноцентричными (ориентированными на конкретный этнос) [4, с. 61]. По меткому определению Р. Келлера, наша система концептов – это не зеркало мира, а зеркало того, как мы с ним взаимодействуем [27, с. 27]. Хочется надеяться, что предпринятая нами работа является пусть небольшим, но вкладом в реконструкцию «цельного образа мира по данным языка» – задачу, которую академик Ю.Д. Апресян назвал «сверхзадачей современной теоретической семантики и лексикографии» [1, с. 49].

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце 20 столетия // Изв. АН. Сер. «Лит. и яз.». 1999. Т. 58. № 4.
2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. М., 2005.
3. Библиотека русского фольклора: В 10 т. Т. 9. Частушки. М., 1990.
4. Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов. М., 2001.
5. Волков Г.Н. Чувашская этнопедагогика. Чебоксары, 2004.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006.
8. Капелюшник Е.В. «Сладкое» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля еда / пища) // Язык – Текст – Дискурс: Традиции и новации: Материалы международной. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Самара, 2009.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
12. Крутлый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. М., 1989.
13. Обрядовая поэзия. М., 1989.

14. Пименова М.В. Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007.
15. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / Сост. Ю.Г. Круглов. Ленинград, 1984.
16. Русское народное поэтическое творчество / Сост. Ю.Г. Круглов. СПб., 1993.
17. Славянская мифология: энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Толстой. М., 2002.
18. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
19. Теплова Л.П., Егоров Н.И. Дуб // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары, 2006. Т. 1.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
21. Трофимов А.А., Матвеев Г.Б. Киремет // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары, 2008. Т. 2.
22. Патмар И.А. Пурнăç илемĕ. Канаш, 1992.
23. Тимофеев Г.Т. Тăхăр ял. Шупашкар, 2002.
24. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сĕмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хат. Шупашкар, 2007.
25. Чăваш халăх сĕмахлăхĕ / И.И. Одюков, Г.Ф. Юмарт пухса хат. Т. 3. Юрăсем. Шупашкар, 1978.
26. Чăваш халăх сĕмахлăхĕ / И.И. Одюков, Г.Ф. Юмарт пухса хат. Т. 4. Юрăсем. Шупашкар, 1979.
27. Keller R.A. Theory of Linguistic. Oxford, 1998.

П.А. Коваль

Плавающие кванторы и информационная структура в татарском языке

В данной статье на материале татарского языка автор исследует синтаксис одного типа разрывных конструкций – конструкций с плаванием кванторов. На основании предположения об участии информационной структуры в деривационной истории таких конструкций предлагается уточнение для деривационной модели татарских конструкций с плаванием кванторов. Ключевым наблюдением является то, что свойства позиции, в которой находится часть такой конструкции – квантифицируемая именная группа, совпадают с независимо обоснованными в литературе свойствами позиции топика. Предлагаемое уточнение модели позволяет предложить синтаксические объяснения для ряда явлений, ранее не получивших объяснения.

Ключевые слова: синтаксис, плавающие кванторы, тюркские языки, татарский язык, информационная структура, топикализация, деривационный анализ.

Введение

Объект нашего обсуждения можно проиллюстрировать следующей парой примеров:

(1) ФРАНЦУЗСКИЙ

a. *Tous les enfants ont vu ce film.*

b. *Les enfants ont tous vu ce film.*

Все дети посмотрели этот фильм.

(адапт. из [28])

{a=b}

В примере 1a представлена обыкновенная кванторная группа *tout les enfants*, в примере 1b кванторное слово *tout* находится отдельно от квантифицируемой именной группы *les enfants*, оно «уплыло» направо.

Плавающие кванторы (FQ, от англ. floating quantifiers) представляют собой особый тип разрывных составляющих. Типологически FQ интересны тем, что даже в языках, где запрещены разрывные именные группы, например, в английском, FQ-конструкции существуют, и между квантифицируемой именной группой (QNP) и кванторным словом (Q) можно поместить дополнительный языковой материал:

(2) АНГЛИЙСКИЙ

The children (all) would (all) have (all) been (all) doing that.

Все дети делали бы это.

(адапт. из [19])

Предмет моего исследования – FQ-конструкции в татарском языке. Материалом для исследования служат данные мишарского диалекта татарского языка, полученные в ходе работы лингвистической экспедиции ОТиПЛ филологического факультета МГУ в с. Рыбушкино (Рбишча) Краснооктябрьского района Нижегородской области¹.

В татарском языке существуют три типа конструкций, в которых могут употребляться кванторы.

1. Адноминимальное употребление квантора (AQ, Adjectival Quantifier)

(3) beten malaj-(lar)-nıx
все мальчик-PL²-ACC
все мальчики

2. Генитивная кванторная конструкция (GQ, Genitive Quantifier)

(4) malaj-lar-nıx beten-e-se-n
мальчик-PL-GEN все-3-3-ACC
все мальчики

3. Конструкция с дублированием падежа (DCQ, Double Case Quantifier)

(5) malaj-lar-nıx beten-e-se-n
мальчик-PL-ACC все-3-3-ACC
все мальчики

В статье П. Гращенкова [14] для FQ-конструкций в татарском языке был предложен деривационный анализ. Однако новые языковые данные дают достаточное основание предполагать значительный вклад информационной структуры в деривацию таких конструкций, что вынуждает предложить уточнение к существующему анализу.

1. Обзор анализов синтаксиса FQ-конструкций

Ответ на вопрос «Как образуется FQ-конструкции?» делит всех исследователей на три группы по числу предложенных анализов [10, р. 1–8, 23–65, 159–177].

Адвербиальный анализ

Этот анализ представлен в работах J.D. Bobaljik, D. Dowty, B. Brody, R. Kayne [7; 12; 19]. Его ключевая особенность – предположение о том, что квантор (Q) и квантифицируемая именная группа (QNP) ни в какой момент деривации не являются частями одной составляющей. Q моди-

¹ Сбор материала финансировал РГНФ, грант № 12-04-18024е, анализ материала финансировался из бюджета РФФИ, грант № 13-06-00884а.

² Список сокращений: 3 – третье лицо; ACC – Аккузатив; CL – клитика; DAT – Датив; E – результирующее местоимение; FOC – фокус; GEN – Генитив; NEG – отрицание; NEU – средний род; OBL – косвенная основа; PART – причастие; PFCT – Перфект; PRES – Презенс; PST – Претерит; PL – множественное число; ST – производная основа.

фицирует событийную структуру глагольной группы, представляя собой особый тип анафорического адвербиала, а отношение между Q и QNP той же природы, что отношение между анафором и его антецедентом. Очевидны минусы такого анализа: предложения 1a и 1b порождаются независимо друг от друга, таким образом игнорируется их значительная семантическая близость; оказывается необходимо дополнительное объяснение согласования Q и QNP по падежу и Ф-признакам; нетривиальное для адьюнктов требование локального s-командующего антецедента; необходимость введения нового типа приглагольных адвербиалов, который к тому же невозможен в сочинительной конструкции с другими адвербиалами и не совпадает ни с одним из трех типов адвербиалов, способных занимать приглагольную позицию, обсуждаемых в работе R.S. Jackendoff [17].

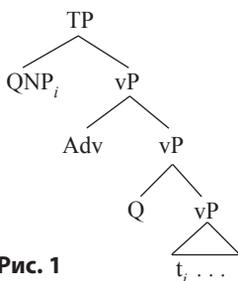

Рис. 1

На рисунке 1 показана часть структуры клаузы с субъектной QNP с позиций адвербиального анализа.

Анализ с «зависанием» квантора¹

Примеры этого анализа можно найти в работах Ž. Vošković, D. Dowty, V. Brody, R. Kayne [8; 27; 28].

Анализ с «зависанием» предполагает, что Q и QNP вначале образуют составляющую, в которой Q является вершиной собственной проекции², а QNP – комплементом. Впоследствии QNP передвигается выше, в то время как Q «зависает» в исходной позиции. Очевидную сложность для такого анализа представляют клаузы с пассивом и с неаккузативными глаголами (подробности и возможные пути решения можно найти в работе R. Cirillo [10]).

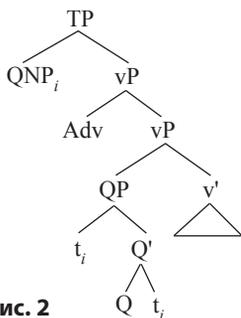

Рис. 2

На рисунке 2 представлена структура той же клаузы, что на рисунке 1, но с позиций анализа с «зависанием».

¹ В англоязычной литературе используется термин *Stranding analysis*, который иногда не переводится, а транслитерируется на русский, так что часто можно услышать про «стрендинговый» анализ.

² Предположение, ставшее впоследствии известным как QP-гипотеза, было высказано в то же время, но на независимых основаниях [9].

Гибридный анализ

Гибридный анализ, представленный в работах J. Fitzpatrick, В.-М. Kang, Н. Ко [13; 18; 20], является попыткой примирить приверженцев двух представленных выше анализов.

Согласно этому анализу, происхождение плавающих кванторов является параметром типологического варьирования: есть языки, где FQ имеют адвербиальную природу, а есть языки с адноминальными FQ, кроме того, есть языки, в которых одни конструкции с плавающими кванторами имеют адвербиальную, а другие – адноминальную природу.

Подобный анализ тривиальным образом заимствует все плюсы и минусы обоих рассмотренных ранее, кроме того, до сих пор не установлена связь с другими параметрами типологического варьирования.

2. Свойства FQ-конструкций в татарском языке

Устройство FQ-конструкции определяется следующим набором правил¹:

- QNP всегда находится левее Q;
- Q несет на себе показатель посессивности и внешне похожий на него показатель E (о нем речь пойдет в разделе 3);
- Q также приобретает показатели числа и падежа, которые не могут быть опущены²;
- участвовать в FQ-конструкциях в татарском (как и в других алтайских) способны не только кванторные слова, но и числительные.

Кроме того, FQ-конструкции обладают следующим набором свойств.

1. QNP локально ограничена и должна находиться в той же клаузе, в которой располагается Q:

(6) a. *malaj-lar-nuŋ	jeŧ	eŧ-e-se	selke	baŧla-dy-lar
мальчик-PL-GEN	часто	три-E-3	кивать	начинать-PST-PL
b. malaj-lar-nuŋ	eŧ-e-se	jeŧ	selke	baŧla-dy-lar
мальчик-PL-GEN	три-E-3	часто	кивать	начинать-PST-PL

Из мальчиков трое начали часто кивать.

(7) a. *malaj-lar	jeŧ	eŧ-e-se	selke	baŧla-dy-lar
мальчик-PL	часто	три-E-3	кивать	начинать-PST-PL
b. malaj-lar	eŧ-e-se	jeŧ	selke	baŧla-dy-lar
мальчик-PL	три-E-3	часто	кивать	начинать-PST-PL

Из мальчиков трое начали часто кивать.

¹ Примеры, подтверждающие подобное устройство FQ-конструкций, можно найти в работе Гращенкова [14].

² В обычном случае показатель числа опционален, также в FQ невозможен морфологический номинатив у прямого объекта [3].

В примерах 6а и 7а QNP находится в матричной клаузе, а Q – во вложенной, в то время как в примерах 6б и 7б и QNP, и Q находятся в матричной клаузе. Границу клаузы маркирует наречие *часто*, явным образом относящееся к предикату *кивать*, а не к *начинать*.

2. В GQ и DCQ в качестве QNP может выступать местоимение, в AQ это невозможно:

(8) а.	*beten	a-lar	ü-gä	kajt-tx-lar
	все	он-PL	дом-DAT	приходить-PST-PL
б.	a-lar-nuŋ	beten-e-se	ü-gä	kajt-tx-lar
	он-PL-GEN	все-E-3	дом-DAT	приходить-PST-PL
в.	a-lar	beten-e-se	ü-gä	kajt-tx-lar
	он-PL	все-E-3	дом-DAT	приходить-PST-PL

Из них все пришли домой.

{b=c}

3. В качестве QNP может выступать wh-слово:

(9) а.	kem-när-neŋ	kičä	ike-se	kil-de?
	кто-PL-GEN	вчера	два.E-3	приходить-PST
б.	kem-när	kičä	ike-se	kil-de?
	кто-PL	вчера	два.E-3	приходить-PST

Кто двое вчера пришли?

{a=b}

4. В татарском с FQ-конструкциями не возникает эффекта «слабого переезда» (*Weak Cross-Over, WCO*, см. [23])

(10) ??	kajsx	malaj-nx _i	a-nuŋ _i	äni-se	kür-de?
	который	мальчик-ACC	он-GEN	мать-3	видеть-PST
- Какого мальчика_i видела его_i мать?*

(11) а.	kajsx	bala-lar-nuŋ	a-nuŋ	äni-se
	который	ребенок-PL-GEN	он-GEN	мать-3
	eč-e-se	kür-de?		
	три-E-3	видеть-PST		
б.	kajsx	bala-lar-nx	a-nuŋ	äni-se
	который	ребенок-PL-ACC	он-GEN	мать-3
	eč-e-se	kür-de?		
	три-E-3	видеть-PST		

Из каких детей их матери увидели троих?

{a=b}

5. К QNP невозможно добавить фокусную клитику *gyna* (см. раздел 5):

(12) а.	beten	gruša-nx	gyna	Marat	kičä	aša-dx.
	все	груша-ACC	FOC	Марат	вчера	есть-PST

- b. Marat beten gruša(-nɣ) gɣna kičä aša-dɣ.
 Марат все груша-ACC FOC вчера есть-PST
Марат вчера съел все груши.

{a=b}

- (13) a. *gruša-lar-nɣ gɣna Marat kičä beten-e-se-n aša-dɣ.
 груша-PL-GEN FOC Марат вчера все-Е-3-ACC есть-PST

- b. *Marat gruša-lar-nɣ gɣna kičä beten-e-se-n
 Марат груша-PL-GEN FOC вчера все-Е-3-ACC
 aša-dɣ.
 есть-PST

- c. *Marat kičä gruša-lar-nɣ gɣna beten-e-se-n
 Марат вчера груша-PL-GEN FOC все-Е-3-ACC
 aša-dɣ.
 есть-PST

- (14) a. *gruša-lar-nɣ gɣna Marat kičä beten-e-se-n aša-dɣ.
 груша-PL-ACC FOC Марат вчера все-Е-3-ACC есть-PST

- b. *Marat gruša-lar-nɣ gɣna kičä beten-e-se-n
 Марат груша-PL-ACC FOC вчера все-Е-3-ACC
 aša-dɣ.
 есть-PST

- c. *Marat kičä gruša-lar-nɣ gɣna beten-e-se-n
 Марат вчера груша-PL-ACC FOC все-Е-3-ACC
 aša-dɣ.
 есть-PST

- (15) a. keše-lär-neɣ kičä eč-e-se genä kil-de.
 человек-PL-GEN вчера три-Е-3 FOC приходит-PST

- b. keše-lär kičä eč-e-se genä kil-de.
 человек-PL-GEN вчера три-Е-3 FOC приходит-PST

Вчера три человека пришло.

{a=b}

6. В FQ-конструкциях возникает эффект «заморозки сферы действия» (*Scope Freezing*) (см. раздел 6):

- (16) ike malaj kičä biš kitab ukɣ-dɣ-lar.
 два мальчик вчера пять книга читать-PST-PL

Два мальчика вчера прочитали (по) пять книг.

- (17) a. kitab-lar-nɣ ike malaj kičä biš-e-se-n
 книга-PL-GEN два мальчик вчера пять-Е-3-ACC
 ukɣ-dɣ-lar.
 читать-PST-PL

b. ike malaj kitab-lar-nıŋ kičä biş-e-se-n
 два мальчик книга-PL-GEN вчера пять-Е-3-ACC
 укx-dı-lar.

читать-PST-PL

c. ike malaj kičä kitab-lar-nıŋ biş-e-se-n
 два мальчик вчера книга-PL-GEN пять-Е-3-ACC
 укx-dı-lar.

читать-PST-PL

*Два мальчика вчера прочитали (*но) пять книг.*

{a=b=c}

(18) a. kitab-lar-nıŋ ike malaj kičä biş-e-se-n
 книга-PL-ACC два мальчик вчера пять-Е-3-ACC
 укx-dı-lar.

читать-PST-PL

b. ike malaj kitab-lar-nıŋ kičä biş-e-se-n
 два мальчик книга-PL-ACC вчера пять-Е-3-ACC
 укx-dı-lar.

читать-PST-PL

c. ike malaj kičä kitab-lar-nıŋ biş-e-se-n
 два мальчик вчера книга-PL-ACC пять-Е-3-ACC
 укx-dı-lar.

читать-PST-PL

*Два мальчика вчера прочитали (*но) пять книг.*

{a=b=c}

3. Анализ П.В. Гращенкова

В работах П.В. Гращенкова [1; 14] предлагается деривационный анализ для FQ-конструкций в татарском.

Анализ начинается с предположения, что вершиной GQ и DCQ является кванторное слово. В обоих типах конструкций Q и QNP образуют на некотором этапе синтаксической деривации одну составляющую.

Показатель -e- на Q – это резюмирующее местоимение, которое должно быть с-командуемо своим антецедентом в своей локальной области [21].

Для GQ он предлагает использовать подход, принятый в работе U. Sauerland, K. Yatsushiro [26] при исследовании генитивных количественных конструкций в японском языке. Согласно их предположению, японские количественные конструкции исходно состоят из двух именных групп (ИГ), одна из них соответствует множеству, из которого осуществляется выбор, вторая – подмножеству выбираемых элементов. Часть первой ИГ «стирается» в процессе порождения (в примере 19 «стираемая» ИГ зачеркнута).

- (19) японский
 subete | san-satu hon-no hon
 все | три-CL книга-GEN книга
Все | три из книг

Основная идея этого анализа в том, что, в отличие от японского, в татарском «стирается» часть ИГ подмножества выбираемых элементов.

AQ порождается как единичная DP и больше с ней ничего не происходит.

$$[{}_{DP} Q [{}_{nP} QNP]] \quad (AQ)$$

На начальном этапе порождения GQ образуются две ИГ, одна соответствует множеству выбора, другая – подмножеству выбираемого, первая находится в позиции спецификатора второй.

$$\begin{array}{l} [{}_{DP} [{}_{DP} QNP] [{}_{DP} Q [{}_{nP} QNP]]] \\ \downarrow \\ [{}_{DP} [{}_{DP} QNP] [{}_{DP} Q [{}_{nP} QNP]]] \quad D \\ \downarrow \\ [{}_{DP} [{}_{DP} QNP-gen] [{}_{DP} Q [{}_{nP} E]]] \quad 3 \end{array} \quad (GQ)$$

Деривация DCQ на первых шагах идентична деривации GQ. Единственным (и ключевым) отличием является то, что в позиции спецификатора DP ИГ не приписывается генитивный падеж. Вместо этого происходит образование «плоской» малой клаузы (bare small clause) поверх DP.

В малой клаузе подлежащее (QNP) и предикат (Q и резумптивное местоимение) не обладают структурным приоритетом друг над другом и расположены «равноудалено» по отношению к внешнему синтаксическому контексту. Именно условие равноудаленности (equidistance [24]) позволяет объяснить дублирование падежа на обеих частях ИГ.

$$\begin{array}{l} [{}_{DP} [{}_{DP} QNP] [{}_{DP} Q [{}_{nP} E]]] \quad 3 \\ \downarrow \\ [{}_{SC} [{}_{DP} [{}_{DP} QNP]] [{}_{DP} [{}_{nP} E]]] \quad 3 \\ \downarrow \\ [{}_{SC} [{}_{DP} [{}_{DP} QNP]]-\alpha [{}_{DP} [{}_{nP} E]]] \quad 3-\alpha \end{array} \quad (DCQ)$$

4. Информационная структура

Предлагаемое мной уточнение основывается на предположении об устройстве информационной структуры (ИС), в этом разделе я кратко

охарактеризую ту модель, которую буду использовать (подробное обсуждение устройства ИС в татарском можно найти в другой моей работе [2]).

Синтаксическая модель ИС, которую я использую, известна как гипотеза расщепления CP (Split-CP), она была предложена Л. Рицци [25] и получила несколько важных уточнений в работах А. Беллетти [5; 6] и И. Эбо [4].

Для того, чтобы приобрести ИС-статус топика или фокуса, синтаксическая группа должна передвинуться (явно или скрыто) в соответствующую позицию в синтаксической структуре.

Л. Рицци предложил следующую «карту» ИС-проекций, заменив ею проекцию CP: [ForceP [TopP* [FocP [TopP* [FinP [TP]]]]]].

А. Беллетти предположила, что пояс ИС-проекций существует и на уровне v^*P : [TopP* [FocP [TopP* [v^*P]]]].

А И. Эбо добавил к списку составляющих, обладающих ИС-проекциями, DP: [TopP* [FocP [TopP* [DP]]]].

В татарском, наравне с линейным и просодическим фокусным выделением, активно используется стратегия клитизации фокализуемой составляющей. При клитизации составляющей энклитикой *gɯna* происходит скрытое передвижение фокусируемой составляющей в ближайший Spec FocP [2].

5. Уточнение анализа

Позиция QNP

Обращает на себя внимание неграмматичность присоединения клитики *gɯna* к квантифицируемой ИГ в GQ и DCQ. В AQ QNP клитизируется без затруднений (примеры 12a–b). Но клитизация QNP невозможна ни в GQ (примеры 13a–c), ни в DCQ (примеры 14a–c), а значит, невозможна и ее фокализация. Этот факт может иметь разные объяснения. Прежде всего я должен отклонить одно из них, а именно: невозможность фокализации обусловлена разрывным характером составляющей. Если это так, то никакая часть разрывной составляющей не способна присоединять клитику *gɯna*. Однако в примерах 15a–b мы видим, что фокализация кванторного слова возможна. Следовательно, объяснение невозможности примеров 13–14 должно быть связано не со свойствами разрывной конструкции в целом, а со свойствами QNP.

Если фокализованная составляющая (скрыто) передвигается в спецификатор одной из FocP, то невозможность примеров 13–14 получает объяснение в следующем случае: в конструкции с плавающими кванторами QNP не может оказаться в позиции Spec FocP, поскольку она занимает другую информационно-структурную позицию. Наше предположение состоит в том, что QNP занимает позицию топика, и именно это предотвращает ее появление в Spec FocP, а значит, и клитизацию.

Чтобы удостовериться в эмпирической адекватности этого предположения, воспользуемся списком свойств (таблица 1), различающих позиции фокуса и топика [25, p. 289–290].

Таблица 1

Свойства фокуса и топика

	Focus	Topic
Вызывает появление резумптивного местоимение	НЕТ	ДА
Возникает эффект слабого переезда (WCO)	ДА	НЕТ
Допускает кванторы без лексических ограничений (BQE)	ДА	НЕТ
Проекция уникальна (Uniqueness)	ДА	НЕТ
Позиция левее Wh	НЕТ	ДА

Проверим последовательно их все.

Предположение из статьи П.В. Гращенкова [14] о том, что показатель -е- представляет собой резумптивное местоимение, мы приняли в качестве исходного допущения.

Из примеров 11a–b следует, что эффект слабого переезда не наблюдается в конструкциях с FQ.

Кванторы без лексических ограничений (подобные примеру 20) невозможны в FQ-конструкциях (пример 21).

(20) ИТАЛЬЯНСКИЙ

*Nessuno, lo ho visto.
никто 3SG AUX.1SG видеть.PART

*Никто, я его видел.

[25, p. 290]

(21) *kičä eč-e-se kil-de.

вчера три-E-3 приходит-PST

Не-уникальность проекции можно продемонстрировать, показав грамматичность появления двух QNP в одной линейной позиции:

(22) ?kız-lar-nıñ kitab-lar-nıñ eč-e-se biš-e-se-n
девочка-PL-GEN книга-PL-GEN три-E-3 пять-E-3-ACC
ukı-dı.

читать-PST

Три девочки прочитали пять книг.

Очевидно, что позиция не уникальна.

Последнее свойство, которое нам необходимо проверить, – возможность расположения топика левее *wh* и недоступность этого для фокуса (^{ok}<Top Wh> и *<Foc Wh>). Для его проверки в татарском, как в языке с *wh-in-situ*, я принимаю следующие три исходных допущения:

– *wh* интерпретируется в Spec ForceP [16];

– при передвижении в Spec ForceP wh-слово должно обязательно использовать в качестве промежуточной посадочной площадки одну из ИС-проекций, в обычном случае это Spec FocP;

– операция проверки признаков, установление отношения «зонд» – «цель» и передвижение происходят непосредственно при деривации очередной проекции [22].

В таком случае это ограничение линейной позиции является дериватом от условия единственности позиции фокуса, а конфигурации <Top Wh> и <Foc Wh> оказывается возможно проверить, используя примеры, в которых топик или фокус имеют структурный приоритет над wh-словом в той позиции, в которой они озвучиваются:

(23) а. *[_{foc} eč malaj gyna] [_{wh} nārsä] aša-dx?
 три мальчик FOC что есть-PST
 int. *Что съели ТРОЕ МАЛЬЧИКОВ?*

(24) [_{top} malaj-lar-nɯŋ] eč-e-se [_{wh} nārsä] aša-dx?
 мальчик-PL-GEN три-E-3 что есть-PST
Из мальчиков трое что съели?

(25) [_{top} malaj-lar] eč-e-se [_{wh} nārsä] aša-dx?
 мальчик-PL три-E-3 что есть-PST
Из мальчиков трое что съели?

При принятии указанных исходных допущений неграмматичность примера 23 объясняется тем, что позиция Spec FocP оказывается занята раньше, чем wh-слово до нее добралось.

Примеры 24 и 25 могут быть грамматичны по двум причинам – FQ не участвуют в ИС, тогда необъясним запрет на клитизацию, или они занимают позицию, которая не блокирует wh-передвижение.

Из примеров видно, что и GQ (пример 24), и DCQ (пример 25) допускают левое расположение по отношению к wh-слову, в то время как сфокусированная составляющая в примере 23 делает предложение неграмматичным.

Обобщим полученные данные, дополнив приведенную выше таблицу 1 свойствами GQ и DCQ (таблица 2).

Приведенный материал показывает, что (при принятии всех указанных дополнительных допущений) позиция, которую занимает квантифицируемая ИГ, это позиция топика, TopP в нашей модели. Это позволяет объяснить неграмматичность ее клитизации в примерах типа 26–28.

(26) а. *gruša-lar-nɯŋ gyna Marat kičä beten-e-se-n aša-dx.
 груша-PL-GEN FOC Марат вчера все-E-3-ACC есть-PST
 б. *gruša-lar-nɯ gyna Marat kičä beten-e-se-n aša-dx.
 груша-PL-ACC FOC Марат вчера все-E-3-ACC есть-PST

- (27) a. *Marat gruša-lar-nuŋ gyna kičä beten-e-se-n aša-dx.
 Марат груша-PL-GEN FOC вчера все-Е-3-ACC есть-PST
 b. *Marat gruša-lar-nx gyna kičä beten-e-se-n aša-dx.
 Марат груша-PL-ACC FOC вчера все-Е-3-ACC есть-PST
- (28) a. *Marat kičä gruša-lar-nuŋ gyna beten-e-se-n aša-dx.
 Марат вчера груша-PL-GEN FOC все-Е-3-ACC есть-PST
 b. *Marat kičä gruša-lar-nx gyna beten-e-se-n aša-dx.
 Марат вчера груша-PL-ACC FOC все-Е-3-ACC есть-PST

Таблица 2

Свойства фокуса, топика, GQ и DCQ

	Focus	Topic	DCQ	GQ
Вызывает появление резюмтивного местоимения	НЕТ	ДА	ДА	ДА
Возникает эффект слабого переезда (WCO)	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Допускает кванторы без лексических ограничений (BQE)	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Проекция уникальна (Uniqueness)	ДА	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Позиция левее Wh	НЕТ	ДА	ДА	ДА

Последнее, что нам остается, – рассмотреть, как будет выглядеть анализ при принятии предположения о «топикальном» характере позиции QNP.

Уточненный анализ

В предыдущем разделе мы предложили аргументы в пользу того, что позиция квантифицируемой ИГ – TopP. Исходя из более общего предположения, что информационные проекции существуют на уровне DP, vP и CP, мы можем допустить, что квантифицируемая ИГ размещается в любой из трех топикальных проекций – TopP_{DP}, TopP_{vP}, TopP_{CP}.

Деривационная модель при «топикальном» анализе FQ-конструкций сводится к двум правилам, одному определению и одному допущению о позиции топика.

Допущение. В позиции TopP невозможно произнесение кванторного слова, если оно невозможно где-либо еще, деривация терпит крах.

Определение минимальной топикальной составляющей. XP является минимальной топикальной составляющей, если XP маркирована признаком [top], а доминирующая над ней проекция не маркирована этим признаком; либо если XP содержит признак [top] внутри себя и между этим признаком и XP нет никакой другой максимальной проекции.

Распространение признака [top]. Признак [top] факультативно распространяется с вершины на доминирующие узлы дерева не меньше, чем до границы ближайшей максимальной проекции, но не выше границы ближайшей фазы с ИС-проекциями

Это правило предсказывает две различные степени распространения признака.

1. Распространение признака на всю YP (рис. 3).
2. Остановка распространения признака на промежуточной максимальной проекции (рис. 4).

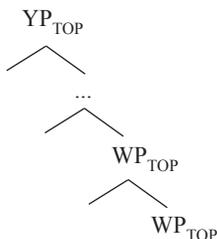

Рис. 3

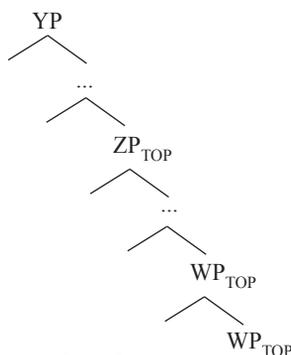

Рис. 4

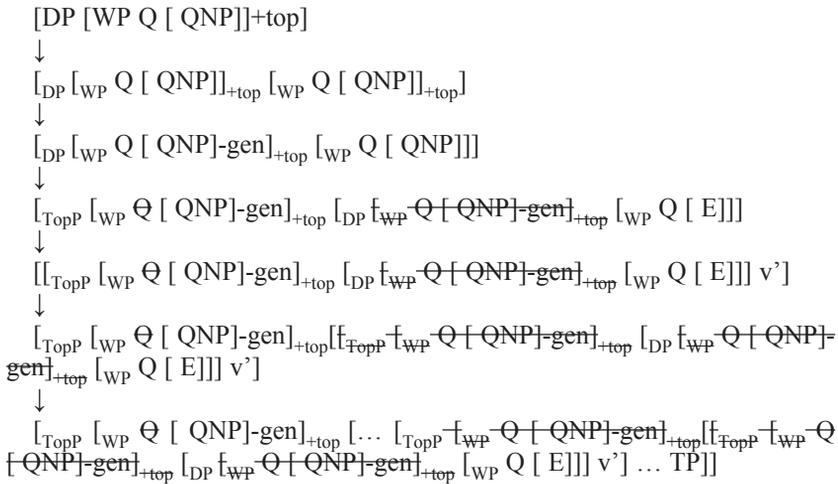
Передвижение в позицию TopP. Минимальная составляющая, содержащая в себе признак топика, должна передвинуться в ближайший Spec TopP.

В такой системе полная деривация конструкций с кванторами в татарском языке выглядит следующим образом.

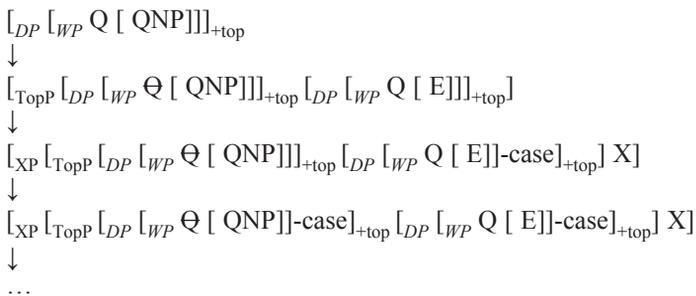
Деривация AQ не претерпевает никаких изменений по сравнению с теорией, описанной в разделе 3.

[_{DP} [_{NP} Q [QNP]]] (AQ)

Деривация GQ начинается с распространения признака [top], это распространение доходит до промежуточной максимальной проекции, после чего она передвигается в позицию Spec DP, где получает генитивный падеж, и возникает конфигурация с двумя множествами, описанная Гращенковым [1; 14]. После этого группа из Spec DP передвигается в Spec TopP_{DP}, вызывая появление резумптивного местоимения в своей базовой позиции, а из позиции Spec TopP_{DP} может продолжать свой путь в Spec TopP_{VP} и Spec TopP_{CP}.

Теперь рассмотрим деривацию DCQ. Она также начинается с распространения признака [top], единственная разница с GQ состоит в том, что это распространение доходит до уровня DP, после этого происходит копирование DP в позицию TopP_{DP}, на месте удаленной копии остаются резумптивное местоимение и та часть ИГ, которая не может быть произнесена в позиции топики. Приписывание падежа происходит в следующей фазе, и в этом случае падеж приписывается обеим группам по согласованию для вершины Top между ее спецификатором и комплементом. После этого группа в Spec TopP_{DP} может продолжать свой путь так же, как в предыдущей деривации.

6. Дополнительные возможности

Предлагаемое уточнение позволяет по-новому взглянуть на эффект «заморожки» [11] сферы действия (примеры 16–18), он состоит в том,

что, по сравнению с возможными интерпретациями кванторных слов при подъеме кванторов в ИГ с AQ, FQ-конструкции обладают ограниченным набором возможных интерпретаций.

Для GQ и DCQ возможна только такая интерпретация, в которой сфера действия (СД) плавающего квантора шире СД другого кванторного слова (примеры 17–18).

Объяснение, которое я предлагаю для «заморозки» СД, строго синтаксическое: если мы предположим, что QNP занимает одну из топикальных позиций, мы также можем предположить, что она копируется во все топикальные позиции вверх по дереву вплоть до границы клаузы. Второе предположение, которое необходимо, о существовании связи между QNP и Q, о том, что QNP и Q в некоторый момент своей деривационной истории были одной составляющей, служит отправной точкой всего нашего анализа.

7. Возможные сложности

Одно из возможных возражений против предлагаемого мной уточнения состоит в том, что в конструкциях с FQ возможны вопросительные слова, которые невозможны в позиции топика, как в примерах (9a–b).

Это явление, конечно, требует дальнейшего исследования, отметим лишь, что в недавней статье G. Grewendorf [15] на материале немецкого языка показывается, что вопросительные группы с рестрикторами, в противопоставление независимым вопросительным словам, демонстрируют топикальные свойства. В примере 29 вопросительное слово с рестриктором *welches Buch* допускает извлечение из *wh*-острова, также как группа в процессе топикализации в примере 30:

(29) [?]welch-es Buch_i weißt du nicht,
какой-NEU.ACC книга.ACC знать.PRES.2SG ты NEG
[we-m du t_i geb-en soll-st]?
кто-DAT ты давать-INF быть.должным.PRES-2SG
Какие книги ты не знаешь, кому ты должен дать?

(30) [?]Radio-s_i kann ich mich nicht erinner-n,
радио-PL мочь.PRES.1SG я REFL.ACC NEG вспоминать-INF
[wie man t_i reparier-t]
как человек чинить.PRES-3SG
Радио, я не вспомню, как его чинят.

(адапт. из [15, примеры 24a–b])

Если это так, то возможно предположить, что возможность топикализации *wh* не уникальное свойство татарского языка, противоречащее известному набору фактов про другие языки, а феномен, на который не так давно обратили внимание исследователи.

Заключение

В этой статье мы, рассмотрев свойства позиции, занимаемой частью FQ-конструкции, QNP, пришли к заключению, что этой позицией является позиция топика, на основании этого было предложено уточнение к существующему [1; 14] анализу FQ-конструкций в татарском языке.

Библиографический список

1. Гращенков П.В. Синтаксис конструкций с плавающими кванторами // Тубаларские этюды. 2009. С. 151–168.
2. Коваль П.А. Синтаксис и семантика фокусного выделения (на материале татарского языка): Дипломная работа. Рукопись. МГУ. 2013.
3. Лютикова Е.А. Вариативное маркирование объекта и проблемы падежа: Дипломная работа. Рукопись. МГУ. 2013.
4. Aboh E.O. Topic and focus within D // Linguistics in the Netherlands. V. 21. 2004. P. 1–12.
5. Belletti A. «Inversion» as focalization // Inversion in Romance and the theory of Universal Grammar / Ed. by A. Hulk, J.Y. Pollock. NY, 2001. P. 60–90.
6. Belletti A. Aspects of the low IP area // The Structure of IP and CP. The Cartography of Syntactic Structures. Vol. 2 / Ed. by L. Rizzi. NY, 2004. P. 16–51.
7. Bobaljik J.D. Morphosyntax: the syntax of verbal inflection: Ph.D. Dissertation. MIT. Cambridge. MA. 1995.
8. Bošković Ž. Be careful where you float your quantifiers // Natural Language and Linguistic Theory. 2004. V. 22. № 4. P. 681–742.
9. Cardinaletti A., Giusti G. Partitive ne and the QP-Hypothesis. A Case Study. Ms., University of Venice. 1991.
10. Cirillo R. The Syntax of Floating Quantifiers: Stranding Revisited: Doctoral dissertation. Utrecht, 2009.
11. Doetjes J. Quantifiers and Selection: on the distribution of quantifying expressions in French, Dutch and English: Ph.D. Dissertation. University of Leiden. 1997.
12. Dowty D., Brody B. The semantics of «floated» quantifiers in a transformationless grammar // Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics 3 / Ed. by M. Cobler, S. MacKay, M. Westcoat. Stanford, 1984. P. 75–90.
13. Fitzpatrick J. Two types of floating quantifiers and their A/A-bar properties // Proceedings of the Northeast Linguistic Society 36. Amherst, 2006.
14. Grashchenkov P. Floating quantifiers in Tatar // Investigations into Formal Altaic Linguistics: Proceedings of WAFL 3 / Ed. by S. Tatevosov. Moscow, 2009. P. 193–205.
15. Grewendorf G. Wh-movement as topic movement // Functional Heads: The Cartography of Syntactic Structures. Vol. 7 / Ed. by L. Brugé, A. Cardinaletti, G. Giusti, C. Poletto. NY, 2012. P. 55–68.
16. Huang J.C.-T. Move WH in a language without WH movement // The Linguistic Review. 1982. V. 1. P. 369–416.
17. Jackendoff R. S. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, 1972.

18. Kang B.-M. Categories and meanings of Korean floating quantifiers – with some references to Japanese // *Journal of East Asian Linguistics*. 2002. V. 11. P. 375–398.
19. Kayne R. *French syntax*. Cambridge, 1975.
20. Ko H. *Syntactic edges and linearization*: Ph.D. Dissertation. MIT. 2005.
21. Lasnik H., Stowell T. Weakest crossover // *Linguistic Inquiry*. 1991. V. 22. № 4. P. 687–720.
22. Pesetsky D., Torrego E. Probes, goals and syntactic categories // *Proceedings of the Seventh Tokyo Conference on Psycholinguistics* / Ed. by Y. Otsu. Tokyo, 2006. P. 25–60.
23. Postal P. Remarks on weak crossover effects // *Linguistic Inquiry*. 1993. V. 24. № 3. P. 539–556.
24. Rizzi L. *Relativized Minimality*. Cambridge, 1990.
25. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of Grammar: Handbook in the Generative Syntax* / Ed. by L. Haegeman. Dordrecht, 1997. P. 281–337.
26. Sauerland U., Yatsushiro K. *Genitive quantifiers in Japanese as reverse partitives*, Ms. Berlin, 2005.
27. Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: A study of quantifier float in Hebrew // *Lingua*. V. 84. 1991. P. 159–180.
28. Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // *Linguistic Inquiry*. 1988. V. 19. P. 425–449.

А.Б. Летучий

Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах

В статье обсуждаются синтаксические свойства сентенциального актанта в русских конструкциях с предикативами, которые мало изучались в предшествующих работах. В качестве возможных критериев синтаксического статуса рассматриваются различные конструкции с прономинализацией сентенциального актанта, плавающий определитель *само по себе*, порядок слов, способ оформления экспериенцера дательным падежом vs. с помощью предлога *для*. Как выясняется, данные критерии (за некоторым исключением) не дают возможности ответить на вопрос о том, является ли сентенциальный актант подлежащим. На

результаты их применения оказывает сильное влияние семантика предикативов, затемняя действие чисто синтаксических факторов. Однако существенно, что инфинитивные зависимые при предикативах проявляют меньше подлежащих (и вообще актантных) свойств, чем зависимые с союзом *что*.

Ключевые слова: предикатив, подлежащее в русском языке, сентенциальный актант, прономинализация, плавающий определитель, порядок слов в русском языке, степени сравнения.

Конструкции с предикативами (или, в других терминах, словами категории состояния) типа *Тут неудобно спать* представляют важную проблему сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, интересна их семантика и соотношение с квазисинонимичными словами, например, глаголами (ср. *Мне грустно – я грущу; Мне холодно – я мерзну*). Во-вторых, крайне необычна их синтаксическая структура: они не имеют канонического подлежащего, но при этом регулярно управляют двумя дополнениями (заметим, что мы рассматриваем только структуры, которые «Русская грамматика» [6] называет безличными предикативами, а структуры с каноническим подлежащим типа *Я очень рад* в сферу анализа не включатся). В-третьих, морфологически они, как правило, совпадают с наречиями и краткими формами прилагательных, а значит, актуален вопрос о способах их различения.

Рассматриваемая конструкция может включать четыре стандартных компонента (естественно, может присутствовать только часть из них): 1) собственно предикатив; 2) вспомогательный или полувспомогательный глагол¹; 3) экспериенцер, выраженный дативом или группой с предложением *для*; 4) сентенциальный актант. Существенно, что она уже по определению не является ни канонической непереходной, ни канонической переходной: в частности, она не содержит именной группы (ИГ) ни в именительном падеже, ни, как правило, в винительном падеже.

(1) *И вот что было* (вспомогательный глагол) *для нас* (экспериенцер) *удивительно* (предикатив): *ни один человек не просил дать больше, не забегал вперед, не скандалил, все происходило при полном порядке и даже тишине* (сентенциальный актант). [Голяховский В. Русский доктор в Америке (1984–2001)].

(2) *Несмотря на то что законопроекты набрали большое количество голосов, многим депутатам* (экспериенцер) *осталось* (полувспомога-

¹ Мы употребляем термины «вспомогательный глагол» и «полувспомогательный глагол» для случаев, соответственно, *мне было холодно* и *там оказалось интересно*. Вполне возможно, что не менее подходящими были бы термины «связка» и «полусвязочный глагол» – здесь мы выбрали термины отчасти произвольно.

тельный глагол) *непонятно* (предикатив), *как будут выкручиваться они сами* (сентенциальный актант), *если речь пойдет о внешних займах и о внешнеторговом обороте страны*. [Новикова Л. Чиновникам закроют рот на слове «доллар» // РБК Daily, 2006.05.25].

Дативному аргументу при предикативах посвящено довольно много работ. Так, А.В. Циммерлинг [9; 10; 20] рассматривает подлежащие свойства этого зависимого. Основным выводом является то, что дативный аргумент (если он выражен) проявляет наибольший набор подлежащих свойств: «ИГ со значением дат. п. лица при любом наборе элементов предложения со словом КС занимает одну и ту же синтаксическую позицию – позицию слабого подлежащего» [10, с. 580].

С.С. Сай [7] анализирует степень обязательности и «актантности» дативного аргумента, сопоставляя варианты конструкций с дативным участником (*Мне холодно*) и без него (*Сегодня холодно; На Луне холодно*). Основной вывод, к которому приходит С.С. Сай, состоит в том, что для разных предикативов свойства дативного участника различны, как различно и соотношение между предикативом и прилагательным. Другие, также весьма важные соображения о синтаксических свойствах дативного актанта, высказаны А.А. Бонч-Осмоловской [2].

Гораздо в меньшей мере исследованы свойства сентенциального актанта. Некоторые лингвисты, например, А.В. Гвоздев [3] различают конструкции типа *Весело кататься* и типа *Кататься – весело*. Первая считается безличной (т.е. сентенциальный актант *кататься* занимает позицию дополнения), во второй *кататься* рассматривается как сентенциальное подлежащее. Впрочем, строгих доводов в пользу этого разделения не приводится.

При этом напрашивается вопрос о том, не является ли подлежащим сентенциальный актант. Почти всегда у конструкции с предикативом существует параллельная ей с прилагательным. Очень часто они квазисинонимичны. Грубо говоря, конструкция *Эта книга – интересная / Эта книга интересна* с прилагательным отличается от варианта с предикативом *Читать эту книгу интересно* только тем, что в первом случае говорящий считает интересным объект (книгу), а во втором – действие, ситуацию (чтение книги). Вполне естественно проверить, не проявляет ли сентенциальный актант *читать эту книгу* тех же подлежащих свойств, что и ИГ *эта книга*. В этом случае оказалось бы, что предикатив *интересно* и прилагательное *интересный* не только близки по значению и являются однокоренными, но еще и имеют одинаковую синтаксическую структуру.

Надо заметить, что структуры с сентенциальными и с именными актантами вообще часто бывают синонимичны и имеют сходные условия упот-

ребления как в русском языке, так и во многих других языках. Например, в предложениях *Он требовал от меня подчиниться* и *Он требовал от меня беспрекословного подчинения* глагол *требовать* выступает в одном значении, только в первом случае управляет сентенциальным актантом, а во втором – именным дополнением. Синтаксические свойства двух конструкций также близки, например, в обоих употреблениях *требовать* образует пассив *требоваться*: *От меня требовалось подчиниться / подчинение*.

Естественная проблема заключается в том, что сентенциальный актант не имеет категории падежа и не контролирует глагольного согласования¹ – а это одни из ключевых признаков подлежащего в русском языке.

Неканонические подлежащие

В русском языке есть признаки, характеризующие каноническое, «настоящее» подлежащее. Это, прежде всего, именительный падеж и контроль глагольного согласования. Естественно, с этими признаками коррелируют и другие: актант в именительном падеже – приоритетный контролер рефлексивов, наряду с другими приоритетными актантами, он контролирует плавающие квантификаторы типа *сам, весь, один* (их контроль допустим и для дополнений, но наиболее типична ситуация контроля со стороны актанта в именительном падеже [4]).

Несмотря на это, встречаются ситуации, когда ряд подлежащих операциональных свойств (например, контроль рефлексива) демонстрирует актант в другом падеже (либо лишенный категории падежа [20]). Например, дативный аргумент при предикативах способен в некоторых случаях быть антецедентом рефлексива:

(3) *Мне стало стыдно за свое вчерашнее поведение.*

См. также работы A.D. Andrews, J. Moore, D. Perlmutter, M. Schoorlemmer, H.Á. Sigurðsson [11; 16–18] и другие о подлежащих в падежах, отличных от именительного.

С сентенциальными актантами (СА) ситуация несколько сложнее, чем с именными. Бесспорные для многих языков тесты, такие как падеж и контроль глагольного согласования, для них по понятным причинам не годятся. Следовательно, их статус можно проверить только операциональными тестами. Неслучайно многие исследователи, например, В.А. Белошапкова [1] и др. не подразделяют сентенциальные актанты на подлежащие, дополнения и т.д.

¹ Во всяком случае, проверить, выбирается средний род в предложениях вида *От меня требовалось подчиниться* по умолчанию или по согласованию с сентенциальным актантом, невозможно.

Более того, к СА применим даже не весь набор доступных для русского языка операциональных тестов. Например, в работе А.В. Циммерлинга [10], о которой уже говорилось выше, показано, что многие свойства подлежащего имеют дативный аргумент при предикативе. Однако проверить на субъектность сентенциальный актант сложнее в том смысле, что не годятся два основных операциональных критерия – контроль деепричастия и рефлексива.

Как показано в одной из наших статей [5], для сентенциального актанта – вне зависимости от типа глагола и синтаксической позиции СА – нехарактерен контроль деепричастий. Например, предложение 4b явно неграмматично, тогда как 4a – нормально:

(4) а. *Поехать в Москву сначала показалось ему невозможным, но потом стало реальным.*

б. **Поехать в Москву, показавшись сначала невозможным, стало затем реальным.*

Причина запрета на вариант 4b именно в том, что позицию подлежащего при *стать* и контролера деепричастия занимает сентенциальный актант. Аналог (пример 5) с именным актантом не кажется нам плохим русским предложением:

(5) *Поездка в Москву, показавшись сначала невозможной, затем стала реальной.*

Примерно так же обстоит дело и с рефлексивами. Сентенциальные актанты практически не способны контролировать основные рефлексивные показатели – аргументный рефлексив *себя* и посессивный показатель *свой*.

Тем не менее, существуют критерии, позволяющие определить свойства сентенциального актанта. Их мы и рассмотрим ниже.

Необходимо сделать важную оговорку: неочевидно, уместно ли постулировать грамматических отношения (подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение и т.д.) для сентенциальных актантов. Мы считаем, что можно ввести *аналоги* таких грамматических отношений. Эти аналоги вводятся путем сопоставления поведения некоторого типа сентенциальных актантов по некоторому критерию с типом именной группы, которые по данному критерию ведут себя точно так же. Если некоторый подкласс сентенциальных актантов ведет себя по операциональному критерию, например, так же, как ИГ, занимающие оппозицию подлежащего, то мы автоматически считаем, что подмножество СА по данному критерию проявляет свойства подлежащего. Из этого не следует, что СА являются подлежащим в том же смысле, в каком им являются ИГ в именительном падеже (например, как говорилось выше, СА не маркированы

по падежу и не контролируют глагольное согласование). Более того, по другим операциональным тестам СА могут вести себя аналогично не подлежащему, а непрямому дополнению.

Однако если выяснится, что по всем доступным для сентенциальных актантов критериям некоторая группа СА ведет себя так же, как подлежащее (или как прямое дополнение и т.д.), есть основания полагать, что эта группа действительно содержательно близка к ИГ-подлежащим. Собственно, главная наша цель и состоит в том, чтобы выяснить, можно ли на материале нескольких синтаксических критериев приписать сентенциальному актанту при предикативе некоторую единую синтаксическую роль, или же дело обстоит сложнее.

Сочетаемость с модификатором *само по себе*

В качестве одного из тестов на субъектность сегодня обсуждается контроль рефлексивов ([12] и для русского языка – [4]). Как известно, в генеративной грамматике были введены два типа местоименных единиц: анафоры и прономинаты. Первые (к ним принадлежат и рефлексивы) должны быть связаны, т.е. иметь антецедент, внутри области связывания (как правило, это предложение или клауза с финитной формой глагола). Вторые (например, анафорические местоимения типа *он*), напротив, должны быть свободны в области связывания. Например, предложение *Вася рассказал о себе* правильно (анафор *себя* связан с существительным *Вася*); его аналог *Вася рассказал о нем* (если *о нем* относится к *Васе*) неграмматичен, поскольку местоимение *он* не должно быть связано в простом предложении.

Хотя рефлексивы в разных языках весьма сильно различаются по свойствам, типологически очень распространена ситуация, когда основным – и даже единственным – возможным контролером рефлексива является подлежащее. К этому типу языков принадлежит и русский. Во всяком случае, в условиях конкуренции между подлежащим и другим аргументом глагола за право быть антецедентом ее всегда выигрывает подлежащее. Ср. примеры:

(6) *Иванов расспросил меня о своей семье.*

Хотя очень естественна интерпретация, при которой Иванов расспросил меня о моей семье, она невозможна в силу грамматических причин (посессивный рефлексив *свой* должен контролироваться подлежащим). Единственное возможное понимание состоит в том, что Иванов давно не был дома и попросил меня рассказать именно о его собственной семье.

Для предикативов данный тест нуждается в корректировке: сентенциальные зависимые не бывают антецедентами канонических рефлексивов.

Однако сентенциальный антецедент допускает показатель *сам по себе* (в данном случае – в форме среднего рода *само по себе*) – плавающий определитель, содержащий рефлексивный показатель *себя*.

Вначале рассмотрим свойства *само по себе* в конструкциях с глаголом / прилагательным и именным (не сентенциальным) зависимым. Актант при прилагательных в конструкциях с нулевой связкой допускает *само по себе*:

(7) *Идея сама по себе проста.* [Бурнусузов Р. Тепло домашнего очага // Техника – молодежи, 1974]

(8) *Не огорчайтесь! Рассказ сам по себе интересен. Только конца нет.* [Брагин В. В стране дремучих трав (1962)]

Сочетаемость *сам по себе* с актантами глагола зависит от их грамматической позиции. Именные подлежащие сочетаются с *сам по себе*, независимо от того, является глагол переходным (9) или непереходным (10):

(9) *Закон сам по себе заставляет строителей отказаться от денег дольщиков и пользоваться банковскими кредитами в своем бизнесе.* [Тофанюк Е. Рынок недвижимости пытается себя поднять // РБК Daily, 2005.03.23]

(10) *Хотя скачок стоимости литра автомобильного топлива сам по себе является тревожным звоночком.* [Мальшев М. Будет ли в Хабаровске дефицит бензина? // Комсомольская правда, 2011.05.04]

Напротив, дополнения сочетаются с *сам по себе* хуже. В НКРЯ всего 33 примера на *саму по себе* (ср. 2637 примеров на *сама по себе*):

(11) ... *нужно не только уметь видеть вещь саму по себе, но и знать те правила, которые предписаны этой вещи в данной культуре.* [Веракса Н.Е., Булычева А.И. Развитие умственной одаренности в дошкольном возрасте // Вопросы психологии, 2003.12.23]

Теперь перейдем к сентенциальным актантам. В целом они сочетаются с *само по себе* хуже. Как показано в работах А.Б. Летучего [5] и М. Князева [16], СА отличают от именных актантов и некоторые другие свойства – в частности, более жесткие ограничения на номинализацию. Первое отличие заключается в том, что СА контролируют *само по себе* почти исключительно в позиции подлежащего – ср. неграмматичное:

(12) **Я само по себе не люблю, когда начинают грубить.*

Синонимичная конструкция с глаголом *нравиться*, где сентенциальный актант находится в позиции подлежащего, приемлема. Данные примеры кажутся грамматичными, хотя почти не встречаются в реальных текстах:

(13) *А мальчику само по себе нравится, что они к нему "ласты клеят".* [otvet.mail.ru/question/5984448]

Ср. также аналогичный пример с глаголом *раздражать*:

(14) *Меня просто само по себе раздражает, что надо как-то душевно поздравить, а получается всегда банально и неинтересно.* [pda.diary.ru/~vindex/p45080013.htm]

Однако и внутри класса подлежащих контроль ограничен. Надо сказать, что наибольшую способность к нему проявляют именно сентенциальные актанты при предикативах, что заставляет ставить их на самую высокую позицию в иерархии сентенциальных актантов. Например, предложения типа *(Мне) само по себе неприятно / странно, что он так себя ведет* выглядят лучше, чем *Меня само по себе раздражает / удивляет, что он так себя ведет*. И при переходных глаголах *раздражать, удивлять*, и при предикативах *неприятно, странно* сентенциальный актант явно не занимает позицию дополнения, значит, вполне вероятно, что оба СА являются подлежащими. Различие только в части речи – предикатив vs. глагол.

Однако этим деление не ограничивается. Даже внутри класса предикативов контроль *само по себе* в разной мере характерен для различных формальных типов зависимых. Так, обороты с *что, как* и т.д. без ограничений сочетаются с плавающим определителем конструкции, ср., например:

(15) *Но само по себе занятно, как партии, имеющей основания называться правящей, все это время удавалось обходиться без идеологической платформы* [Жеребенков Е. Не «Единой Россией»... // Итоги, 2003.02.04]

(16) *Уже само по себе странно, что люди, считающие себя либералами, оправдывают то, что не подлежит оправданию ни при каких обстоятельствах, – войну против мирного населения ...* [Храмчихин А. Комплекс полноценности // Отечественные записки, 2003]

Безусловно, примеры такого рода не являются частотными, однако наверняка грамматичны¹. Но их аналоги, где предикативы управляют инфинитивными оборотами, уже гораздо хуже, если не стопроцентно неграмматичны.

Интересно, что когда такие примеры все же встречаются (например, сочетание *само по себе + приятно + INF* находится в текстах), это почти всегда примеры одного рода: а именно, инфинитив в них стоит перед предикативом. Ср., например:

(17) *Просто спать, в смысле – дрыхнуть, само по себе приятно.* [otvety.google.ru/...]

¹ Следует также учесть, что разного рода синтаксические трансформации с добавлением показателей, анафорами и прономиналами и т.д. в целом менее частотны в конструкциях с сентенциальными актантами.

Впрочем, и примеры с постпозицией инфинитива также встречаются: (18) *Я бы сказал, что само по себе приятно видеть фамилии наших ребят и нашу страну на соревнованиях такого уровня.* [forum.dropzone.by/topic/48/lofi]

Однако иногда они выглядят сомнительно с точки зрения литературного языка.

Резюмируя, можно сказать, что тест на возможность *само по себе*, видимо, действительно является критерием синтаксического статуса. Мы использовали тот самый принцип аналогии, о котором говорили выше. Сентенциальные актанты с *что* при предикативах сочетаются с *само по себе* свободно, так же, как ИГ-подлежащие (и в отличие от ИГ-дополнений). В этом смысле СА с *что* близки к подлежащим. Напротив, инфинитивные обороты проходят тест на подлежащее, в основном, в случае, когда находятся перед предикативом. Это подтверждает анализ А.В. Гвоздева [3], который считал структуры типа *Кататься – весело* не безличными (подлежащее – *кататься*), а примеры вида *Здесь весело кататься* относил к безличным. Действительно, инфинитив, находящийся перед предикативом, в большей мере «похож» на подлежащее, чем постпозитивный инфинитив.

Впрочем, отметим, что приемлемость структур, где *само по себе* модифицирует придаточные с *что*, и сомнительность вариантов с инфинитивом, может быть обусловлена и другим фактором. Возможно, инфинитив (по крайней мере, расположенный после предикатива) обладает не меньшим набором подлежащих свойств, а меньшим набором актантных свойств в целом.

Отметим, что обсуждаемые в этой части русские данные находят параллели в английском языке. Сходный критерий (добавление к сентенциальным актантам местоимения *itself* в значении ‘сам по себе’) обсуждается в работе W. Davies и S. Dubinsky [21]. Авторы, в частности, отмечают, что и в английском языке *itself* может модифицировать только сентенциальные подлежащие, но не сентенциальные дополнения. Однако, как показано выше, в русском языке на приемлемость конструкций с *сам по себе* влияют и другие параметры, помимо синтаксической позиции сентенциального актанта.

Замена сентенциального актанта словом *это*

Возможной диагностикой субъектного (или вообще актантного) статуса является доступность прономинализации. Как именные, так и сентенциальные актанты в русском языке могут замещаться анафорическими местоимениями, однако способы прономинализации различны для ИГ и СА.

Чаще всего для отсылки к СА используется местоимение *это*, хотя другие варианты (*так, такое*) также весьма употребительны:

(19) *Ну, например, девушка задает вопрос: «Я обижена на своего молодого человека. Как я могу ему это сказать?»*. [Коваленко Е. Психотренинг не для психов // Пятое измерение, 2003]

(20) *Был бой насмерть, лейтенант Княжко, раненный, не ушел с поля боя, самолично подбил несколько вражеских танков и погиб у орудия. Так написать надо. Погиб как герой*. [Бондарев Ю. Берег (1975)]

(21) *«Кислинским надо давать по рукам, пока не поздно». Говорят, прочитав эти строки, Кислинская страшно оскорбилась и собралась подавать на Генри Резника в суд. Наверное, такое читать о себе не слишком приятно*. [Кучерена А. Бал беззакония (2000)]

Проверим, допускают ли сентенциальные актаны в рассматриваемой конструкции замену на *это*. Как оказывается, она допустима только для части предикативов. Например, предикативы *приятно, интересно, полезно* допускают замену сентенциального актанта на *это*:

(22) *Так что бросайте курить! Это полезно во всех отношениях. А вот по ресторанам – я против полностью запрещать курение в ресторанах*. [коллективный. Всемирный день борьбы с курением (2011)] (= ‘*полезно бросать курить*’)

(23) *«Ты выйди и скажи: вот сегодня собрались здесь любители музыки, это приятно, вы любите музыку, вы интересуетесь музыкальной техникой, а вот знаете, какие сейчас проигрыватели считаются лучшими?»* [Кио И.Э. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)] (= ‘*приятно, что собрались любители музыки*’)

(24) *Объясняю, что такое хлеб, соль, почему все свадебные пироги круглые. Ребятам это интересно. Есть ведь такие этнографические моменты, которые не придумать...* [Роща из... теста // Народное творчество, 2003] (= ‘*интересно, что такое хлеб, соль ...*’)

Напротив, предикативы *холодно, тепло, тесно* подобной замены не допускают: сочетания *это тесно / холодно / тепло* в НКРЯ (в рассматриваемом понимании) не встречаются. Сочетания типа *15 градусов – это холодно*, найденные в интернете, могут содержать не предикатив, а прилагательное (если *холодно* относится к сочетанию *15 градусов*).

Казалось бы, сама по себе возможность *это* не доказывает, что сентенциальный актант – подлежащее. Можно предположить, что *интересно* в примере 24 – безличный предикатив без подлежащего, и *это* также занимает не позицию подлежащего, а позицию дополнения. Однако этот анализ выглядит сомнительно. В отличие от сентенциального актанта, *это* (во всяком случае, по морфологическим свойствам и набору граммати-

ческих категорий) близко к ИГ (например, *это* изменяется по падежам). Именные группы в конструкции с нулевой связкой могут стоять только в именительном падеже, как в примере 25а. Примеры 25b с творительным падежом и 25c с винительным падежом неграмматичны:

- (25) а. *Сергей умный.*
 б. **Сергеем умный.*
 с. **Сергея умный.*

Впрочем, неясно, с чем в точности следует связать невозможность *это* с предикативами типа *холодно, тепло, тесно* – с тем, что сентенциальный актант при них не занимает актантной позиции вообще или с тем, что он не является подлежащим.

Отметим, что те же предикативы не сочетаются с полувспомогательными глаголами:

- (26) *Стоять* ??*там считалось / казалось тепло / тесно.*

Тем самым, мы получаем класс предикативов (в частности, предикативы температуры и физических ощущений), при которых сентенциальный актант, скорее всего, не является подлежащим. При данных единицах поведение СА сильно отличается от поведения подлежащих ИГ в аналогичных конструкциях.

Конструкция с плеонастичным *это*

А.В. Циммерлинг [10; 21], рассматривая вопрос о свойствах дативного аргумента конструкции с предикативами, предлагает считать диагностической конструкцией с плеонастическим употреблением местоимения *это*. Как замечает автор, *это* часто используется плеонастично, дублируя сентенциальный актант¹:

- (27) *Это хорошо, что ты догадался мне позвонить.*

А.В. Циммерлинг утверждает, что предложения типа 28 при добавлении дативного косвенного объекта становятся явно хуже, ср. пример 29:

- (28) *Это приятно, что все меня поздравили.*

- (29) *Мне это приятно, что все меня поздравили.*

Различие в оценке примеров 28 и 29, как утверждается, позволяет считать субъектом конструкции с предикативами дативный аргумент. Логика здесь следующая: плеонастичное *это* по общему правилу дублирует подлежащее. Неполная грамматичность примеров типа 29 связана с тем, что в них наибольший набор подлежащих свойств имеет не сентенци-

¹ Здесь мы не обсуждаем в полном объеме синтаксические свойства *это* – в частности, точное синтаксическое отношение русских примеров и их английских аналогов с эксплезивным *it*.

альный актант, а дативная ИГ. Следовательно, правило «*это* дублирует подлежащее» нарушается.

В действительности объяснение А.В. Циммерлинга имеет три недостатка. Во-первых, корпусные данные не вполне подтверждают, что плеонастичное *это* явно неприемлемо при наличии дативной ИГ. Ср. следующие примеры:

(30) *В Японии я пользуюсь очень большой популярностью. Мне это приятно, что хоть японские дети... Между прочим, если вы посмотрите японские рейтинги, на первом месте стабильно Чебурашка.* [Я был когда-то странным... – беседа с национальным героем // Пятое измерение, 2002]

(31) *Признаюсь, мне это приятно, что меня издают, да еще деньги за это платят, которые нам теперь совсем не лишние.* [Соловьев-Андреевич Е.А. Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность (1893)].

(32) *...то всем понятно, что они и пиво пьют, и курят в туалете.* [Лабунский И. Как я работал вожатым в красноярском детском лагере: «Секс, наркотики и... индусы» // Комсомольская правда, 2009.08.11]

Безусловно, таких конструкций гораздо меньше, чем аналогичных им без датива. Однако нельзя сказать, что примеры 30–32 однозначно неприемлемы.

При этом приемлемость конструкций типа 30–32 сильно зависит от конкретных свойств ИГ в дативе. Например, сочетание *это всем ясно, что* регулярно встречается в поисковых системах, тогда как *мне это ясно, что* практически не встречается. Примеры явно становятся лучше, если позицию дативного аргумента занимает ИГ с обобщенной референцией (*все, каждый*), а линейно она расположена между *это* и предикативом.

Впрочем, нужно сказать, что полное сопоставление примеров с плеонастичным *это* (28) vs. с плеонастичным *это* и выраженным экспериенцером (29–32) требует дальнейших исследований. В частности, необходимо выяснить, как оценивают такие предложения носители – считают ли они структуру с *это* и экспериенцером, выраженным ИГ в дательном падеже, нейтральной, разговорной или даже просторечной.

Второй недостаток объяснения связан с линейной позицией компонентов конструкции. Вполне возможно, что *это* как единица, вводящая сентенциальный актант до того, как он сам появляется в предложении, тяготеет к позиции в абсолютном начале. Одновременно предпочтительна и позиция непосредственно перед предикативом: поскольку *это* не маркирует отдельного актанта, оно «слипается» с предикативом в слитную единицу, которая в предельном случае действительно употребляется очень часто (ср. *Это хорошо, что он приехал*). В этом случае преимущество

конструкций без датива над конструкциями с дативом в приемлемости и частотности связана с нестандартным линейным положением *это*, а не с синтаксическим статусом актантов.

Наконец, третий недостаток объяснения заключается в том, что при некоторых предикативах сама комбинация слова *это* и дативной группы (например, личного местоимения) выглядит сомнительно. Например, предикатив *ясно* допускает варианты *Мне очевидно, что* или *Это очевидно*, но несколько хуже (хотя, безусловно, возможным) кажется нам предложение *Это мне очевидно*. О конкуренции за субъектный статус между дативным аргументом и сентенциальным актантом речи здесь явно не идет, т.к. сентенциальный актант не выражен. Следовательно, возмущающим фактором для сочетаемости датива, *это* и сентенциального актанта являются ограничения на более простое сочетание «*это* + датив».

Следовательно, конструкции с плеонастичным *это* – сомнительная диагностика синтаксической структуры для конструкции с предикативом. Слишком много дополнительных факторов влияет на сочетаемость компонентов сложной конструкции с *это*.

Конструкции с полувспомогательными глаголами

Несомненно, существенны для синтаксического анализа конструкций с предикативами сочетания с полувспомогательными глаголами типа *стать, казаться, оказаться, считать(ся)*.¹ Мы будем рассматривать их не изолированно, а в сопоставлении с конструкциями, содержащими прилагательные: *Иванов считался лучшим мастером на заводе; С крыши все кажется меньше; Ресторан оказался грязной забегаловкой*.

Если соотносить конструкцию *Иванов считался лучшим маркером на заводе* с более простой *Иванов – лучший мастер на заводе* как исходной, то преобразование при добавлении глагола *считаться* нужно описать так: исходное подлежащее (*Иванов*) сохраняет свой статус или (при переходных глаголах типа *считать*) становится прямым дополнением (*Все считали Иванова лучшим мастером на заводе*). Именная часть сказуемого (*лучший мастер на заводе*) маркируется творительным падежом².

¹ Как убедительно показывает А.В. Циммерлинг [8, с. 617–622], способность предикативов сочетаться не только с глаголом *быть*, но и с полувспомогательными глаголами – это свойство, характерное для них в разных языках, в частности, в языке скандинавских саг.

² Гораздо реже встречаются примеры, в которых именной частью сказуемого при полувспомогательном глаголе является краткое прилагательное. Чаще всего они сомнительны с точки зрения сегодняшней нормы: *Он казался пьян, потому что насилу держался на ногах и просил несколько минут отдохновения, не будучи в состоянии продолжать путь*. [Колзаков К.П. Рассказы адмирала Павла Андреевича Колзакова (1779–1864) (1873) // Русская старина, 1870]

Рассмотрим, прежде всего, предложения, где сентенциального актанта нет вообще. На их сочетаемость с полувспомогательными глаголами накладываются существенные ограничения, однако разные глаголы ведут себя по-разному.

Глагол *оказаться* сочетается с любыми конструкциями, в том числе и с теми, где у предикатива нет никакого (во всяком случае, выраженного) зависимого, кроме локативного аргумента:

(33) *Однако в расположении роты оказалось тихо.* [Павлов О. Казенная сказка (1993)]

Несколько более сомнительными выглядят (и не обнаруживаются в корпусе) примеры с *оказаться*, где нет даже локативного зависимого.

Глагол *казаться* предпочитает контексты, где при предикативе есть сентенциальный актант. Однако и из этого правила существуют исключения:

(34) *Было холодно, пар шел изо рта, а казалось тепло.* [Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)]

Нужно, впрочем, сказать, что часть этих примеров на сегодняшний день явно выглядят неграмматичными или не полностью грамматичными:

(35) *Отъезжавшему казалось тепло, жарко от шубы.* [Толстой Л.Н. Казаки (1863)]

Сочетание *отъезжавшему казалось тепло от шубы* явно не безупречно с точки зрения современного языка (в отличие от *отъезжавшему было тепло от шубы*).

Глагол *считать* сочетается только с конструкциями, где есть сентенциальный актант. Почти также ведет себя его возвратный дериват *считаться*, правда, есть немногочисленные примеры без сентенциального актанта:

(36) *Никогда не загорает у воды, там считается холодно.* [jul-sem.livejournal.com/7277.html]

Весьма соблазнительно было бы считать конструкцию с предикативом параллельной конструкцией с прилагательным. Тогда сентенциальный актант должен считаться подлежащим исходной конструкции, поскольку допускает преобразование, аналогичное подлежащему *Иванов* в предложении *Иванов считался лучшим мастером на заводе*.

Однако аналогия с конструкцией с прилагательным на самом деле неполная. Первое различие состоит в том, что конструкция с предикативами возможна и без сентенциального актанта (ср. примеры выше с *казаться* и *оказаться*). Аналогичных примеров с прилагательными нет просто потому, что во всех подобных конструкциях можно говорить об эллипсисе существительного (*Видел его, оказался старым* = 'Он оказался старым'). Ниже обсуждаются другие различия между конструкцией с

полувспомогательными глаголами и прилагательными и ее аналогом с предикативами.

Порядок слов

Прежде всего, конструкцию с предикативами от адъективной отличает жесткость порядка слов. В конструкции с прилагательными любой из трех компонентов: *считать* (или другой полувспомогательный глагол), прилагательного и ИГ может располагаться перед другими, отрываться от них и т.д. Примеры ниже иллюстрируют только часть возможных вариантов:

(37) *Святым его считали местные сваны, а им лучше знать, да и спорить с ними по этому поводу было бы не слишком осторожно.* [Искандер Ф. Святое озеро (1969)] (прилагательное + ИГ + *считать*).

(38) *«Тут дело не чисто, кто же это “пупки Коцеевы” мерой считает – “пупки” в коробках на фунты продаются!»* [Ремизов А.М. Зайка (1905)]

Напротив, в конструкции с предикативами фиксируются сразу два запрета, не нарушаемые и корпусным материалом.

1. Запрещено расположение СА + прилагательное или прилагательное + СА перед глаголом *считать*:

(39) **Возможным приехать он не счел.*

(40) **Участвовать в заседании важным он не считает.*

2. Запрещено расположение после глагола *считать* сначала СА, а затем прилагательного:

(41) **Он считает приехать возможным.*

(42) **Он считает участвовать в заседании важным.*

Второе ограничение можно объяснить тем, что сентенциальный актант – это «тяжелая» составляющая: по структуре она равна предложению (если СА финитный, например, с союзом *что*) или отличается от него отсутствием собственного подлежащего. Прототипически СА длиннее именных составляющих. Согласно исследованиям Дж.А. Хокинза [14; 15], в языках, где дополнение следует за глаголом, раньше располагаются «легкие», а затем – «тяжелые» составляющие.

Однако аналогичным образом нельзя объяснить первое ограничение (примеры 39 и 40). Оно может быть связано только с одним: отрывать предикатив / прилагательное от полувспомогательного глагола *считать* крайне нежелательно. Напрашивается гипотеза, что полувспомогательный глагол формирует вместе с предикативом некоторую слитную единицу – в большей мере слитную, чем в конструкциях с прилагательным и именным актантом. Это делает еще более сомнительным сопоставление

между конструкциями с полувспомогательными глаголами в сочетании с прилагательными vs. с предикативами.

Степени сравнения

В конструкциях с полувспомогательными глаголами затруднено употребление предикативов в сравнительной и превосходной степенях сравнения (ср. об этом также в другой нашей работе [5]). Этого ограничения нет в конструкциях с прилагательными – примеры 43 и 44 нормальны:

(43) *Выбор людей он считал важнее внешних преобразований...* [Флоровский Г. Пути русского богословия (1936)]

(44) *Тех, что погибли, считаю храбрее.* [Аксенов В. Таинственная страсть (2007)].

Немногочисленные примеры на сравнительную степень предикатива имеются, но это скорее исключение:

(45) *Михаил Горбачев знал о готовящемся путче, но считал важнее предотвратить кровопролитие.* [www.firstnews.ru/news/Mikhail-Gorbachev-...]

Причины этого запрета неочевидны. Так, одной из них может быть нестандартный порядок слов в конструкции с предикативами. В стандартной конструкции с глаголом *считать* и сравнительной степенью объект сравнения может располагаться непосредственно после *считать*, а стандарт сравнения – после формы сравнительной степени:

(46) *Он считал Толстого талантливее, чем Достоевский / Достоевского.*

Для конструкции с предикативами такое линейное положение компонентов невозможно:

(47) **Он считал предотвратить кровопролитие важнее, чем удержать власть.*

Пример 47 и подобные неприемлемы в силу общего запрета на расположение сентенциального актанта до предикатива в конструкции с *считать*. Однако в любом случае, тот факт, что сравнительная и превосходная степени в конструкции с предикативами и полувспомогательными глаголами малоупотребительны, отличает эту конструкцию от ее аналога с прилагательными. Гипотеза о том, что конструкция с предикативом предполагает бóльшую слитность предикатива / прилагательного с сентенциальным актантом и глагола, чем в конструкции с прилагательным и именным актантом, снова подтверждается: вероятно, именно из-за этой слитности варьирование частей конструкции (в частности, предикатива) ограничено, и сравнительная степень образуется

плохо. Предикатив как бы застывает в одной форме – в положительной степени.

Выбор полной / краткой формы

Одной из отличительных черт конструкции с полувспомогательными глаголами является то, что в ней чаще, чем в конструкции с предикатом *быть*, используется полная форма прилагательного. Часто оказывается, что краткая форма при полувспомогательных глаголах просто неграмматична. Так, примеры типа *Он казался пьян* не соответствуют современной норме и должны быть заменены на *Он казался пьяным*, хотя в конструкции с нулевой связкой и глаголом *быть* абсолютно нормальны оба варианта: *Он пьян / пьяный, Он был пьян / пьяный*.

С предикативами наблюдается примерно та же тенденция: при добавлении полувспомогательного глагола полная форма часто становится предпочтительнее краткой. Например, *Приятно съездить искупаться на море* абсолютно нормально, тогда как с глаголом *оказаться* уже неясно, какой вариант (*Съездить искупаться на море казалось приятно / приятным*) лучше, во всяком случае, ни один из них явно не уступает другому.

Однако анализ корпусных данных показывает, что частотность употребления полных форм в конструкции с полувспомогательными глаголами и предикативами существенно меньше, чем в аналогичной конструкции с прилагательными (подробнее см. [5]).

Оформление экспериенцера

Еще одним тестом на статус сентенциального актанта является оформление экспериенцера (впрочем, вряд ли можно считать это стопроцентно строгим критерием). Безусловно, основной вариант конструкции – тот, где экспериенцер стоит в дательном падеже. Однако и варианты с *для* также встречаются.¹

С.С. Сай [7] убедительно доказывает, что вероятность дативного маркирования данного участника выше у предикативов, чем у кратких прилагательных, а у кратких – чем у полных. Ср. прилагательное *грустный*, не имеющее валентности на датив ни в полных, ни в кратких формах (пример 48).

¹ По справедливому замечанию А.В. Циммерлинга, дополнительной проблемой при анализе конструкций типа *для X-а* является семантическая роль аргумента, вводимого *для*. Вполне возможно, что в примерах типа *Для меня это очевидно* предложная группа *для меня* имеет не совсем ту же семантическую роль, что *мне* в предложениях вида *Мне это приятно*. Однако это не отменяет того факта, что синтаксическое распределение конструкций с *для* + GEN дает информацию о синтаксическом статусе сентенциального актанта.

(47) *Одно было грустно – нет Яшина, а читала она его глазами.* [Крупин В. Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник, 2004.04.15]. Ср.:

(48) *???Одно / это / всё было мне грустно.*

Согласно С.С. Сай [7], во многих случаях отсутствующую у прилагательного валентность на дативный аргумент «заменяет» валентность на предложную группу с *для*:

(49) *День рождения всегда приятен для именинника, а юбилейный – вдвойне.* [Соколов А. Всегда в строю (2002) // Воздушно-космическая оборона, 2002.07.15]

(50) *???Для именинника приятно, что приближается день рождения.*

Тем самым, поведение предложной группы с *для* противоположно поведению дативной именной группы. Группы с *для* чаще всего встречаются у полных прилагательных, реже всего – у предикативов.

Интересно, однако, что встречаемость этих групп различна для разных типов оформления сентенциального актанта (таблица 1).

Таблица 1

Количество примеров в НКРЯ с экспириенцером-говорящим, выраженным дательным падежом *мне* и группой *для меня*, при предикативах

	дательный	<i>для</i> + родительный
СА с <i>что</i>	839	94
СА с инфинитивом	5809	30

Ожидаемый итог состоит в том, что оформление предлогом *для* в целом встречается гораздо реже, чем дативное. Менее предсказуем тот факт, что *для* употребляется чаще с сентенциальными актантами с *что*, тогда как датив «предпочитает» инфинитивные зависимые.

Правда, специфика корпусных данных в том, что в конструкции *для меня* + предикатив + *что* встречаются почти исключительно три предикатива: *ясно*, *очевидно* и *несомненно*. Однако в любом случае видно, что *для* встречается с предикативами, в основном, в том случае, когда они имеют зависимое с *что*.

В этой связи напрашивается следующая интерпретация: ясно, что конструкция типа *для меня приятны поздравления* содержит подлежащее (*поздравления*). Если конструкция с *что* более склонна сочетаться с *для* + GEN, чем инфинитивное зависимое, значит, *что* имеет больше подлежащих свойств, чем инфинитивное зависимое.

Понятно, что это свойство может быть напрямую не связано с субъектностью. Однако к предположению, что связь все-таки есть, склоняет тот факт, что *для* никогда не встречается с предикативами, у которых вообще нет синтенициального зависимого. Например, пример *Для меня понятно, что он в этом не участвовал* возможен (пусть и находится на периферии нормы):

(52) *Для меня понятно, что Александра Павловна не имела к этому никакого отношения.* [Яковлев А. Омут памяти. Т. 1 (2001)]

Напротив, при эллипсисе подобные примеры явно становятся хуже:

(53) *Всё, мне уже понятно / *для меня уже понятно.*

Существующие примеры с предикативами типа *тепло, жарко, сухо* и др. имеют другую интерпретацию. Группа *для меня* в них обозначает не собственно экспериенцера, а скорее точку отсчета:

(54) *Сегодня вылетаем из Нью в Москву, для меня тут холодно.* [forum.awd.ru. Вопросы о США]

Для меня тут холодно означает не то же, что *мне тут холодно*. Скорее, предложение 54 означает 'по моим стандартам, с моей точки зрения здесь холодно'. В таких контекстах способны употребляться и неодушевленные существительные (ср. *Для пикника здесь слишком сыро*).

Заключение

Итак, выше мы проанализировали критерии, которые могут помочь в определении синтаксической позиции, занимаемой синтенициальными актантами при предикативах. В качестве диагностических были выбраны конструкции с местоимением *это* (замещающим синтенициальный актанта или дублирующим его); конструкции с полувспомогательными глаголами типа *считать(ся), казаться, оказаться* и др.; способ оформления экспериенцера (дательный падеж vs. группа с предлогом *для*); выделительная конструкция с показателем *само по себе*.

Как выяснилось, ни одна из этих диагностик не выявляет синтаксического статуса в чистом виде, однако часть из них более показательна, чем другие.

Так, конструкция с *само по себе*, видимо, действительно показывает статус синтенициального актанта. Как видно по конструкциям с глаголами, синтенициальные подлежащие (но не дополнения) способны служить антецедентами *само по себе*. Однако применительно к предикативам конструкция дает неожиданный результат: получившееся распределение учитывает не только разницу между предикативами (например, *интересно* vs. *холодно*) но и, даже в большей мере, разницу между типами синтенициальных актанта. Подлежащие свойства проявляют финит-

ные зависимые с союзами *что, когда* и не проявляют инфинитивные обороты.

Аналогичные результаты дает и другая диагностика – способ оформления экспериенцера. Оформление с помощью *для* доступно для финитных актантов в большей мере, чем для инфинитивных оборотов, хотя, безусловно, существуют предикативы, не способные присоединять Экспериенцера с помощью *для* (например, *холодно*). Впрочем, неясно, чем это их свойство вызвано – тем, что они сочетаются исключительно с инфинитивом, или их валентной структурой.

Две данные диагностики выявляют важную проблему, связанную с синтаксисом сентенциальных актантов. Как правило, при описании именных актантов и их свойств можно без риска ошибиться рассуждать о свойствах *данного предиката*, практически не учитывая конкретных свойств его актантов (например, референциальных, семантических, морфологических и др.). Иначе говоря, глагол *съесть* проявляет свойства переходного независимо от того, какое у него дополнение: *всё, эту кашу* или *много ягод*. Напротив, синтаксические свойства сентенциальных актантов очень в большой мере зависимы от их формального типа: внутреннее устройство тесно связано с поведением во внешнем окружении.

Следовательно, в некотором смысле правы те исследователи, которые утверждают, что грамматическую позицию для сентенциального актанта выявить невозможно. Конечно, не следует жестко утверждать, что различие подлежащего, прямого и непрямого дополнений вообще не релевантно для СА (ясно, например, что актанты с *то, что* чаще встречаются в позиции подлежащего, чем в позиции прямого дополнения). Однако грамматическая позиция в привычном, классическом смысле в большинстве случаев может быть задана для глагола. Напротив, в случае сентенциальных актантов грамматическая позиция должна была бы задаваться для каждого типа СА отдельно. В этом смысле огромное количество глаголов (больше, чем при анализе именных актантов) должны считаться предикатами с вариативностью модели управления (например, безличными vs. личными).

Возможным решением может быть следующее. Видимо, следует считать, что глагол или предикатив с сентенциальным актантом по умолчанию нормального актанта не имеет (например, в предложении *Меня раздражает, что в этом магазине хамят* оборот с *что* не является каноническим подлежащим). Однако есть средства (например, обороты с *то, что*) повысить статус актанта до нормального именованного.

Вернемся к диагностикам грамматической позиции. Одна из них, а именно – способность сочетаться с полувспомогательными глаголами,

видимо, непригодна для сопоставления сентенциальных актантов с именными, а значит, и для определения грамматического статуса СА. Это связано с тем, что по многим параметрам конструкция с полувспомогательными глаголами и сентенциальными актантами отличается от аналогичной с именными актантами – и их различия не сводятся к разнице в грамматической позиции компонентов конструкции.

В частности, свойства конструкции «полувспомогательный глагол + предикатив + СА» показывают, что предикативы образуют с полувспомогательными глаголами более прочное единство, чем аналогичные прилагательные: ограничено употребление сравнительной степени предикатива, запрещены некоторые порядки слов. Тем самым, различия между конструкцией *Я считаю этот вопрос важным* и *Я считаю важным, что он пришел* не сводятся к разнице между сентенциальным и именным актантом, хотя, возможно, вытекают из нее.

По всей вероятности, невозможность переставления сентенциального актанта связана не с его подлежащими свойствами. Скорее дело в том, что СА по некоторым критериям – вообще не актант или не каноническое зависимое глагола. Предложения типа *Важным приехать счел только Петя* существенно хуже, чем *Хорошим хоккеистом Васю считал только тренер* потому, что сентенциальный актант *приехать* не является в той же мере полноценным актантом глагола *счесть*, в какой им являются ИГ типа *Вася*.

Наконец, результаты проверки свойств конструкций с *это* и плеонастичным *это* показывают, что и их возможность или невозможность не всегда точно отражает синтаксический статус сентенциального актанта. Они отделяют от общего класса предикативов класс физических ощущений типа *холодно, тесно* (и, возможно, некоторые другие: исчисление предикативов в каждой из групп в задачи настоящей работы не входило). Однако внутри общего класса строгих ограничений не наблюдается. Во всяком случае, важно, что сентенциальный актант предикативов типа *холодно* не проходит и еще один (хотя и весьма сомнительный) тест на подлежащее: не сочетается со вспомогательными глаголами.

В таблице 2 подведены итоги использованных нами синтаксических критериев (кроме критерия маркирования экспериенцера, где распределение не слишком удобно для отражения в таблице).

Таблица отражает, прежде всего, два основных итога работы.

1. Поведение предикативов по результатам разных синтаксических тестов довольно сильно различается. Поскольку рассматриваемая конструкция не имеет канонического подлежащего, свойства ее актантов сильно варьируют в зависимости от окружения.

2. Сильное влияние на синтаксическое поведение СА оказывает тип предикатива (распределение между группой физических ощущений и остальными предикативами) и тип сентенциального актанта.

Таблица 2

Тест	возможен	невозможен	ограничен
<i>это</i>	разные группы	предикативы типа <i>холодно</i>	
плеонастичное <i>это</i>	разные группы	предикативы типа <i>холодно</i>	выраженный датив; инфинитивные СА
полувспомогатель- ные глаголы	разные группы		предикативы типа <i>холодно</i>
номинализации	немногочисленные: <i>возможно, необходимо</i>	многие: <i>важно, интересно, неприятно, тесно</i>	
<i>само по себе</i>	СА с <i>что</i> (при глаголах – только в позиции подлежащего)	инфинитивные СА	не выражается

Библиографический список

1. Белошাপкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
2. Бонч-Осмоловская А.А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973.
4. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
5. Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 57–87.
6. Русская грамматика / Отв. ред. Шведова Н.Ю. М., 1980.
7. Сай С.С. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: при-словная зависимость или компонент конструкции? // Конференция, посвященной 50-летию Санкт-Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011.
8. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.

9. Циммерлинг А.В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 54–59.
10. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме. Сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко / Отв. ред. М. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.
11. Andrews A.D. Non-canonical A/S marking in Icelandic // Non-canonical marking of subjects and objects / Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. (eds). Amsterdam, 2001. P. 87–111.
12. Chomsky N. Lectures on government and binding. The Pisa lectures. Dordrecht, 1981.
13. Davies W.D., Dubinsky S. On the Existence (and Distribution) of Sentential Subjects // Hypothesis A/Hypothesis B. Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter / Gerds D.B., J.C. Moore & M. Polinsky (eds.). Cambridge, MA, 2009. P. 111–128.
14. Hawkins J.A. A parsing theory of word order universals // Linguistic inquiry. 1990. № 21 (2).
15. Hawkins J.A. A performance theory of order and constituency. Cambridge, 1994.
16. Knjazev M. Structural licensing of sentential complements: evidence from Russian noun-complement construction. In production. 2014.
17. Moore J., Perlmutter D. What Does it Take to Be a Dative Subject? // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. № 18.
18. Schoorlemmer M. Dative Subjects in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics. 1994. Vol. 1.
19. Sigurðsson H.Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // Natural Language and Linguistic Theory. 2002. № 20.
20. Testelety Y.G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian // Язык и речевая деятельность. 2006. Т. 9.
21. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive pronouns // Studies in Formal Slavic Phonology, Syntax, Semantics and Information Structure / G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertová, P. Biskup (eds.). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2009. P. 253–265.

Г.А. Мороз

Структура составных числительных языков Кавказа в типологической перспективе: сложение¹

Данная работа посвящена ареальному и типологическому исследованию систем числительных языков Кавказа. Работа основана на структурном анализе (а не на фонетическом или этимологическом сравнении) систем числительных языков трех автохтонных языковых семей Кавказа (абхазо-адыгской, нахско-дагестанской и картвельской), а также неавтохтонных языков данного ареала (азербайджанского, армянского, карачаево-балкарского, кумыкского, ногайского, осетинского, русского, талышского и татского). Особое внимание было уделено системам показателей сложения. В ходе ареального исследования было обнаружено 4 типа таких систем, а аналогичный анализ выборки языков мира показал 5 типов систем показателей сложения. Результатом исследования является два распределения разных типов систем показателей сложения и некоторое возможное объяснение разницы полученных распределений.

Ключевые слова: числительные, показатели сложения, картвельские языки, нахско-дагестанские языки, абхазо-адыгские языки.

Под составными (или сложными) числительными в грамматиках обычно понимаются числительные, состоящие из нескольких корней. Такие числительные часто содержат в себе морфемы, обозначающие результат какой-то операции над элементами числительного, например, числительное *сто пять* обозначает результат сложения значения корня *сто* со значением корня *пять*, а числительное *пятнадцать* обозначает результат сложения значения числительного *пять* со значением числительного *десять*. Данная статья посвящена сложению в составных числительных, операции, которая обязательно присутствует во всех достаточно развитых системах числительных. В разделе 1 перечисляются некоторые особенности составных числительных. В разделе 2 представлены результаты ареального исследования показателей сложения языков, используемых на Кавказе. В разделе 3 обсуждаются результаты типологического исследо-

¹ Работа написана при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований, гранты № А-23 и № А-46. Автор выражает глубокую признательность П.М. Аркадьеву, О.В. Беляеву, Ю.А. Ландеру и Ю.Б. Корякову за предоставленные материалы, а также Н.Р. Сумбатовой за помощь, замечания и критику. Никто из перечисленных не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

вания показателей сложения в языках мира. В разделе 4 приведена классификация всех выведенных типов систем показателей сложения, а также показано, как соотносятся материалы кавказских языков с этой классификацией. В разделе 5 приведены некоторые теоретическое осмысление сложных числительных.

1. Введение

Отношения, возникающие между частями составных числительных, часто описывают как отношения синтаксические [14; 18; 21]. И действительно, во многих языках мира составные числительные характеризуются некоторым уникальным набором морфосинтаксических особенностей. Насколько известно, не было обнаружено языка, в котором бы числительные не составляли одной синтаксической группы:

- (1) **Именно сто ему принесли пять книг.* (А не двести).
 (2а) **Сколько ему принесли сто книг?*
 (2b) ... *Пятьдесят... сколько я говорил?* (из устного подкорпуса НКРЯ)
 (3b) – *Сто сколько ему принесли книг?*
 *– *Шесть.* (Ожидаемое значение «сто шесть»)
 (3с) – *Сто сколько ему принесли книг?*
 – *Сто шесть.*
 (4а) *У меня [красные [книжка и [новая майка]]]* (новая майка тоже красная).
 (4b) *У меня [[красная книжка] и майка]* (майка может не быть красной).
 (4с) **У меня есть [сто [стульев и [пять вилок]]]* (вилок не сто пять).

Редко встречаются языки с систематически¹ свободным порядком элементов группы числительного (одно исключение – язык ком (южные бантоидные, бенуэ-конголезские), в котором десятки и единицы могут стоять в разном порядке [24, с. 27–28]). В русском языке прилагательные допускают несколько порядков, а элементы числительного – лишь один:

- (5а) **Я прочитала шесть сто книг, а не семь.*
 (5b) *Я прочитала зеленую большую книгу, а не синюю.*
 (5с) *Я прочитала большую зеленую книгу, а не маленькую.*

Несмотря на все свои особенности, внутренняя структура составных числительных редко попадает в поле зрения теоретиков грамматики [12;

¹ Редкий пример свободного порядка в одном числительном [8, с. 134]:

ЛАОССКИЙ (южнотайские, тай-кадайские)

(i) nùŋg1	lòj4	(ii) lòj4	nùŋg1	(iii) lòj4	qê1	(iv)*	qê1	lòj4
1	100	100	1	100	1	1	1	100
‘100’		‘100’		‘101’			‘101’	

14; 16–18; 22; 27], поэтому сложные числительные обычно остаются где-то на периферии синтаксиса, морфологии и лексикона¹. Очень много сделано психолингвистических исследований числительных и счета [25]. В данной работе я постараюсь на примере составных количественных числительных языков Кавказа показать, что построенные по синтаксическим правилам числительные обычно застывают и ведут себя как единый морфологический (а иногда и фонетический) комплекс, не поддающийся изменению.

В работе я буду следовать введенной в работе Z. Salzman [23] традиции представлять структуру сложных числительных при помощи цифр и математических операций². Не вдаваясь в типологическое освещение различных типов операций, используемых для репрезентации отношений между частями сложных числительных, я остановлюсь на показателях сложения.

2. Ареальное исследование языков Кавказа

В ходе исследования были проанализированы материалы 59 автохтонных и неавтохтонных языков Кавказа. Материалом для работы послужили грамматики, очерки и словари конкретных языков, а также материалы полевых исследований, осуществлявшихся на Кавказе в последние годы, в том числе с участием автора.

Во-первых, все системы показателей сложения были охарактеризованы по количеству морфологических моделей со значением сложения и по тому, с какими числительными они используются.

1. Системы с одной моделью.

АХВАХСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [2]

(6a) *ač'a-dabe* (6b) *ač'a-k'e-dabe*

10-CARD³ 10-2-CARD

'10' '12' (10+2)

¹ Стоит оговориться, что после работы S. Abney [6] в рамках генеративной лингвистики получила распространение схема именной группы, по которой в группу детерминатора (DP) входит группа числа (NumP или QP), а в группу числа уже входит именная группа (NP). Однако под «внутренней структурой» имеется в виду внутренняя структура NumP, если следовать генеративной терминологии.

² Важно отметить, что, во-первых, набор операций не ограничивается исключительно операциями арифметическими, и, во-вторых, на использование арифметических операций накладываются большие ограничения [10; 11].

³ Список сокращений: + – показатель сложения; × – показатель мультипликации; ABS – абсолютив; ADD – показатель аддитива; ADV – адвербиалис; CARD – показатель количественного числительного; CL – классный показатель; DIR – директив; DYN – динамичность; LNK – показатель, соединяющий количественные числительные с именами; ORD – показатель порядкового числительного; PL – мн. число; POSS – принадлежность; PR – посессор; PST – прошедшее время; RE – рефактив/реверсив; TEN – показатель десятков.

(6c) *bo-q'endo-k'e-dabe* (6d) *bešano-k'e-dabe*

4-20-2-CARD

100-2-CARD

'82' (4 × 20 + 2)

'102' (100 + 2)

ГОДОБЕРИНСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [3]

(7a) *hac'a-da*

(7b) *hac'a-**ti***

ce-b

10-CARD

10-+

1-CL

'10'

'12' (10+2)

(7c) *haq'u-c'ali-**ti***

(7d) *bešenu-**ti***

ce-b

7-TEN-+

1-CL

100-+

1-CL

'71' (7 × 10 + 1)

'101' (100 + 1)

В эту группу попало 16 языков: азербайджанский, арчинский, ахвахский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, калмыцкий, карачаево-балкарский, крызский, кумыкский, нагайский, турецкий, туркменский, хваршинский и цезский.

2. Системы с двумя моделями.

Тип 2a. Выделенный показатель для второго десятка.

АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)

полевые материалы

(8a) *ps'ə-k'wə-t'wə*

(8b) *t'we-čj'-jə-t'wə-re*

t'wə-re

10- + -2

2-TEN-LNK-2-ADD

2-ADD

'12' (10 + 2)

'42' (2 × 10 × 2 + 2)

(8c) *še-re*

t'wə-re

100-ADD

2-ADD

'102' (100 + 2)

Аналогичным образом устроены большинство индоевропейских языков. В группу, использующую эту модель, попало 27 языков, используемых на Кавказе: абазинский, абхазский, аварский, агульский, адыгейский, андийский, армянский, бацбийский, бежтинский, греческий, ингушский, кабардинский, лазский, лакский, лезгинский, осетинский, русский, рутульский, сванский, табасаранский, татский, тиндинский, удинский, хиналугский, цезский, чамалинский и чеченский.

Тип 2b. Отдельный показатель для всех десятков/двадцаток.

ХАЙДАКСКИЙ (даргинские, нахско-дагестанские)

по [4]

(9a) *wec'-nu*

ca-ra

(9b) *ka-nu*

ca-ra

(9c) *darš-lum*

ca-ra

10-+

1-ADD

20-+

1-ADD

100-+

1-ADD

'11' (10 + 1)

'21' (20 + 1)

'101' (100 + 1)

(9d) *azil-lum*

ca-ra

'1000'-+

1-ADD

'1001' (1000 + 1)

В эту группу попало 10 даргинских языков: ицаринский, кункинский, мегебский, нижнемулебкинский, сурсбукский, тантынский, урахинский, хайдакский и хуцуцкий.

3. Системы с тремя моделями.

БАГВАЛИНСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [1]

(10a) *inš:tu-ra* (10b) *hac'a-ra* (10c) *inš:t^w-ac'a*
5-CARD 10-CARD 5-TEN
'5' '10' '50' (5 × 10)

(10d) *hac'a-l* *inš:tu-ra* (10e) *inš:t^w-ac'* *inš:tu-ra*
10-+ 5-CARD 5-TEN 5-CARD
'15' (10+5) '55' (5 × 10+5)

(10f) *bešen-č'ek'ub* *inš:tu-ra* (10g) *ʔazar-č'ek'ub* *inš:tu-ra*
100-+ 5-CARD 1000-+ 5-CARD
'105' (100+5) '1005' (1000+5)

В эту группу попало 6 языков: багвалинский, ботлихский, грузинский, каратинский, татский и цахурский.

Отмечу выведенные корреляции типа и генетической принадлежности: все нахские и абхазо-адыгские языки относятся к типу 2а, все даргинские языки – к типу 2b, все алтайские – к типу 1. В остальном распределение генетически не predetermined: в андийской группе нахско-дагестанской семьи годоберинский и ахвахский относятся к типу 1, тиндинский и андийский – к типу 2а, а ботлихский и багвалинский – к 3; в цезской группе той же семьи гунзибский язык относится к типу 1, а бежтинский – к типу 2а; в картвелской семье сванский и лазский языки относятся к типу 2а, а грузинский – к типу 3.

Количественное соотношение разных типов систем сложения в языках Кавказа представлено в таблице 1.

В работе Т. Ханке [13, с. 95–110] приводятся 4 возможных источника показателей сложения: координативы и комитативы, локативы, посесси-вы, «дополнительные» (в этот класс, видимо, попадают остальные случаи). Вслед за Т. Ханке я приведу перечень средств, которые, возможно, послужили источником показателя сложения. Показатели сочинения используются во всех абхазо-адыгских, картвельских, лезгинских (кроме удинского и арчинского) и цезских (кроме гунзибского) языках, в андийском языке используется комитатив. Также нам встретились разные варианты локативов: инэссив (в тиндинском, андийском и ботлихском), супераблатив (в лакском), суперэссив (в багвалинском), адэссив (в аварском и каратинском), аблатив (в тиндинском) и послелог со значением «за» (в осетинском). Системы с показателем сложения, происходящим из показателя посессивности, в кавказских языках обнаружено не было.

Помимо перечисленных Т. Ханке [13] средств, в языках Кавказа достаточно распространено простое соположение элементов числительного; соположение используется во всех тюркских, индоевропейских и нахских языках, а также в некоторых андийских (багвалинском, каратинском, ахвахском), лезгинских (табасаранском, лезгинском, удинском, цахурском, агульском), цезских (гунзибском, хваршинском, гинухском) языках, в хиналугском и в сванском языках. В багвалинском, тиндинском, арчинском, аварском и даргинском были обнаружены уникальные элементы сложения (т.е. морфемы, которые не соотносятся ни с какими другими морфемами в языке и используются только в числительных). Также были обнаружены более экзотические случаи: родительный падеж (в годоберинском и хиналугском), эргативный падеж (в чамалинском), дательный падеж (в осетинском), классный показатель (в чамалинском); использование глагольной формы, означающей «закончив» (в каратинском).

Таблица 1

**Количественное соотношение
разных типов систем сложения в языках Кавказа**

Тип сложения	1	2a	2b	3
Число языков Кавказа	16	27	10	6
	27%	46%	17%	10%

Важно отметить, что сейчас можно лишь констатировать совпадение показателей на некотором синхронном состоянии языка, такое совпадение совсем не обязательно свидетельствует о том, что один показатель произошел из другого или оба показателя произошли из какого-то третьего. Вероятно, многие случаи совпадения показателя сложения с приведенными выше показателями являются лишь случайным стечением обстоятельств. К сожалению, большинство языков Кавказа почти «не имеет истории», т.е. мы располагаем очень малым количеством источников по истории этих языков, так что вопрос о происхождении того или иного показателя становится проблемой сравнительно-исторической грамматики.

3. Типологическое исследование показателей сложения

Типологическое исследование сделано на материале 72 языков мира из 36 языковых семей (таблица 2). Мы попытались сделать типологическую выборку ареально и генеалогически сбалансированной, однако в ходе подготовки материалов возникли следующие сложности.

Таблица 2

Список языков типологической выборки

Число языковых семей	Языки		Число языков
Африка 4	гудэ (чадские)	2b	афразийские 5
	коптский (египетские)	1	
	сидамо (кушитские)	1	
	шеко (омотские)	1	
	эфиопский (семитские)	1	
	ком (южные)	2b	банту/ бантоидные 3
	лингала (зона С)	1	
	макондэ (Rufiji–Ruvuma)	1	
	квама (команские)	3b	нило- сахарские 3
	туркана (нилотские)	1	
	хумбури сенни (сонгайские)	1	нигер-конго (не банту) 6
	адамава фулани (атлантические)	1	
	волоф (атлантические)	2a	
	зиало (манде)	3	
игбо (бенуэ-конго)	1		
лоома (манде)	3		
энгенни (бенуэ-конго)	1		
Евразия 10	адыгейский (адыгские)	2a	абхазо- адыгские
	корейский	1	алтайские 3
	кумыкский (тюркские)	1	
	нанайский (тунгусо-маньчжурские)	1	
	малаям	1	дравидийские 2
	тамильский	1	
	албанский	2a	индоевропейские 4
	валийский (кельтские)	2b	
	кати (дардские)	2a	
	румынский (романские)	3	
	грузинский	3	картвельские
	ахвахский (андийские)	1	
	худуцский (даргинские)	2b	нахско- дагестанские 3
	ингушский (нахские)	2a	
	кетский (енесейские)	1	
	северноюкагирский	1	палеоазиатские 3
чукотский (чукото-камчатские)	2a		
гало (тани)	1	сино- тибетские 2	
камский тибетский (тибетские)	3		
лаосский (южнотайские)	1		
тайский (южнотайские)	1	тай-кадайские 2	
венгерский (финно-угорские)	1		
Евразия 10	вепсский (финно-угорские)	2a	уральские 3
	ненецкий (самодийские)	2a	

Число языковых семей	Языки		Число языков
Океания 3	атаял (формозские)	1	австронезийские 6
	балантак (Celebic)	1	
	биак (южнохальмахерско-западноновгвинейские)	2b	
	малайский (западнозонские, малайско-чамские)	2a	
	минангкабау (западнозонские, малайско-чамские)	2a	
	тагальский (филиппинские)	2a	
	маилу (маилуанские)	2a	транс- новогвинейские 5
	абуи (алорские)	3	
	тобело (западнопапуасские, хальмахерские)	1	
	манамбу (сепикские, среднесепикские, нду)	3	
	скоу (скоу)	2a	
	сулка	1	
Северная Америка 9	туника	2a	–
	навахо	3	атабаскские
	квакиутль	3	вакашские
	чероки	2a	ирокезские
	крикский	2b	мускогские
	тлингитский	2a	на-дене
	лиллут (внутренне-салишские)	1	салишские
	шусвэп (внутренне-салишские)	1	2
Центральная Америка 6	мандан (центральные)	2a	сиуанские
	кичи (кичейкие)	2a	майянские
	хакальтек	3	2
	мискито	2a	мисумальпские
	чималапский соке (сокейские)	2a	михе-сокские
	сапотек (сапотекские)	1	ото-мангские
	хуэхэутльа тепеуа (тепеуаские)	1	тотонакские
Южная Америка 4	терибэ	1	чибчанские
	аймарский	1	аймарские
	уальягский кечуа (кечуа I)	1	кечуанские
	кокамо (тупи)	1	тупи-гуарани
	мапудунгун	1	–

1. Хотя категорию числительного с некоторыми оговорками можно считать универсальной, далеко не во всех языках представлена достаточно развитая система числительных. Например, средствами систем числительных автохтонных языков Австралии редко можно выразить число больше '5':

ВАРРУНГУ (пама-ньонга)

по [26]

(11a) *nyon.gol* (11b) *bolari* (11c) *gorrbara* (11d) *marrgabala*
'1' '2' '3' 'много'

2. Числительные легко перенимаются из более престижного языка. Например, многие американские аборигены перешли на английские, испанские, португальские или французские числительные, а многие носители кавказских языков в повседневной речи используют русские числительные (иногда добавляя к ним морфологию числительных родного языка). В обычной речи чаще всего сохраняется лишь первый десяток или пятерка исконных числительных.

АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские) полевые материалы

(12a) *ja-dvadcatʃ* *pʲerv-ew* (**odʲin-ew*) *qe-kʷe-ʒʲə-k*
3PL.PR+POSS-20 первый-ADV (*ОДИН-ADV) DIR-ИДТИ-RE-PST
'Пришел двадцать первым'

(12b) *ja-bʷe-nere* *ja-pšʷe-nere* *klas-xe-r*
3PL.PR+POSS-9-ORD 3PL.PR+POSS-10-ORD класс-PL-ABS
qə-šʷje-wəxə.

DIR-LOC-3SG.A-DYN-закончить

'...она закончила девятый и десятый классы'

3. Из выборки были исключены языки, использующие счет по частям тела (body part counting) [10].

4. Не принимались в расчет модели, которые выбивались из системы числительных, как, например, русское *сопок* выбивается из системы *двадцать* и *тридцать* (сравните польские *dwadzieścia* '20', *trzydzieści* '30', *czterdzieści* '40', в которых использовано числительные со значением '2', '3' и '4' соответственно). При образовании числительных '12' и '15' в валлийском языке используется уникальный нулевой показатели сложения, который больше в системе числительных не присутствует [5, с. 29–30].

В ходе типологического исследования были обнаружены все типы, выделенные нами в разделе 2, особый интерес представляет соотношение, представленное в языке квама:

КВАМА (нило-сахарские, команские) по [19, с. 22–23]

(13a) *siyya* (13b) *kuba-siyya* (13c) *kuzat* *siyya*
2 5-2 10 2
'2' '7' (5+2) '12' (10+2)

(13d) *yisa* *sene tə* *siyya* (13e) *šantama* *siyya*
20 + 2 50 2
'22' (20+2) '52' (50+2)

Z. Leyew [19] пишет, что числительные со значениями '6'–'9' являются композитами, т.е. обладают большей слитностью, чем слагаемые в

примерах 13с и 13е. Получается, что в этом типе (обозначим его 3b) очень необычная система показателей сложения:

6–9	11–19	21–29	31–...
тесное соположение	соположение	sene tə	соположение

Среди всех исследованных языков не было обнаружено языка, в котором бы какая-то модель образования составных числительных «вклинивалась» похожим образом. Здесь, видимо, по аналогии со спорадическими числительными (например, русское *сорок*), можно говорить о спорадической морфологической модели.

В ареальном исследовании почти не было выявлены корреляции типа системы сложения и генетической принадлежности к той или иной семье или ареалу, кроме того, что все южноамериканские языки, попавшие в выборку, относятся к первому типу. Из этого можно сделать вывод, что тип системы сложения – это параметр, который легче подвергается изменениям по сравнению с другими, более консервативными частями языка.

В таблице 3 показаны количественное соотношение разных типов систем сложения в языках мира.

Таблица 3

**Количественное соотношение
разных типов систем сложения в языках мира**

Тип сложения	1	2a	2b	3	3b
Число языков	36	20	6	11	1
	49%	27%	8%	15%	1%

4. Показатели сложения языков Кавказа в типологическом освещении

В свете приведенных данных становится видно, что, если не принимать в расчет язык кума и его уникальную систему, в кавказских языках представлен весь спектр разных типов показателей сложения (рис. 1). Основное отличие кавказского региона проявляется в нетипичных соотношениях. Так, языков с одним показателем среди кавказских языков почти треть, тогда как в типологическом исследовании к этому типу относится почти половина языков, попавших в выборку (таблица 4). Также почти половина языков на Кавказе имеет два показателя сложения, тогда как в типологической выборке число таких языков стремится к одной трети. Кроме того, почти в два раза различается соотношение языков с двумя показателями, где показатель, используемый во втором десятке, используется при образовании других числительных. Различие в соотношениях

систем, в которых используется три модели сложения, кажутся не столь значительными (рис. 1).

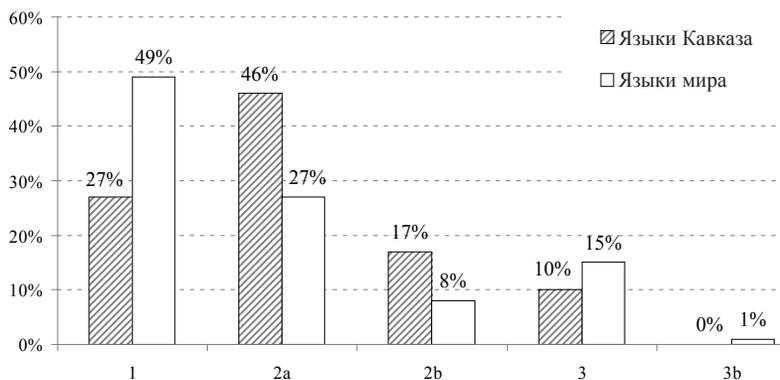

Рис. 1

В результате двух исследований можно сделать следующие выводы.

1. Типологическое исследование показало явную тенденцию систем числительных иметь как можно меньше показателей сложения:

1 (49%) > 2 (35%) > 3 (16%) (таблица 4).

2. Соотношение разных типов систем сложения в языках Кавказа показывает необычное распределение по сравнению с ожидаемым: систем с двумя показателями почти в два раза больше, чем ожидалось, а систем с одним показателем почти в два раза меньше по сравнению с ожидаемым (таблица 5).

Таблица 4

Число показателей	1	2	3
Количество языков типологической выборки	49%	35%	16%

Таблица 5

Число показателей	1	2	3
Количество языков Кавказа	27%	63%	10%

3. Типологическое исследование показало, что наиболее часто значение сложения достигается соположением элементов или при помощи показателя сочинения (соотношение по языкам мира примерно одинаковое). Также эти два явления могут сосуществовать в одной системе, например, в волоф (атлантические) в меньших слагаемых используется

соположение, а в больших – показатель сочинения, в грузинском наоборот – с десятками используется показатель сложения, а с большими базами – соположение.

4. И типологическое, и ареальное исследования показали, что наличие в языке той или иной системы показателей сложения слабо коррелирует с принадлежностью к той или иной генетической семье.

Важно также отметить, что показатели сложения, произошедшие из показателей сочинения, часто наследуют и место в группе, которое занимали сочинительные показатели или показатель. Так, например, как и при обычном сочинении, в адыгейских числительных показатель сложения появляется на каждом элементе числительного (см. примеры 8b–c), а в языке аймара показатель сложения локализуется на последнем члене:

АЙМАРА (аймарские, Южная Америка)			[20, с. 9]
(14a) <i>kimsa</i>	(14b) <i>kimsa tunka</i>	(14c) <i>kimsa tunka kimsa-ni</i>	
3	3 10	3 10 3-+	
‘3’	‘30’	‘33’	

5. Составные числительные: синтаксис или морфология?

В работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18] показано, что числительные – именные модификаторы, которые по очереди модифицируют именную группу:

(15) [*two* [*hundred* [*books*]]].

Составные числительные в этих работах предлагается анализировать как сочиненную группу (с нулевым сочинительным показателем), которая получилась одним из следующих способов:

(16a) [[*two* [*hundred* [*books*]]] ^(and) [*five* [*books*]]]

(16b) [[*two* [*hundred* [*books*]]] ^(and) [*five* [*books*]]] [*books*]

В работе E. Zweig [27] приводится ряд примеров, которые показывают, что «маленькие» числительные в некоторых языках относятся к другому морфосинтаксическому классу. Также важно отметить работу M. Donohue, где показано, что числительные в одних языках могут вести себя, как глаголы, в других – как имена и другие синтаксические категории [8]. Это же было показано на материале русского языка в статье G. Corbett [7]: русские числительные интерпретируются в работе как существительные и прилагательные. Т.к. некоторые числительные могут быть прилагательными или существительными, значит, некоторые из числительных имеют семантический тип прилагательного или существительного, что в свою очередь противоречит значению числительных, предложенному в работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18].

Анализ числительных в этих работах приводится исходя из идеи, что сложные числительные являются набором вложенных синтаксических групп, которые композиционально соединяются с группой, которую эти числительные квантифицируют [16; 17; 18]. Трудно себе представить, какие факты могли бы выступить аргументом за или против одной или другой интерпретации сложных числительных:

(17a) [[two [hundred]] [five [books]]] (по [18])

(17b) [[[two [hundred]] [five]] [books]]

(17c) [[two [hundred]] [and five [books]]] (по [18])

(17d) [[[two [hundred]] [and five]] [books]]

Приведем несколько аргументов против интерпретации Ionin T., Matushansky O. [16; 17; 18] примеров 16a–b.

1. Историческая связь показателей сложения с сочинением во многих случаях бесспорна, например, в случаях, когда в числительных используется живой показатель сочинения (как, например, в адыгейском, см. примеры 8b–c). Однако даже в этих случаях сочиняемые элементы числительного нельзя переставить местами (особенности языка ком я рассмотрю ниже). Нельзя в этих случаях сочинять числительное с нечислительным, т.к. без показателя сочинения они не воспринимаются как сочиненные:

(18a) **[красных^(u) сто] мячиков*

(18b) ?*[сто^(u) красных] мячиков*

(18c) **[красных и сто] мячиков*

(18d) **[сто и красных] мячиков*

2. Аналогично нельзя использовать другие показатели сложения (например, локативные) в буквальном значении.

(19) **Положи пять-на-дцать, а потом на стол.*

3. Из всех языков типологической выборки (таблица 2), в которых лишь один показатель сложения (т.е. 36 языков), в 47% языков в качестве показателя сложения используется соположение, а в 36% – показатель сочинения. Почему в 47% случаев начинает использоваться соположение, когда в языке уже есть готовый показатель сочинения? Почему в мире существуют системы с двумя и даже тремя показателями сложения, если достаточно одного? Почему существуют языки, в которых показатель сложения, произошедший из показателя сочинения, факультативен?

Если рассмотреть перечисленные доводы и проблемы, то возникает вопрос, действительно ли сложные числительные всегда представляют несколько синтаксических групп? Может быть, следует считать сложные числительные в некоторых языках синтаксическим островом или даже композитом? Приведу несколько аргументов в пользу такой трактовки:

1) порядок следования элементов числительного строго определен в каждом конкретном языке;

2) внутренняя структура числительных непроницаема для большинства синтаксических процессов;

3) одни и те же числительные нельзя получить разными способами, что можно бы было ожидать при синтаксическом подходе; поэтому нельзя сказать *сорок семнадцать* или *пятьдесят двадцать один* (подробнее об этом см. в работах J.R. Hurford [14; 15]).

4) в нашей типологической выборке почти половина языков использует соположение, что скорее характерно для композитов, а не синтаксических групп. Бывает, что одинаково маркируются разные отношения, например, не только сложение, но и мультипликация (например, в нанайском), что тоже скорее характерно для композитов.

Приведенные аргументы носят лишь предварительный характер и нуждаются в проверке на достаточно большой выборке языков. Возможно, не стоит считать, что составные числительные во всех языках мира являются композитами. Отмечу, что такой анализ не противоречит семантическому типу, выведенному в работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18]: в тех языках, где числительные не являются прилагательными или существительными, семантический тип числительного и значение числительного имеет вся группа числительного или числительный композит, а не каждый ее элемент, как предполагается в этих работах.

Если еще раз пересмотреть список морфем, из которых происходит показатель сложения, приведенный Т. Hanke [13, с. 95–110] и несколько расширенный на материале кавказских языков (см. раздел 2), становится ясно, что структура числительного часто строится при помощи синтаксических правил, а не при помощи обычных моделей образования композитов. Возможно, что в каких-то языках эти синтаксические связи лексикализовались в меньшей степени, чем в других, в связи с этим мы все же видим исключения, как в лаосском языке и языке ком. Композитная трактовка предполагает, что числительные застывают и подвергаются только фонетическим изменениям или выравниванию по другим формам. А если какой-то показатель, например, сочинения, изменяется в системе языка, то, если связи в числительных устроены синтаксически, показатель должен также поменяться и в числительных, которые его используют. Однако этот аспект нуждается в дополнительной проверке.

Теперь рассмотрим исключения. Лаосский пример (см. i–iv) показывает, что числительное ‘100’ (один сто) имеет свободный порядок членов и не имеет значение ‘101’, т.к. при образовании числительного *сто* исполь-

зуется нестандартный корень '1' (ср. русские *один* и *раз*). В языке ком в десятках представлена еще большая вариативность:

ком (южные бантоидные, бенуэ-конголезские)						по [24, с. 27–28]	
(20a) <i>tal</i>	(20b) <i>i.vim</i>	(20c) <i>njvàsì</i>	<i>tal</i> / <i>njvàsì</i>	<i>tal</i>	<i>i.vim</i>		
3	10	+	3	+	3	10	
‘3’	‘10’		‘13’ (+3)		‘13’ (+ 3 10)		
(20d) <i>mi.vim in bò</i>	<i>njvàsì tal</i>	/	<i>njvàsì tal</i>	<i>mi.vim in bò</i>			
10	× 2	+	3	+	3	10	× 2
‘23’	(10×2+3)				‘23’	(+3 10×2)	

Эту редчайшую вариативность можно объяснить лишь особенностями показателя *njvàsì*, который является множественным числом слова *njvà* ‘объект’. Такую систему, видимо, следует отнести к недограмматикализовавшимся, а ее элементы, видимо, плохо было бы считать композитами.

7. Заключение

В данной статье изложены результаты ареального и типологического исследования составных числительных, которые позволили показать разнообразие систем сложения, а также сделать некоторые выводы об общей структуре числительных в языках мира. Было показано, что в кавказском регионе обнаруживаются все основные типы систем маркирования сложения, которые представлены в языках мира, показаны количественные особенности распределения разных типов систем маркирования сложения в сравнении с тем, что представлено в языках мира, а также продемонстрировано большое богатство возможных источников показателей сложения. Также в статье обсуждаются теоретические взгляды на структуру сложных числительных. Представлены аргументы в пользу того, что сложные числительные могут быть не только сложной синтаксической структурой, но и более лексикализованной единицей и даже композитом.

Библиографический список

1. Кибрик А.Е. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словарь. М., 2001.
2. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1967.
3. Саидова П.А., Гудава Т.Е. Годоберинский язык (грамматический очерк, тексты, словарь). Махачкала, 1973.
4. Темирбулатова С.М., Мусаев М.-С. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004.
5. Халипов С.Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб., 1995.
6. Abney S. The English Noun Phrase in its Sentential Aspect: Doctoral dissertation, MIT. Cambridge, 1987.

7. Corbett G.G. Universals in the syntax of cardinal numerals // *Lingua*. 1978. № 46. P. 355–368.
8. Donohue M. Numerals and their Position in Universal Grammar // *Journal of Universal Language*. 2005. Vol. 6. P. 1–37.
9. Enfield N.J. A grammar of Lao. Mouton grammar library. Vol. 38. Berlin, NY, 2007.
10. Greenberg J.H. Generalizations about numeral systems // *Universals of Human Language* / J.H. Greenberg (ed.). Stanford, 1978. P. 249–297.
11. Gvozdanović J. Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin, NY, 1999.
12. Hammarström H. Properties of Lower Numerals and their Explanation: A Reply to Paweł Rutkowski // *Journal of Universal Language*. 2004. № 5. P. 1–20.
13. Hanke T. *Bildungsweisen von Numeralia. Eine typologische Untersuchung.* Berlin, 2005.
14. Hurford J.R. *The Linguistic Theory of Numerals.* Cambridge, 1975.
15. Hurford J.R. *Language and Number: the emergence of a cognitive system.* Oxford, 1987.
16. Ionin T., Matushansky O. A healthy twelve patients // *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics* (oral presentation). Washington, D.C. Paper presented at GURT 2004.
17. Ionin T., Matushansky O. The non-existence, syntax and semantics of plurals // *Workshop on Linguistic Perspectives in Numerical Expressions* (oral presentation). Utrecht, the Netherlands, 2004.
18. Ionin T., Matushansky O. The composition of Complex Cardinals // *Journal of Semantics*. 2006. № 23. P. 315–360.
19. Leyew Z. *Gwama, a little-known endangered language of Ethiopia: a sketch of its grammar and lexicon* (N.A.). Addis Ababa University, 2005.
20. Marka T. *Nociones basicas de lengua aymara*, access mode // *Aymara Uta. Una lengua, una cultura y un pueblo.* URL: http://www.aymara.org/biblio/diccio_tararasa.pdf (дата обращения: 02.12.2013).
21. Miechowicz-Mathiasen K. The puzzling syntax of Polish cardinal numerals // *Generative Linguistics in Poland 7*. Paper presented on GLiP 7, Wrocław, Poland, 2011.
22. Rutkowski P. On the Universal Neuropsychological Basis of the Syntax of Numerals // *Journal of Universal Language*. 2003. № 2. P. 147–182.
23. Salzman Z. A method for analyzing numerical systems // *Word*. 1950. Vol. 6. № 1.
24. Schultz G. *Kom language grammar sketch.* Yaounde, Republic of Cameroon, 1997.
25. Semenza C., Granà A. Numbers: Calculation // *Encyclopedia of Language and linguistics* / K. Brown (ed.). Oxford, 2006. P. 633–642. Second Edition. V. 13.
26. Tsunoda T. *A grammar of Warrongo.* Berlin, Boston, 2011.
27. Nouns and adjectives in numeral NPs // L. Bateman, C. Ussery (ed.) *NELS 35: Proceedings of the thirty-fifth annual meeting of the North East Linguistic Society*, 2005. P. 663–676.

Н.Б. Пименова

Между местоименной клитикой и частицей: утрата признаков согласования показателем относительного подчинения в древнесаксонском языке¹

Автор исследует характеристики и дистрибуцию относительных местоимений и несклоняемого относительного элемента *the* в древнесаксонском языке. Как демонстрируется в статье, распределение относительных местоимений и *the* в древнесаксонской поэме «Хелианд» регулируется анафорическими корреляциями (*the* в относительном предложении предпочитается при употреблении однокоренного указательного местоимения при антецеденте в главном предложении). Анализируется степень регулярности этих корреляций и их связь с особенностями морфологической системы.

Ключевые слова: относительное местоимение, относительная частица, местоименные клитики, согласование, анафора, языковой контакт, древнесаксонский язык, древнегерманские языки.

В древнесаксонском языке (западногерманская подгруппа древнегерманских языков, IX–XII вв.) в качестве одного из возможных показателей относительного подчинения используется *the* [θe], совпадающее по форме с древнеанглийской относительной частицей *þe* [θe]. Ср.:

(1) Thô sprak thar ên gifrôdot man, *the* sô filo consta uûsaro uuordo
(Hel. 225²)

«Тогда сказал там один умудренный муж, *который* так много знал мудрых слов».

(2) Eft is heofona rîce gelîc þām mangere *þe* sôhte þæt gôða meregrot
(WS Mt 13:45)

«Еще Царствие Небесное подобно тому купцу, *который* искал хорошую жемчужину».

С этимологической и функциональной точек зрения *the* в древнесаксонском, как и в древнеанглийском, предложении может представлять собой продолжение известной общезападногерманской частицы **þe*. В то

¹ При поддержке РГНФ, проект № 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров».

² Hel – Heliand und Genesis // Hg. von O. Behagel. Tübingen, 1984 [8]. WS – he Gospels in West Saxon / Ed. J.W. Bright. Boston, 1905–1910 [12].

же время в древнесаксонском языке статус *the* как относительной частицы не очевиден. В отличие от древнеанглийского языка, в древнесаксонском *the* совпадает с краткими формами указательного местоимения *the* «этот, тот» (с формами м.р.¹ NomSg²PL, м.р. AccPl, ж.р. NomAccPl, ж.р. AccSg). Это совпадение стало основой для противоречивых трактовок в германистической литературе, поскольку *the* в относительном предложении может быть квалифицировано и как несклоняемая³ (или клитическая⁴) форма «классического» относительного местоимения, тоже весьма употребительного в древнесаксонском языке. Статус частицы в первую очередь логично предположить для более бесспорных случаев *the* в адвербиальных предложениях (ср., напр., Hel.587 *an them selbon daga, the* – «в тот самый день, когда») и подчинительного *the* в предложениях с резумптивными местоимениями (ср. Hel.1308 *sâlige sind ôc, the sie hîr frumono gilustid* – «блаженны также те, что здесь благого желают»)⁵:

(3) an th-em selb-on dag-a the
 в тот-DAT.Sg самый-OBL.SG день-DAT.Sg REL⁶
 ‘в тот самый день, когда (или: который)’⁷

(4) sâlig-e sind
 блаженный-NOM.PL быть.PRS.3PL
the sie gilust-id
 REL они-ACC жаждасть-PRS.3SG
 ‘блаженны те, которым жадется’

«Амбивалентные» предложения, на первый взгляд, не поддаются более однозначной оценке. В частности, по замечанию Ф. Хольтхаузена, «часто – особенно в номинативе единственного числа мужского рода – частица и синтаксически соответствующие формы местоимения неразличимы, так что вид конструкции остается неопределенным» [9, с. 193].

¹ Список сокращений: двн. – древневерхненемецкий; дс. – древнесаксонский; ж.р. – женский род; м.р. – мужской род; ср.р. – средний род; Inf – инфинитив; N – существительное; Овл. – косвенный падеж; Opt – опатив (сослагательное наклонение); Pro – местоимение; REL – показатель относительного подчинения (см. примечание 6).

² Для м.р. NomSg в древнесаксонском языке существует единый вариант *the*, без противопоставления полной и краткой формы.

³ Так у О. Бехагеля [4, с. 304].

⁴ Об ослаблении и «сокращении» соответствующего указательного местоимения в *the, de, di* при безударном положении и «особенно в относительном предложении» в древнесаксонском и в генетически и географически близком древневерхненемецком языке (VIII–XI вв.) пишет В. Брауне [5, с. 57].

⁵ Термин «частица» сохраняется в дальнейшем для обозначения несогласованных показателей относительного подчинения [13, с. 162].

⁶ Сокращение REL используется в дальнейшем для упрощенного общего обозначения *the* в относительных предложениях.

⁷ Глоссирование примеров в статье дается по просьбе редакции.

Языковое своеобразие древнесаксонских относительных предложений побуждает некоторых авторов переосмысливать генезис самой относительной частицы, так, в грамматике О. Бехагеля и Й. Галлее упоминается о введении относительного предложения склоняемым указательным местоимением или относительной частицей *the*, «возникшей из формы именительного падежа единственного числа мужского рода этого местоимения» [6, с. 86]. Несомненное присутствие в системе унаследованной западногерманской частицы при этом игнорируется.

Возможность оценки предыстории и синхронного статуса показателей относительного подчинения осложняется положением древнесаксонского в зоне влияния древненижнефранкского и древневерхненемецких диалектов, а также вероятным инодиалектным воздействием на дошедшие до нас рукописи древнесаксонских текстов.

Тем не менее анализ значительного числа относительных предложений – всего массива фраз, представленных в основном памятнике древнесаксонского языка, поэме «Хелианд» («Спаситель», поэма о жизни Христа, сложенная аллитерационным стихом, 5982 строки, первая половина IX в.), – дает возможность существенным образом уточнить место в системе «относительного» *the*.

Решающим аргументом в пользу автохтонности выявляемых языковых соотношений служат при этом последовательные закономерности в дистрибуции элементов, с очевидностью отражающиеся в материале, несмотря на вероятные дефекты рукописей и потери при письменной трансляции аутентичных текстов.

При парадигматическом морфологическом анализе нетрудно установить, что *the* как показатель относительного подчинения, как правило, применяется в «позициях» тех грамматических форм местоимений, которые допускают *the* в качестве краткого варианта. Такими формами являются: м.р. NOMSG – *thê*; м.р. NOMACCPL – *thê, thea, thie, thia* [5, с. 57]. Кроме того, «относительное» *the* регулярно используется на месте форм ж.р. NOMACCPL – *thea, thia, thie* [5, с. 57; 6, с. 85¹; 9, с. 117], для которых фиксируются варианты *thê, tha* [3, с. 320; 6, с. 85; 9, с. 117²]³.

¹ Здесь форма *thie* комментируется как встречающаяся вне «Хелианда».

² У Ф. Хольтхаузена (указанный источник) только *thê/ê*.

³ Вопрос о происхождении и соотношении так называемых полных и «несклоняемых» местоименных форм в дописьменный период оказывается далеко не простым. Фиксируемая для краткой формы *thê* вероятная долгота гласного *ê* может указывать на возникновение по крайней мере некоторых косвенно-падежных форм не только в результате аналогического распространения местоименных окончаний, но и в результате дифтонгизации *ê > ea (ia), ie*. В этом случае речь идет о германском *ê₂*, дифтонгизация которого спорадически встречается в древнесаксонском [6, с. 16], однако также о дс. *ê > ie* как о следах инодиалектного франкского влияния [9, с. 36] и хорошо засвидетельствована в древневерхненемецком языке, при-

Эта статистическая регулярность уже сама по себе сигнализирует о системной связи «относительного» *the* с местоименными формами. Однако замена полного местоимения на *the* реализуется не во всех морфологически допустимых случаях. Выбор вариантов в относительных предложениях подчиняется определенной, весьма последовательной закономерности. Для того чтобы ее обнаружить, необходимо исключить из рассмотрения те примеры, где *the* является единственно возможным коррелятом существительного мужского рода в именительном падеже единственного числа (полной местоименной формы здесь не существует, см. примечание 2, с. 93). Оставшиеся предложения позволяют выявить существование двух основных формальных моделей относительной связи.

I. При субстантивном antecedente, сопровождаемом указательным местоимением *the*.

II. При antecedente без указательного местоимения либо при бессубстантивном предложении¹.

При модели II в относительном предложении используется полный местоименный коррелят antecedenta, т.е. полная местоименная форма. Сравним пример бессубстантивного предложения:

- (5) *he beginna thero girnean, thiū imu gegangan ni scal* (Hel. 1481)
 «Он начнет той желать, которая ему принадлежать не должна».
 he beginn-a th-ero girne-an
 он.NOM начинать-OPT.PRS.3Sg тот-GEN.Sg.F желать-INF
 th-iū imu gegang-an ni scal-Ø
 тот-NOM.Sg.F он.DAT идти-INF не должно.PRS.Sg-(1,3Sg)

Использование той же модели засвидетельствовано и при antecedente – личном местоимении:

- (6) *Ik uuilliu sie selbo nu lōsien mid mīnu lību, thea hēr lango bidun* (Hel. 3539)
 «Я хочу их ныне сам спасти моей жизнью, (тех) которые здесь долго ожидали».

чем в последнем, как в древнесаксонском, зафиксирована тождественность форм указательного местоимения *dē = dea, die* «эти», *dēm = deam, dien* «этим» [2, с. 122]. Поэтому форма *thē* с исторической точки зрения может быть как раз исходной для «полных» форм (о древности *thē* как формы м.р.NomAccPl, встречающейся только в «Хелианде» см. в работе J. Gallée [6, с. 84]). Это обстоятельство, разумеется, не отрицает вероятного ослабления *thē* и других местоименных форм в местоименную клитику *the* в известных нам письменных источниках, оно лишь усложняет ситуацию. Напомним, что в древнегерманских письменных памятниках долгота гласных не обозначается или обозначается весьма непоследовательно. В любом случае для синхронно ориентированного анализа важным оказывается не происхождение словоформ, а их переинтерпретация и синхронное положение в системе.

¹ Используется термин А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой [1, с. 72].

sie th-ea bid-u-n
они. ACC тот-NOM.PL ждать.PST.PL-PST.PL-PST.3PL
'Их, которые ждали'

Всего в «Хелианде» насчитывается 14 бессубстантивных предложений. Предложения с субстантивным антецедентом, не сопровождаемым согласованным указательным местоимением, встречаются гораздо чаще (их более 30). Ср. пример:

(7) ueros gnornodun,
thia fan Galilea mid im gangan quâmun (Hel. 5516)
«мужи горевали, которые из Галилеи с ним пришли».
uuer-os gnorno-d-u-n
муж-NOM.PL.(M) горевать-PST-PST.PL-PST.3PL
th-ia gang-an quâm-u-n
тот-NOM.PL. идти-INF прийти.PST.PL-PST.PL-PST.3PL

Показатель *the* выступает как регулярный элемент подчинения при ином построении предложения – в модели I (субстантивный антецедент с полной формой указательного местоимения). Ср., например:

(8) thia suârûn sundeon, the sie im êr selbon gidâdun (Hel. 3655)
«тяжкие грехи, которые они себе ранее самим сотворили».
th-ia sunde-on¹
тот-NOM.PL. грех-NOM.PL(F)
the sie gidâ-d-u-n
REL они.NOM делать-PST-PST.PL-PST.3PL

Очевидно, распределение моделей I и II в субстантивных предложениях формирует закономерность, по которой «морфологически размытый» показатель *the* используется в случаях его анафорической связи с полной местоименной формой, т.е. морфологически более определенным (специализированным) показателем². При этом существенно, что использование данной модели не ограничивается случаями, когда полное местоимение при антецеденте стоит в тех грамматических формах, для которых *the* является морфологическим (или фонетико-морфологическим) вариантом, т.е. в формах *thea*, *thie*, *thia* (см. выше). Сравним, например, засвидетельствованные корреляции *thero* GENPL – *the*, *them* DATPL – *the*. Иными словами, речь идет не о замене фонетически дублирующего элемента ана-

¹ Склоняется по слабому склонению, в котором большинство косвенных падежей в обоих числах (кроме GENPL) не различаются.

² Подчеркнем, что употребление при антецеденте иного согласованного местоимения или согласованного прилагательного, эксплицитно маркирующих те же признаки (при этом в согласованном члене нередко выступают точно те же окончания, что и в полном указательном местоимении), не ведет к появлению *the*: в этом случае используется модель II с полной местоименной формой.

форической связки, а о замене элемента, вторично маркирующего морфологические признаки антецедента.

Дистрибуция модели I и модели II в субстантивных предложениях весьма последовательна. Некоторые отклонения от нее группируются в несколько категорий.

Наиболее любопытны отклонения, связанные с синтаксическим построением предложения и текста и анафорическими и катафорическими связями показателя подчинения. В частности, можно установить, что модель I (ProN – *the*) иногда нарушается (заменяется на ProN – Pro с полным местоимением в подчиненном предложении), когда антецедент еще раз анафорически подхватывается (синонимичным существительным, местоимением) в предложении, следующем за подчиненным относительным. Ср.:

- (9) *thie rincos, thie hîr rehto adômîad, ne uuillîad an rînun beswîcan*
man, thar sie at mahle sittîad (Hel. 1311)
 «мужи, которые здесь (в земной жизни – *Н.П.*) справедливо судят,
 не желают втайне обманывать людей, когда они на суде сидят».¹
 th-ie rinc-os th-ie adômi-ad <...>
 тот-NOM.PL муж- NOM.PL(M) тот-NOM.PL судить-PRS.3PL
 thar sie at mahl-e sittî-ad
 там они.NOM на суд-DAT.SG сидеть-PRS.3PL

С антецедентом «мужи» здесь анафорически соотносится не только относительное местоимение *thie*, но и стоящее в следующем придаточном предложении личное местоимение «они».

По-видимому, сходный по механизму действия случай представляет собой использование полной местоименной формы при присутствии внутри придаточного предложения определения, согласованного с антецедентом:

- (10) *thea dâdi, thea he sô derbêa gifrumide* (Hel. 3498)
 «дела, которые он, столь злые, сотворил»
 th-ea dâd-i-Ø th-ea he
 тот-ACC.PL дело-PL(F) тот-ACC.PL он.NOM
 sô derb-ea gifrumi-de-Ø
 столь злой-ACC.PL сотворить-PST-3SG

В этом случае полное местоимение, «незаконмерно» появляющееся на месте ожидаемого *the*, не только коррелирует с антецедентом, но и катафорически отсылает к согласованному с антецедентом прилагатель-

¹ В предложении «когда они на суде сидят» «они» относится именно к *rincos* «мужи», т.е. к топику всего пассажа; такое построение вполне обычно для «Хелианда». В качестве более привычного и совсем не вызывающего сомнений примера можно привести Hel. 3461 (3461–3464).

ному *derþea* «злые», служа для него промежуточной синтактико-морфологической опорой (сходные случаи – 1568, 3430, 3658, возможно, также 539).

Как можно заключить из примеров, полное дублирование согласовательных морфологических признаков избегается в показателе подчинения при его анафорических связях с полной местоименной формой, согласованной с антецедентом, но поощряется при катафорических связях со словами, синонимически варьирующими антецедент или согласованными с ним.

Можно отметить также, что при выборе показателя подчинения определяющую роль играет анафорическая связь с ближайшим по дистанции антецедентом, а не с его синонимами, более отдаленными от относительного предложения. Ср., напр.:

- (11) *Thô sprâkun im eft thea liudi angegin,*
gramharde Iudeon, thea thes godes barnes
uuord aftaruuarodun (Hel. 2320)

«Тогда вновь против него заговорили те люди, враждебные иудеи, которые за Божьего сына словами следили».

В соответствии с моделью I при корреляции с *thea liudi* «те люди» в качестве показателя подчинения должно было быть использовано *the*, однако употребление полного относительного местоимения *thea* указывает на установление корреляции с ближайшим словом *Iudeon* (аналогичный случай – в 2033).

К менее значимым частным отклонениям морфологического характера следует отнести некоторые непоследовательности, которые наблюдаются при согласовании с антецедентом указательного местоимения *these* «этот» (несколько примеров), этимологически представляющего собой комбинацию указательного местоимения *the* с частицей *se*. В зависимых относительных предложениях засвидетельствовано как употребление полного местоимения по модели II (см. примечание 2, с. 96), так и использование *the* по модели I. В последнем случае, как очевидно, сложное местоимение *these* «распознается» как исходное простое местоимение и к нему приравнивается.

В единичных случаях (три примера) правила употребления *the* и полного местоимения, по всей видимости, игнорируются для устранения соседства одинаковых показателей (ср. в бессубstantивном предложении стр. 3402: *the thea bôk* «(те), которые (Nom) книги (Acc) читают» вместо ожидаемого *thea thea bôk*) или для установления корреляции показателя подчинения не с ближайшим (предшествующим) существительным, а с «правильным» антецедентом.

Доля нескольких других отклонений от описанной дистрибуции, не попадающих ни в какие подкатегории, т.е. не имеющих достоверного объяснения, ничтожно мала: она составляет около 1,4% от общего количества относительных предложений (свыше 135), способных участвовать в распределении моделей с *the* и полной формой местоимения.

Кроме рассмотренных примеров регулярного употребления относительного *the* по модели I, в «Хелианде» неоднократно зафиксированы случаи экспансии показателя на позиции, не свойственные ему морфологически.

К таким случаям следует причислить замещение с помощью показателя *the* местоимения среднего рода в AccPL, исконно представленного формой *thiu* (совпадает с NomPL, как и NomPL, имеет также отмечаемые в некоторых грамматиках варианты *thea*, *thia*, *thie*). В «Хелианде» в пяти случаях при корреляции с ProN в AccPL используется полное местоимение, т.е. модель I не соблюдается. Выпадение формы из дистрибуции моделей согласуется с отсутствием у нее краткого варианта *the*, т.е. объясняется парадигматическими причинами. В то же время в четырех предложениях в позиции AccPL все-таки фиксируется показатель *the*, т.е. реализуется модель I. Возникновение области колебаний, экспансия *the* на формы ср.р. AccPL, по всей видимости, связаны с морфологической омонимией форм – с возникновением у словоформы среднего рода *thiu* вариантов *thia*, *thea*¹. Именно через эти варианты форма ср.р. AccPL оказывается сближенной с теми падежными формами мужского и женского рода, в которых наряду с полными местоименными вариантами *thia*, *thea* существовала краткая форма *the* и для которых употребление анафóра *the* в относительном предложении было регулярным.

Такой же механизм распространения «относительного» *the*, очевидно, следует предполагать для позиции ж.р. AccSG (основные формы *thea*, *thia*, *thie*, более редкие *the*, *tha*, *thi*²), допускающей некоторые колебания: одна фиксация в «Хелианде» с полным местоимением в роли относительного, две фиксации – с показателем *the*.

Однако экспансия *the* наблюдается и за пределами форм *thea*, *thia*, *thie*, имеющих подобные омонимические «пересечения». Так, в «Хели-

¹ Обычно отмечают как варианты *thiu* для форм NomAccPL, распространенные за пределами «Хелианда» [9, с. 117–118], в списке форм без комментариев [3, с. 320]; у В. Брауне эти варианты не упоминаются [5, с. 57]. Заметим, что обращение к малым древнесаксонским фрагментам не бесспорно, но его нельзя избежать: материал этих текстов позволяет учесть вероятные тенденции языкового развития в древнесаксонском ареале, в том числе в прозаическом языке, более близком к разговорному.

² *The* в рукописи M, *tha*, *thi* в рукописи C [6, с. 85]. Формы *tha*, *thi*, по-видимому, являются клитическими (ср. примечание 4, с. 93). В то же время примечательна фиксация маргинальной формы *thé* за пределами «Хелианда» [6, с. 85].

анде» обнаруживается употребление *the* на месте полного местоимения ж.р. NomSg *thiu*¹ (два случая, полное местоимение в корреляции ProN – Pro употребляется тоже дважды).

Еще более разительное свидетельство распространения *the* дает его использование вместо форм полных местоимений, не имеющих с ним фонетического подобия и не выступающих в качестве его позиционных вариантов в зависимости от ударности/безударности. Ср.:

(12) *thana suâran balcon, the thu an thîno-ro siuni habas* (Hel. 1706)

«то тяжелое бревно, которое у тебя в (на) глазу».

th-ana	suâ-ran	balc-on	the
tot-ACC.SG.M	тяжелый-ACC.SG	бревно-ACC.SG(M)	REL
thu	an thîn-oro	siun-i	haba-s
ты.NOM	на твой-DAT.SG.F	глаз-DAT.SG.(F)	иметь-PRS.2SG

Форма указательного местоимения *thana* никогда не заменяется краткой формой *the* вне относительного предложения, невозможен и переход *thana* > *the* в результате фонетической редукции. Таким образом, данное употребление *the* представляет собой не что иное, как аналогическое расширение использования (начало генерализации употребления), сопровождаемое частичным морфологическим рассогласованием с антецедентом² (аналогичный случай с *the* вместо полной формы муж. р. AccSg в 4981, 5792).

Обнаруженные закономерности позволяют уточнить статус *the* в относительных предложениях. Несмотря на формальную неразличимость так называемой несклоняемой местоименной формы *the* и относительной частицы *the*, дистрибуция *the* и полных форм относительного местоимения, очевидно, указывает на прономинальность *the* в относительном предложении. Действительно, использование *the* в анафорической связке зависит от наличия указательного местоимения в именной группе антецедента, при этом *the* выступает как своего рода специальный сокращенный вариант этого местоимения в относительной функции. Кроме анафорической зависимости от местоимения именной группы антецедента, *the* явным образом сохраняет морфологическую связь с антецедентом, т.к.

¹ Как местоименная форма ж.р. NomSg форма *thiu* регулярна для обеих основных рукописей «Хелианда» [6, с. 84], для других (возможно, менее аутентичных) памятников отмечается *thia* [9, с. 117].

² Это рассогласование можно считать частичным, поскольку *the* распространяется на позиции относительного местоимения мужского рода, у которого в других падежных формах краткий вариант *the* существовал. Поскольку у форм среднего рода единственного числа корреляция с *the* не засвидетельствована с достаточной надежностью, можно полагать, что генерализация употребления *the* на данной стадии не выходит полностью за рамки родовых классов, т.е. при утрате падежных признаков еще сохраняется остаточная связь *the* с родом.

связка ProN – *the* остается регулярной только для N с определенными грамматическими характеристиками.

В то же время описанная дистрибуция, по всей видимости, запускает механизм утраты местоименным показателем признаков согласования. В развитии этого рассогласования можно выделить несколько этапов:

1) выбор в относительном предложении менее морфологически выразительного местоименного варианта, имеющегося в парадигме (на синхронном уровне этот вариант можно рассматривать как местоимение с нулевыми окончаниями либо как клитическую форму полного местоимения);

2) аналогическую замену кратким местоименным показателем других местоименных форм, первоначально не имевших краткого варианта, но совпадающих с формами, имеющими такой вариант;

3) распространение показателя *the* в относительном предложении на позиции иных местоименных форм, т.е. переход к генерализации употребления.

Именно третий этап парадигматического несоответствия с местоимениями сближает *the* с частицей¹ и может рассматриваться как переход (стадия перехода²) *the* в частицу.

В то время как роль фонетического ослабления и клитизации в распространении *the* остается непрозрачной (см. примечание 3, с. 94), морфологические и синтаксические факторы формирования особой модели относительного подчинения, как мы видим, выявляются с достаточной достоверностью.

Немаловажным обстоятельством для оценки направлений развития относительного подчинения в древнесаксонском является сходство различных рукописей «Хелианда» в отражении элементов связи предложений. Наиболее авторитетные рукописи С и М, служащие основой для

¹ Х. Йохансен прямо причисляет к случаям употребления частицы несколько рассмотренных нами примеров экспансии *the* в морфологически несвойственные позиции (1706, 4981, 5792, а также 3268 – с ж.р. NomSg) [10, с. 135]. Однако список Х. Йохансена смущает соседством таких примеров с адвербиальными предложениями и отсутствием комментариев, без которых весь перечень выглядит как составленный несколько наугад. О специфике анафорического употребления относительного *the* у Х. Йохансена ничего не говорится, соответственно, остается незамеченным тот факт, что в указанных несогласованных позициях эта «частица» продолжает употребляться в согласии с описанной нами анафорической стратегией, сохраняя, таким образом, связь с местоимением.

² Было бы заманчиво интерпретировать эту «стадию» как диахроническую в прямом смысле слова, т.е. как исторический этап постепенной деградации относительного местоимения. Однако унаследованный набор омонимичных показателей и положение древнесаксонского в контактной зоне западногерманских диалектов создают ситуацию, в которой было возможно более сложное перераспределение элементов, например, регресс частицы при встречном развитии относительных местоимений.

языковедческих исследований и восходящие к другой (несохранившейся) исходной версии [8, с. XIII], обнаруживают значительное единство в отношении основных параметров разных моделей подчинения.

Расхождения между версиями С и М в оформлении относительного подчинения зафиксированы более чем в 30 случаях. Типовое отклонение от преобладающего в обеих версиях образца составляет отход от модели ProN – *the* с заменой *the* на полноценный местоименный коррелят, причем в семи случаях из девяти такая замена фиксируется в версии С (1370, 1835, 3102, 3265, 3344, 3402, 4344, кроме 1427, 1733). Таким образом, в рукописи С предпочитают местоименные версии¹. В 1370 и 3344 местоименный коррелят в С получает падежную форму главного предложения. Напротив, М демонстрирует тенденцию к расширению сферы употребления показателя *the* на морфологически и синтаксически нетиповые контексты: в строках 2485, 4182, 4363 *the* замещает позицию коррелята женского рода NomSg (местоимения *thiu*), в 240 выступает как коррелят при субстантивном antecedенте без указательного местоимения.

Внутренняя логика соответствий, наблюдаемая в различных рукописях, служит косвенным подтверждением верности предложенной интерпретации. Разные списки текста отражают различные стратегии развития относительного подчинения в одном диалектном регионе или в близких диалектах: продвинутая стратегия становления особого показателя *the* очевидным образом связана как с использованием несогласованного *the* при анафорической связи с полным местоимением, так и с экспансией *the* на позиции, первоначально не свойственные этому показателю морфологически.

Таким образом, в условиях взаимодействия омонимичных показателей в древнесаксонском языке складывается своеобразная подсистема относительного подчинения, отличающаяся как от наиболее генетически близкой западногерманской древнеанглийской, так и от западногерманской «адстратной» древневерхненемецкой системы. Только в древнесаксонском языке прономинальное *the* формирует особую модель относительного предложения, занимая промежуточную нишу между склоняемым относительным местоимением и относительной частицей².

¹ Считается, что переписчик версии С работал небрежно; допустимо полагать, что по невнимательности или иным причинам он не использовал наиболее чуждые или непривычные ему употребления.

² Существование этой особой модели заставляет уточнить некоторые ареальные и типологические обобщения, касающиеся роли коррелятивного местоимения в главном предложении. Известно, что Г. Неккель рассматривал наличие и отсутствие «артикля» (т.е. указательного местоимения) при существительном главного предложения в древневерхненемецком языке как область колебаний, приравнивая подобную вариативность к вари-

Баланс изложенных наблюдений можно подвести следующим образом:

1. Древнесаксонское *the* в относительном предложении сохраняет морфологические и анафорические связи с коррелятивным указательным местоимением главного предложения, ввиду чего необходимо постулировать для *the* сохранение прономинальности и нетождественность частице *the*.

2. Основным направлением дальнейшего развития подчинения в древнесаксонском является морфологическое рассогласование местоимения относительного предложения с антецедентом главного. Ослабление согласования происходит продвинутыми темпами при эксплицитном маркировании морфологических признаков антецедента в главном предложении.

3. В древнесаксонском языке поддерживается типологически релевантное различие субстантивных и бессубстантивных предложений, формирование относительного подчинения в которых происходит по разным образцам.

4. Формирование моделей относительного подчинения на базе унаследованных элементов в древнесаксонском ареале следует модели, отличающейся от модели развития в древнеанглийском и древневерхненемецком ареалах.

Библиографический список

1. Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения (1975) // Семиотика и информатика 35. Opera selecta. М., 1997. С. 59–107.
2. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. Фонология. М., 1962.
3. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3. Морфология. М., 1963.
4. Behaghel O. Die Syntax des Heliand. Prag, 1887.
5. Braune W. Abriss der althochdeutschen Grammatik. Mit Berücksichtigung des Altsächsischen. Halle, 1953.
6. Gallée J. Altsächsische Grammatik von O. Behagel und J.H. Gallée. 1. Hälfte. Laut- und Flexionslehre. Halle, 1891.

ативности в древнесаксонском «Хелианде» [11, с. 12]. Однако очевидно, что ситуация в древнесаксонском отличается от ситуации в древневерхненемецком языке: в последнем выбор показателя относительного подчинения не зависит от присутствия согласованного указательного местоимения при антецеденте, а в древнесаксонском языке такая зависимость, хотя бы и на ограниченном участке употребления, существует. Иными словами, для этого участка употребления присутствие местоимения при антецеденте не является факультативным. Соответственно, строго говоря, не совсем исчерпывающим оказывается и утверждение о типологической факультативности местоимения в главном предложении при линейной (субстантивной) модели построения (*Главное предложение Местоимение₁* – (*Придаточное Местоимение₂*)) [1, с. 75]. Схема строения относительных предложений, к которой отсылает данный тезис [1, с. 74], заведомо не охватывает переходных форм *in statu nascendi*.

7. Helgander J. The Relative Clause in English and other Germanic languages: a historical and analytical survey. Göteborg, 1971.
8. Heliand und Genesis // Hg. von O. Behagel. Tübingen, 1984.
9. Holthausen F. Altsächsisches Elementarbuch. Heidelberg, 1921.
10. Johansen H. Zur Entwicklungsgeschichte der altgermanischen Relativkonstruktion. Kopenhagen, 1935.
11. Neckel G. Über die altgermanischen Relativsätze // Palaestra. 1900. № 5. S. 1–96.
12. The Gospels in West Saxon / Ed. J.W. Bright. Boston, 1905–1910.
13. Vries M. de. The Syntax of Relativization. Dis. Utrecht, 2002.

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН; директор Института языкознания РАН. E-mail: estetsenko@mail.ru.

Борисова Людмила Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. E-mail: borisova_l_v@mail.ru.

Коваль Павел Андреевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: waschbaren@gmail.com.

Летучий Александр Борисович – кандидат филологических наук; доцент факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com.

Мороз Георгий Алексеевич – аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; преподаватель факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: garka@strn.ltv.ru.

Пименова Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник НОЦ «Институт современных лингвистических исследований», МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: n_pimenova@yahoo.com.

Шарафутдинова Карима Рашидовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, Ульяновская средняя общеобразовательная школа, д. Путилково Красногорского района Московской области. E-mail: karima_5_ina@mail.ru.

V. Alpatov

Case variation in Japanese

The Japanese language has the developed case system, case markers are postpositions. There are four primary markers (*ga, o, no, ni*) denoting syntactic relations and several secondary markers with some additional meaning (instrument, direction etc.), zero marker is possible too. There are contexts in which different markers or marker and zero are possible, sometimes a slight semantic differentiation takes place, sometimes we can find pragmatic distinctions but in many cases markers are interchangeable. Some kinds of case variation in Japanese are analyzed in the article.

Key words: case, postposition, primary marker, secondary marker, variation of postpositions in Japanese.

L. Borisova

Concept tree as a linguistic and cultural code

This article offers a linguistic and cultural analysis of figurative meanings of words denominating trees in the Russian and Chuvash languages. The words of the given thematic group are a part of the language picture of the world of the ethnic group. The analysis makes a certain contribution to the reconstruction of the integrated language world picture and also helps find out some peculiarities of national world comprehension.

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, concept, comparative semantics, polysemy, connotation.

P. Koval

Floating quantifiers and information structure in Tatar

This article investigates syntax of floating quantifiers in Tatar and introduces one significant improvement to the proposed model. Careful explora-

tion of features of a position where quantified noun phrase is shown leads the author to the key assumption that this position is a position of topic (at least one of the positions). The assertion that information structure has a significant impact on the derivational history of floating quantifiers allows us to establish new connections between previously unrelated features of this type of discontinuous constituents.

Key words: syntax, floating quantifiers, Turkic languages, Tatar, information structure, derivational analysis.

A. Letuchiy

Syntactical features of sentential arguments
with predicatives

In the article syntactic properties of sentential arguments in Russian constructions with predicatives are analyzed. The list of the discussed criteria includes pronominalization of sentential argument, the floating quantifier *samo po sebe* (all by itself), the word order, the way of expression of the experiencer (dative NP vs. PP with the preposition *dlja* ‘for’) and so on. The author concludes that most of these criteria can hardly be used as subject diagnostics, except *samo po sebe* and *dlja*. Importantly, it is impossible to regard sentential arguments of predicatives as a syntactically uniform class. Infinitive clauses show less subject characteristics than finite embedded clauses with the marker *čto*. Yet, predicatives themselves are not uniform: for instance, sentential arguments of ‘weather predicatives’, such as *chodno* (It is cold) are definitely not subjects, while for other predicatives, sentential arguments do have a subclass of subject properties.

Key words: predicative, subject in the Russian language, sentential argument, pronominalization, floating quantifier, word order in the Russian language, degrees of comparison.

G. Moroz

Structure of the compound cardinal numerals
in the languages of the Caucasus: addition

This paper contains the findings from the areal and typological research of the systems of cardinal numeral in the languages of the Caucasus. It is based on the structural analysis (which isn’t a phonetic or etymological comparison) of the numeral systems in the languages of the three autochthonic language families of the Caucasus (Kartvelian, East Caucasian and West Caucasian) and in some non-autochthonic languages of the area (Armenian, Azerbaijani,

Karachay-Balkar, Kumyk, Nogai, Ossetic, Russian, Talysh, Tat) with the focus on markers of addition. There are four types of addition markers systems in the Caucasus. This typology has been compared with the same research into cardinal numeral in the languages of the World, where five types of addition markers systems are presented. The results of the research are the two distributions of the different types of addition markers systems and some probable explanations of the difference between these distributions.

Key words: numerals, markers of addition, Kartvelian, East Caucasian languages, West Caucasian languages.

N. Pimenova

Between pronominal clitics and particles:
the decay of agreement in Old Saxon relative elements

The article deals with the features and distribution of relative pronouns and the relative element *the* in Old Saxon. As provided by the present interpretation, the distribution of relative pronouns and *the* in the Old Saxon poem “Heliand” is regulated by anaphoric correlations (demonstrative pronoun MATR – the REL). The article analyzes the degree of their regularity and connection with the peculiarities of the morphological system.

Key words: relative pronoun, relative particle, pronominal clitics, agreement, anaphoric relations, language contact, Old Saxon, Old Germanic languages.

K. Sharafutdinova

Portrait detail within the exposition of the novels
“Anna Karenina” by L. Tolstoy
and “Madame Bovary” by G. Flaubert:
receptive and narrative strategies

Based on the analysis of the previous stage of comparative study of the novels “Anna Karenina” by L. Tolstoy and “Madame Bovary” by G. Flaubert the author analyzes special features of formation of one of the stages of narrative plot, horizon of the readers’ expectations, determined by similarity and difference of the solvable literary tasks.

Key words: narrative plot, portrait detail, exposition, receptive concepts, readers’ perception vector, exposition, horizon of expectations.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна,
заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.1

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 20.03.2014 г.
Подписано в печать 25.03.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.